

В. Н. Дружинин

ВАРИАНТЫ ЖИЗНИ

Очерки
экзистенциальной
психологии

ББК 88.37
УДК 159.923
Д76

Дружинин В. Н.

Д76 **Варианты жизни.** — СПб.: Питер, 2010. — 156 с.

ISBN 978-5-49807-492-4

Книга выдающегося российского ученого В. Н. Дружинина посвящена психологическим проблемам человеческой жизни и типологии личности. В ней содержится обзор достижений зарубежной и отечественной экзистенциальной психологии, а также собственная концепция автора — типология психологических вариантов жизни.

Издание предназначено для студентов высших учебных заведений психологического и педагогического профиля, молодых специалистов, а также всех интересующихся.

ББК 88.37
УДК 159.923

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Книга издается в авторской редакции.

ISBN 978-5-49807-492-4

© ООО Издательство «Питер», 2010

Содержание

Предисловие	4
Экзистенциальная психология как наука	5
Экзистенциальная философия как предпосылка «психологии жизни»	15
Обзор, необходимый в любой монографии	30
«Психология жизни» в России	42
«Жизнь начинается завтра» (Жизнь как предисловие)	51
Жизнь как творчество	62
«Погоня за горизонтом» (Жизнь как достижение)	69
«Жизнь есть сон»	87
«Жизнь по правилам»	100
«Жизнь — трата времени»	116
Жизнь против жизни	125
«Экзистенциальный конструктор», или Жизнь как предмет творчества	147
Заключение, оно же — эпиграф	155

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, написана летом 2000 г., без каких-либо обязательств с моей стороны перед будущим читателем, сегодняшним начальством или своим научным прошлым. Этот текст посвящен психологическим проблемам человеческой жизни (и смерти). В основе его — только личные размышления автора, одобренные цитатами и невольными заимствованиями из книг, прочитанных за многие годы. Четыре основных навыка: говорить, читать, писать и считать — должен приобрести ребенок. Лишь два из них действительно помогают людям жить. Человек, для которого главным инструментом является речь, а именно ученый, писатель, философ, врач-терапевт, преподаватель, вынужден пренебрегать «золотым правилом» социальной жизни: «молчание — золото». Тем более в безнадежной ситуации находится человек, обреченный профессией на поиск истины, точнее — всерьез поверивший в то, что долг ученого — ее открывать.

Однако эта книга — не научное исследование, возможно, одна большая гипотеза, растянувшаяся на несколько печатных листов. Жанр ее я сам не могу точно определить, так же как не рискну с легким сердцем рекомендовать ее всем. Но как сказал мне один издававший виды издатель: «Любая книга может быть издана, так как любая книга может быть продана».

Экзистенциальная психология как наука

«То есть твоя сущность, читатель, моя сущность, сущность человека Спинозы, человека Бутлера, человека Канта и всякого человека как такового есть не что иное, как стремление, усилие, направленное на то, чтобы продолжать быть человеком, не умирая».

Мигель де Унамуно

Подлинные научные дискуссии ведутся и будут вестись не на конференциях и семинарах, а в курилках, за столиком в кафе или по дороге в институт. Между нами — мной, 25-летним младшим научным сотрудником, и 50-летним доктором наук — шла беседа на банальную для того времени марксистскую тему: об адекватности отражения. Между прочим, доктор наук сказал: «Адекватным психическое отражение быть не может, потому что только неадекватность обеспечивает жизнь человека. Космонавта в космическом корабле от мрака, абсолютного нуля и вакуума отделяет стенка, которую при желании кулаком может пробить любой каратист. Если бы он отражал это — ежеминутно своим сознанием, он сразу бы сошел с ума...»

Фантазии, иллюзии и видения помогают человеку выжить, точнее прожить отрезок времени до отведенного ему случаем и генетикой срока. А поможет ли ему истина о его жизни? Ничто не волнует человека так, как его собственная судьба. Пророки, прорицатели, прогнозисты и гадалки собирают дань с человеческой тревоги и боязни преждевременной смерти.

Личность человеческая соотносится не со своим поведением, деятельностью и т. д., а со своей жизнью и судьбой, которую не всегда можно выбрать, но каждому рожденному дано прожить. Если человек каждое мгновение будет держать в сознании мысль, что он смертен, — захочет ли он жить? И для чего нужна наука об индивидуальной жизни?

Экзистенциальная психология — наука о том, как человеческая судьба зависит от отношения человека к жизни и смерти. Она призвана

объяснить, почему жизнь человека складывается определенным образом, а не иначе. Любое знание вводит ограничение на степени свободы поведения изучаемого объекта, а человек с момента рождения лишен этой свободы, ибо не в его воле появиться на свет и не в его воле умереть. Он может распорядиться временем своей жизни, точнее — смерти (да и то — не всегда).

Экзистенциальная психология — наука о разнообразии и типологии человеческих жизней, ибо как все люди уникальны, равно — уникальны их жизненные пути. Всеобщие внешние события — войны, катастрофы, революции и, напротив, — стабилизация и консервация общественного бытия делают наши жизни похожими. Принадлежность к поколению, нации, культуре, религиозной конфессии превращает судьбы людей в социально типичные. Но сквозь типичное и универсальное пробиваются ростки особенного и уникального. Это наука о непохожести человеческих судеб.

Экзистенциальная психология — наука о человеческом сознании и субъективной реальности, которая есть отражение жизни в образе индивидуального жизненного пути. Существует выбор, детерминируемый бессознательным, после трудов З. Фрейда и результатов современной глубинной психологии это глупо отрицать. Однако лишь сознание позволяет человеку соотнести себя с собственной жизнью, поставить и попытаться решить проблемы своего индивидуального существования, а не только ответить на гамлетовский вопрос: «Быть или не быть».

Ясно и выразительно пишет об этом Эрих Фромм: «Сознание делает человека каким-то аномальным явлением природы, гротеском, иронией Вселенной. Он — часть природы, подчиненная ее физическим законам и неспособная их изменить. Одновременно он как бы противостоит природе, отделен от нее, хотя и является ее частью. Он связан кровными узами и в то же время чувствует себя безродным. Заброшенный в этот мир случайно, человек вынужден жить по воле случая и против собственной воли должен покинуть этот мир. И поскольку он имеет самосознание, он видит свое бессилие и конечность своего бытия. Он никогда не бывает свободен от рефлексов. Он живет в вечном раздвоении. Он не может освободиться ни от своего тела, ни от своей способности мыслить». И далее: «Человек не может жить только как продолжатель рода, как некий образец своего вида. Живет именно ОН. Человек — единственное живое существо, которое чувствует себя в природе неуютно, не в своей тарелке: ведь он чувствует себя

изгнанным из рая. И это единственное живое существо, для которого собственное существование является проблемой; он должен решать ее сам, и никто не может ему в этом помочь. Он не может вернуться к дочеловеческому состоянию “гармонии” с природой, и он не знает, куда попадет, если будет двигаться дальше. Экзистенциальные противоречия в человеке постоянно приводят к нарушению его внутреннего равновесия. Это состояние отличает его от животного, живущего в “гармонии” с природой»¹.

Человек в отличие от животного не имеет «экологической ниши», к которой его приуготовил процесс эволюции. Точнее было бы сказать: человек должен выбрать, создать эту экзистенциальную нишу или выйти за пределы данной ему обстоятельствами. Биология человека не соответствует его существованию в водной среде, в воздухе или в космосе, но человек плавает по морям и рекам, погружается под воду, пилотирует самолеты и космические корабли.

Экзистенциальная психология — дочь экзистенциальной философии и сводная сестра экзистенциальной психотерапии. За несколько веков своего существования экзистенциальная философия под разными именами поставила важнейшие проблемы индивидуального человеческого бытия и, как любая философия, не решила их, ибо задача философии — не решать проблемы, а предоставлять их решение науке. Философия жизни Ф. Ницше и М. Унамуно, русская религиозная философия С. Франка и Г. Шпета и т. д. и т. п. — основа экзистенциальной психологии.

С экзистенциальной психологией тесно граничат возрастная психология и психология развития, точнее, речь идет о той дисциплине, которая называется «психологией развития жизни» (life span developmental psychology). Она оперирует понятиями «время жизни», «пространство жизни» и исследует психическое развитие индивида от рождения до смерти. Главная причина изменения личности, согласно специалистам в области психологии жизненного развития, — возраст и сопряженные с ним изменения социального, социально-психологического, психологического и психофизиологического статуса личности.

Сложнее связь с экзистенциальной психотерапией. Психолог и психотерапевт стремятся помочь ближнему своему, и тем более — дальнему (поскольку — за плату), решить жизненные проблемы. Но порой

¹ Фромм Эрих. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика, 1994. С. 195–196.

психолог напоминает спасателя, который бросается на помощь тонущему в бушующем море человеку, не только не имея при себе аква-ланга, но и вообще не умея плавать.

В отличие от экзистенциальной психотерапии экзистенциальная психология не помогает жить, а описывает и объясняет жизнь. Помогает ли «пассивное» знание человеку? В той мере, в какой его индивидуальное сознание является достаточным инструментом для управления собственным поведением и, соответственно, построения собственной жизни.

Во всяком случае, перефразируя Карла Маркса, я бы сказал, что психологи до сих пор пытались изменить человеческую жизнь, между тем как задача состоит в том, чтобы ее объяснить. Зная причины и воздействуя на них, можно изменить и следствия, но не отменить. Как нельзя силой воли преодолеть земное притяжение.

Итак, личность как целостность соотносима с индивидуальной жизнью как целостностью, процесс существования личности, ее изменения во взаимодействии с миром и есть жизнь.

«Мир» — не вполне удачный термин, правильнее было бы сказать «окружение», «среда» (*«environment»*), т. е. некая часть мира, с которой актуально или потенциально может взаимодействовать человек. В дальнейшем я буду употреблять термин «мир» в значении — «индивидуальная жизненная среда человека», не будучи оригинальным, поскольку в российской психологии такое отношение понятий «человек» и «мир» закрепил С. Л. Рубинштейн.

Человек, мир и жизнь (поскольку этими реальностями занимается экзистенциальный психолог) должны описываться посредством психологических категорий, а не биологических, физических, социальных, культурологических и т. д.

Религия, как и философия, пытается решить задачи индивидуального человеческого бытия. Симбиоз порождает религиозную философию: тонизм, неотомизм, христианский экзистенциализм и т. д. Когда мы, исследователи, говорим о религии, почему-то всегда подразумеваются различные варианты христианства, а между тем проблемы «как жить» (этика) и «как человек живет» (психология) не специфичны для него. Более того, мусульманство, буддизм, иудаизм, а также конфуцианство и, особенно, — даосизм дают свои ответы на эти вопросы. Помимо этических предписаний, явно или неявно, они базируются на концепциях индивидуальной человеческой жизни «как она есть на самом деле».

Симбиоз религии и психологии породил различные версии восточных психотехник, а в западноевропейской и североамериканской куль-

турах возникла «христианская психология», в основе которой христианская модель человека и его бытия. Соответственно, версий христианской психологии, по крайней мере, не меньше, чем число христианских конфессий.

Преимущество христианской психологии перед другими версиями психологии жизни в том, что она явно декларирует свои иррациональные основания. Между тем как психоанализ и прочие версии глубинной психологии, не говоря уже о «марксистской психологии», их либо маскируют (по принципу «два пишем, ноль в уме»), либо не рефлексировать. Исключением является гуманистическая психология. Но представления о человеке как существе саморазвивающемся, активном, самоактуализирующемся творце, стремящемся к альтруистическим отношениям с миром (если, конечно, ему поможет гуманистически ориентированный психотерапевт), чрезвычайно далеки от реальности, с которой мы повседневно сталкиваемся! Впрочем, каждый психолог вправе иметь свое мнение на сей счет.

Христианская психология, как и прочие версии экзистенциальной психологии, направлена на помощь конкретному человеку, благо рецепты для помощи выработаны практикой христианства и психологам известны. Она в меньшей мере нацелена на исследование, на беспристрастную фиксацию реальной жизни. И все же модель человека, предлагаемая христианской психологией, мне ближе и понятнее, чем прочие варианты.

Психолог, занимающийся проблемами индивидуальной человеческой жизни, оказывается в том же затруднительном положении, что и космолог, изучающий развитие светил и галактик. Он не может провести строгий естественный эксперимент, не вправе изменять человеческую судьбу, если человек его не попросит. Отсюда такая тесная связь между практической и экзистенциальной психологией: почти все теории человеческой жизни созданы практикующими психологами, психотерапевтами, педагогами, врачами. Практика, живые наблюдения, беседы — самый богатый источник информации о повседневном существовании личности. Немалую долю в познание проблем жизни вносит и личный опыт психологов, приобретенный зачастую при самых трагических обстоятельствах.

Узник концлагеря, чудом выживший рядом с топкой крематория, Виктор Франкл основал логотерапию. Пережив не менее пяти женитьб и разводов, российские психологи (не буду называть фамилии) создают семейно-брачные консультации и учат других, как строить межличностные отношения. Критические внешние обстоятельства и

проблемы в самостоятельном конструировании собственной жизни — два источника увлеченности экзистенциальной психологией (автор относит эту сентенцию и к себе тоже).

Экзистенциальный психолог относится к жизни как к целому, но вынужден делить ее на жизненные этапы, которые определяются выбором образа жизни, а внутри этих этапов вычленять жизненные события.

Психолог не может эмпирически охватить индивидуальную жизнь. Во-первых, она не короче его личной жизни, поэтому наблюдение полного жизненного цикла одного человека одним психологом невозможно, а несколько психологов на одного наблюдаемого — непомерная роскошь. Во-вторых, наблюдение не может быть сплошным, ибо существенная часть жизни человека скрыта от других, да и сам психолог имеет право на личную жизнь. В-третьих, никто никогда не согласится на вторжение в свою жизнь, в жизнь детей. Человек — не дрозофила и не кишечная палочка.

Итак, если наблюдение в экзистенциальной психологии и возможно, то оно ситуативно, отрывочно во времени и неполно. Невозможность применить наблюдение для изучения процесса индивидуальной человеческой жизни в «естественной среде» и в реальном режиме физического времени является главным критерием, отделяющим экзистенциальную психологию от естественно-научной.

Измерение, эксперимент, наблюдение, натурное моделирование имеют значение как дополнительные методы других отраслей психологии (психологии личности, психологии развития, социальной психологии и т. д.), доставляющие информацию для экзистенциально-психологического анализа.

Кто может поручиться, что был свидетелем жизненного выбора другого человека в моменты проведения исследования?

Психология развития и возрастная психология сталкиваются с теми же проблемами, но их выручает возможность рассматривать испытуемых как одинаковые объекты внутри возрастных групп. Это дает возможность применять лонгитюд (длительное наблюдение во времени над группой однородных объектов) или «метод срезов» (тестирование испытуемых разных возрастов одновременно). И психологию развития, и возрастную психологию интересуют общие закономерности психической активности и индивидуальные психологические различия между людьми, зависящие от возраста, а также от сопряженных с ним внешних влияний и событий. К числу таких событий относятся

начало учебы в школе, женитьба, события профессиональной карьеры и т. д. Изменение личности рассматривается как функция биологического возраста и социальных воздействий, которые в той или иной культуре по традиции связаны с возрастными изменениями.

Объектом экзистенциальной психологии всегда был и будет уникальный человек как типичный представитель всего человечества. В этом еще один парадокс науки об индивидуальной жизни. В уникальной судьбе индивида мы должны разглядеть общие психологические закономерности человеческой жизни.

В психологии личности давно противостоят друг другу сторонники идиографического и номотетического подходов.

Напомню, что сторонники номотетического подхода, в частности Г. Айзенк, считали, что, как и любая другая наука, психология личности должна выявлять общие законы, описывающие поведение с помощью естественно-научных методов. Сторонники идиографического подхода считали, что исследование в психологии личности направлено на познание уникального объекта, поэтому основным методом должно быть описание «частных случаев» с последующим теоретическим обобщением и интерпретацией.

Экзистенциальная психология самой сущностью своей как науки «судьбой» лишена арсенала естественно-научных методов. Но она, если претендует на статус науки, не должна прибегать к методу описания частных случаев: необходимо соблюдать основные принципы научной индукции, чтобы не совершить ошибку преждевременного и неправомерного обобщения. Поэтому главным эмпирическим методом экзистенциальной психологии стал «архивный метод»: изучение текстов, материалов биографий и автобиографий, воспоминаний и свидетельств очевидцев, документов. На основе анализа текстов реконструируется жизненный путь личности.

Дополнительным является метод беседы. Об интроспекции исследователя, направленной на переживания, связанные с событиями личной жизни, сказано ранее. И все же на первый план выходит метод понимания: человеческие поступки, события жизни следует правильно описать и понять. Интерпретация происходит с помощью понятий и отношений между ними, которые принадлежат исследователю. Без развитой системы — интерпретатора — никакое понимание невозможно. Известный российский психолог А. А. Кроник ввел представление о двойственной — причинной и целевой — детерминации событий индивидуальной жизни. Все события происходят либо «для того, чтобы»,

либо «потому, что». Ответ на эти два вопроса, касающиеся судьбы индивида, и должен дать психолог.

В чем-то труд экзистенциального психолога сродни работе философа: он тоже должен создать собственную модель реальности, собственный интерпретатор, опираясь на интуицию, логику и неформализуемый жизненный опыт. Для этого он должен забыть на время содержание всех психологических и философских книг, которые он за свою жизнь прочитал, отказаться от сознательных предварительных гипотез и стереотипов, не прибегать к трудам и методам, предлагаемым его коллегами, а попытаться «наивными» глазами, непредвзято посмотреть на ту часть реальности, которая называется индивидуальной жизнью. Любая жизнь человека — личная. Заранее известно, что такая попытка обречена на неудачу. Но даже попытка дает возможность если и не открыть что-то новое в реальности, по принципу «А король-то — голый!», — то проявить тот внутренний интерпретатор, посредством которого психолог описывает, понимает и анализирует нерасчленимый и малодоступный научному пониманию ход человеческой жизни.

Успех такого анализа зависит от ряда трудно формализуемых предпосылок. От индивидуального таланта исследователя, поэтому любой экзистенциальный психолог в какой-то мере одержим манией величия (в бытовом, а не в строго клиническом понимании). От предшествующего жизненного опыта исследователя — поэтому к столь сложному предмету обращаются люди, сами прожившие существенный срок и немало пережившие. Либо за дело берутся выпускники университетов, полагая, что о жизни они знают если не все, то уж, наверняка, самое главное («не учите меня жить»). От накопленного в психологической науке знания — для психолога это самый трудный пункт. Наконец, от достоверности информации, которую получают исследователи-эмпирики.

Никто не доверяет автобиографиям и биографиям, особенно — знаменитых людей. Они неполны и противоречивы: достаточно в качестве примера сравнить разные версии биографий Эйнштейна или Ландау, написанные как близкими им людьми, так и «объективными» исследователями. Преимущество судеб выдающихся людей в одном — они очень подробно документированы. Но всегда есть опасность стать жертвой обмана или самообмана. Помимо «наполеоновской» легенды созданы «эйнштейновская», «пушкинская» и прочие легенды. Но кто сказал, что будет легко?

Экзистенциальная психология не должна учить, как человеку следует жить. Для этого есть правоведение и этика, и специалисты, знающие и разрабатывающие нормы человеческого сосуществования. Экзистенциальные психологи ищут «смысл жизни», ибо бессмысленно искать во внешнем мире то, что существует лишь внутри субъекта. Для поисков смысла жизни есть философия и религия. И наконец, экзистенциальная психология, в отличие от разных версий экзистенциальной психотерапии, не должна помогать человеку жить.

Исследователь интересуется тем, как человек живет на самом деле. Конечно, знание, получаемое им, потенциально может принести пользу. От чтения книг по психологии люди не станут лучше жить, так же как не научатся летать, прочитав статьи по аэродинамике и конструированию летающих аппаратов.

Чтобы не писать руководства, как следует жить правильно, как достигнуть бессмертия или хотя бы избавиться от страха смерти, приходится соблюдать «правила для руководства ума», которыми предлагает пользоваться Ж. Пиаже.

1. Перед началом исследования не читать никаких книг по теме исследования, так как чтение чужих работ убивает оригинальные идеи. С трудами коллег следует знакомиться по окончании работы.
2. В период подготовки исследования следует читать как можно больше книг и статей из смежных областей знания. Это чтение наводит на оригинальные аналогии.
3. К идеям следует относиться безжалостно: «как к голове турка». Это позволяет находить недостатки в конструкциях, продолжать поиск и генерировать новые идеи.

Предположения. Я полагаю, что существуют независимые от индивида, изобретенные человечеством и воспроизводящиеся во времени варианты жизни. Человек в зависимости от конкретных обстоятельств может выбрать тот или иной вариант, но вариант жизни может быть ему навязан. Степень свободы индивида и мера давления на него внешнего мира — социальной среды — зависят от конкретных исторических условий. Понятие «вариант жизни» является целостной психологической характеристикой индивидуального бытия и определяется типом отношения человека к жизни. Существуют психологические параметры, с помощью которых можно дать описание вариантов жизни, но они трудно формализуемы, хотя и поддаются вербализации. Вариант жизни формирует человеческую

личность, «типизирует» ее. Индивид превращается в представителя «жизненного личностного типа». «Типичный представитель» — не выдумка советских литературоведов, а реальность. Итак, индивид «входит» в жизнь, включается в тот или иной вариант жизни со своими способностями, темпераментом, характером, а «выходит» — типизированной личностью. Возможна смена варианта жизни в зависимости от обстоятельств или сходства вариантов между собой. И последнее: жизнь — одна, человек — смертен.

Экзистенциальная философия как предпосылка «психологии жизни»

Созревание любой идеи проходит, по крайней мере, три стадии: предпосылка идеи; имплицитная, «скрытая идея» — идея «в себе»; эксплицитная идея, выраженная «вовне».

Экзистенциальная философия как идея имела множество предпосылок в трудах философов, моралистов, основателей религиозных учений. В XIX в. имплицитно экзистенциальная философия существовала в трудах Ф. Ницше, С. Кьеркегора, О. Шпенглера, а также Л. Шестова, П. Флоренского и многих других мыслителей.

«Эксплицировать», предъявить миру проблематику экзистенциальной философии как особую, не сводимую к другим «проклятым вопросам», посчастливилось К. Ясперсу. По крайней мере, его имя чаще всего отождествляется с основанием экзистенциализма как важнейшего течения в рамках европейской культуры XX в. Для психологов и медиков Ясперс интересен в первую очередь как один из крупнейших психиатров и психотерапевтов, автор «Всеобщей психопатологии». Философское наследие Ясперса многообразно и очень глубоко проанализировано отечественными философами (в первую очередь — П. П. Гайденко).

Карл Ясперс родился 23 февраля 1883 г. в семье очень состоятельных родителей (отец был директором банка). По личным мотивам он выбрал профессию медика, оставив юридический факультет: у Ясперса была неизлечимая врожденная патология бронхов и, как следствие, — сердечная недостаточность. Балансирование на грани жизни и смерти развило в Ясперсе тягу к полноте бытия, а также интерес к проблемам человеческого существования. Как и многие немецкие ученые, он пережил гонения: в 1937 г. его лишили права преподавать и издавать научные работы только потому, что его жена была еврейкой.

Один из лидеров интеллектуальной жизни послевоенной Германии, убежденный демократ, Ясперс до конца лет сохранял творческую продуктивность и мощь духа, отстаивая гуманистические ценности.

Его размышления о человеческом существовании, с одной стороны всеобщие и абстрактные, с другой стороны, касаются содержания бытия человека XX в. Если осмелиться на собственное суждение о трудах одного из величайших философов, то могу сказать, что стиль его размышлений не близок мне. Более того, многие концептуальные построения Ясперса я считаю поверхностными и недостаточно обоснованными. В его трудах нет «кипения страстной мысли», ищущей и ошибающейся.

И однако, именно Карл Ясперс обратился к экзистенции как базовому понятию философии. Волнует же его судьба человека — современника, который утратил безопасность существования: «Бога нет — таков растущий возглас масс; тем самым и человек теряет свою ценность, людей уничтожают в любом количестве, поскольку человек — ничто»¹. Традиции рухнули и не могут помочь в установлении связи с миром, поэтому человек должен сам помочь себе. Существование человека не кругооборот, а движение к незнакомой цели, преодоление себя.

Человек находит себя в напряжении пограничных ситуаций, требующих от него решительности. Экзистенциальная философия, по Ясперсу, призвана восстановить утраченную связь человеческого сознания и бытия: она использует все объективное знание и мышление, выводящее человека за пределы знания, чтобы помочь ему стать самим собой: «Она пробуждает то, что не знает; проясняет и волнует, но не фиксирует»².

Более всего человеку угрожают не силы природы, а им же самим созданный мир. Ему недостаточны погружения в «радости жизни», в настоящее или же отчаянная решимость противостоять миру: человек нуждается в положительном содержании. Ясперс считает, что обрести позитивность человеку поможет лишь длительная борьба за его подлинную сущность.

Человек либо противостоит миру, либо вступает в мир. Первый путь ведет к отчуждению от людей и одиночеству. Второй путь — в мир к обретению самобытия, идет лишь через возможности первого пути: нужно жить с другими внутри аппарата власти, не давая ему поглотить себя. Дистанция от мира дает человеку свободу, а погружение в мир — бытие. Для Ясперса остается открытым вопрос: воз-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 377.

² Там же. С. 388.

можен ли в современном мире независимый человек, сам определяющий свою судьбу?

Ответ на этот вопрос определяется духовной ситуацией, в которой существует человек. Человек живет в конкретном месте мира. Даже возросшая мобильность не дает человеку возможности пережить ситуации других людей. Знания же стали более доступны людям, но люди различаются по своим стремлениям к знанию. Ситуация всегда исторична, и более того — не существует единой ситуации даже для людей одного времени.

Главная особенность современной эпохи состоит в том, что условием массового существования стало развитие техники, которая дает уверенность в обеспечении всем необходимым для жизни, но уменьшает удовольствие от этого, поскольку обеспеченность не ожидается с надеждой, а воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Возрастает ощущение недостатка по мере увеличения обеспеченности жизни. В техническом мире средства связи создают возможность соприкосновения всех со всеми. Внутренняя позиция человека характеризуется деловитостью: от него ждут не рассуждений, а знаний, умелых действий, не чувств, а объективности, ловкости обращения с вещами, на первый план выступает соответствие правилам (см. главу «Жизнь по правилам»). Индивид распадается на функции; он становится производной единицей; он должен успешно выполнять свои обязанности, а значит, вечно быть молодым. Отсюда — «культ молодости»: «Возраст отдельного человека уже изначально не имеет значения; жизнь его воспринимается лишь в мгновении, временное протяжение жизни — лишь случайная длительность... Если у человека в сущности нет больше возраста, он все время начинает с начала и всегда достигает конца: он может делать и то и это, сегодня это, завтра другое; все представляется всегда возможным, и ничто, по существу, не действительно. Отдельный человек — не более чем случай из миллионов других случаев, так почему бы ему придавать значение своей деятельности. Все, что происходит, происходит быстро, а затем забывается. Поэтому люди ведут себя, как будто они одного возраста»¹.

Деловитость требует простоты и понятности поведения и приводит к его всеобщей унификации. Другой признак современной ситуации — господство бюрократического аппарата. Человеку дают задачи, а он их должен быстро и эффективно решать. Соответственно

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 310.

значимо только то, что происходит в настоящем, а главное требование к человеку — уметь забывать. Личность лишается и своего прошлого, и своего будущего, а живет лишь настоящим, поскольку человек прикован к ближайшей задаче. Единственная цель, которую он видит перед собой, — занять хорошее место в аппарате. Идеалом большинства становится карьера. Одни пробиваются вперед, напрягают последние силы, двигаясь к власти и славе, другие же удовлетворяются исполнением на работе рутинных обязанностей, а смыслом жизни становится досуг. Ясперс красочно характеризует тип личности, стремящейся к успеху в условиях аппаратного порядка: «Господствующий аппарат покровительствует людям, обладающим способностями, которые позволяют им выдвинуться: умеющим оценивать ситуацию беспардонным индивидам, которые воспринимают людей по их среднему уровню и поэтому успешно используют их; они готовы в качестве специалистов подняться до виртуозности, одержимые желанием продвинуться, они способны жить, не задумываясь и почти не тратя времени на сон.

Далее, требуется умение завоевать расположение. Надо уметь уговорить, даже подкупить; безотказно нести службу, стать незаменимым; молчать, надувать, немного, но не слишком лгать, быть неутомимым в нахождении оснований; вести себя внешне скромно; в случае необходимости вызывать к чувству, трудиться к удовольствию начальства, не проявлять никакой самостоятельности, кроме той, которая необходима в отдельных случаях.

Для того, кто по своему происхождению не может претендовать на высокие посты в бюрократическом аппарате, не подготовлен к тому воспитанием и должен добиться соответствующего положения своими силами, это связано с манерой поведения, с инстинктом, отношением к ценностям, и все это представляет опасность для подлинного самобытия как условия ответственного руководства. Иногда может помочь счастливая случайность; однако, как правило, преуспевающие отличаются такими качествами, которые препятствуют им мириться с тем, что человек остается самим собой, поэтому они с безошибочным чутьем пытаются всеми средствами вытеснить таких людей из своей сферы деятельности: они называют их самонадеянными, чудаками, односторонними и неприемлемыми в деле; их деятельность оценивается фальшивым абсолютным масштабом; они вызывают подозрение, их поведение рассматривается как провоцирующее, нарушающее покой, мир в обществе и пресупающее должные границы. Поскольку высокого положения достигает только тот,

кто пожертвовал своей сущностью, он не хочет допустить, чтобы другой ее сохранил»¹.

Аппарат служит лишь для того, чтобы обеспечить и упорядочить жизнь человеческих масс. Поэтому существование единичного человека ставится в полную зависимость от жизни массы, расчлененной аппаратом. Человек, даже занимающийся автономной духовной деятельностью, не может физически существовать, не удовлетворяя потребности массы, не подчеркивая значимость для нее своих усилий.

Однако человек не может полностью раствориться в существующем порядке, созданном аппаратом власти. Он восстает против лишения прав быть самим собой, проявляет своеволие, сопротивляется, прибегает к обману, но ищет путь для самоопределения. Он хочет жить в доме, в собственной семье; он хочет переживать радость от труда. Но человек боится утратить все, ради чего стоит жить, он боится самой жизни, ибо стал не существом, а функцией. Страх переносится на работу: нужно трудиться больше и лучше, чтобы не быть отвергнутым. Страх распространяется на тело: и люди сверх всякой необходимости пекутся о здоровье и прибегают к услугам врачей. Угроза быть брошенным близкими людьми порождает страх одиночества. Но, несмотря на страхование и социальные гарантии, предоставляемые аппаратом, именно господство аппарата, который лишает человека свободы бытия, порождает страх перед жизнью.

Выход Ясперс видит в принятии личностью религиозной философии — философии веры, ибо вера дает надежду. И он не одинок. Ребе Иосеф Ицхак Шнеерсон выразил религиозный взгляд на проблему бытия: «Большая часть тревог человека проистекает из боязни быть уничтоженным. Вы боитесь потерять привычный, окружающий вас мир. Вы уподобляетесь ребенку, у которого только одна игрушка. Заберите ее, и ребенок заплачет. Точно так же люди, осознающие материальный мир как единственно существующий, боятся потерять его, потому что другого они не знают».

Анализ бытия современного человека (в моем понимании — вариантов «жизни по правилам» и «жизни-целестремления». — В. Д.) и осознание «экзистенциального вакуума» как следствия господства аппарата — наиболее, на мой взгляд, сильные стороны трудов К. Ясперса. Правда, я смотрю на них с позиции психолога — взгляд заведомо ограниченный.

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 311–312.

Человек живет надеждой на жизнь и бессмертие. Еще в XVII в. Блез Паскаль писал: «Человек должен устроить свою жизнь в согласии с одним из двух предположений: 1) что он будет жить вечно; 2) что срок его на земле мимолетен, — быть может, меньше часа; так оно и есть на самом деле»¹, — но большинство выбирает первый вариант.

Человеческая жизнь, не исключено, и в самом деле лишь спектакль, который Бог разыгрывает перед самим собой, а мы лишь актеры, имеющие право на импровизацию (мысль Ренана), но этот спектакль всегда — трагедия, ибо в нем гибнут и главный герой, и хор.

Из множества философов, занимавшихся темой смерти и бессмертия, я обращусь лишь к Мигелю де Унамуно. Баск по рождению, католик по воспитанию, он родился в 1864 г. в Бильбао и в 1880 г. уехал в Мадрид, где учился в университете на факультете философии и гуманитарных наук. Переболев интеллектуальными болезнями конца XIX в., в том числе — социализмом как идеей, он возвращается к христианству, но не к рассудочному томизму, а к эмоционально насыщенной вере.

Его темперамент и патриотизм искали себе реализации во всех идейных схватках. Его литературное творчество сделало эпоху в испанской культуре. Вопреки человеческому обычаю, с годами Унамуно превращался во все более яростного неконформиста, чьи суждения не зависели от мнения толпы или власти. Трижды его назначали и трижды (причем — разные власти) снимали с должности ректора старейшего в Испании Саламанкского университета. Последний раз — перед смертью в 1936 г., когда Саламанка на недолгое время стала временной столицей Франко, а по всей стране разгоралась гражданская война.

Для Мигеля де Унамуно предмет изучения — не абстрактный человек, а «человек из плоти и крови», который рождается, спит, думает, любит, ест, пьет и в конце концов умирает. Человек стремится жить, не умирая, и этим не отличим от любой субстанции.

Его жизнь определяет ряд принципов. Во-первых, принцип единства и непрерывности существования, состоящий в единстве тела, действий и целей. Второй принцип — непрерывность человека во времени. Человек является тем сегодня, что соответствует последовательности состояний сознания и много лет назад. Основой индивидуальности является память (по Анри Бергсону — «память духа»,

¹ Паскаль Блез. Мысли. М.: Художественная литература, 1974. С. 156.

а не «память-привычка»): стремление воспоминаний длится и превращается в надежду; тем самым психологическое прошлое превращается в будущее. Поэтому требовать от человека, чтобы он стал другим, равнозначно требованию уничтожить самого себя, поскольку всякая личность изменяется лишь в пределах единства и непрерывности ее духовной жизни.

Унамуно принимает постулат И. Канта: человек есть цель, а не средство: «Всякая цивилизация ориентируется на каждого человека, на каждое Я. В противном случае, что это за идол, назовем мы его Человечеством или еще как-нибудь, которому должны приносить в жертву все и каждый из людей. Почему я должен жертвовать собою ради своих близких, соотечественников, ради своих детей, и потом мои дети — жертвовать собой ради своих детей и так далее в нескончаемой цепи сменяющих друг друга поколений? И кто же наконец пожнет плоды всех этих жертвоприношений?

Те же самые люди, что твердят нам об этом фантастическом самопожертвовании, об этом посвящении без адреса, имеют обыкновение еще и проповедовать так называемое право на жизнь. А что такое — право на жизнь?

Мне говорят, что я пришел в этот мир ради осуществления какой-то социальной цели, но я-то чувствую, что я, точно так же как и каждый из моих братьев, пришел, чтобы осуществить самого себя, чтобы прожить свою жизнь»¹.

В этом отрывке явно виден тактический прием Унамуно: тезисы оппонентов опровергать ссылками на индивидуальный чувственный опыт. Утверждение человека в жизни есть утверждение его индивидуального сознания, мир существует для человеческой души. И если мы перестаем верить в бессмертие нашей души, то значение индивидуальной земной жизни возрастает непомерно! Борьба за бессмертие есть борьба за индивидуальное сознание человека.

«Трагическое чувство жизни» толкает человека к решению экзистенциальной проблемы: человек хочет знать, умрет ли он полностью и окончательно или нет. Если индивид смертен — смертны и душа и тело, — то жизнь бессмысленна и впереди — безысходное отчаяние. Если человек знает, что не умрет, тогда — смирение. Если ответ не определен, тогда человек мечется между смирением и отчаянием и вступает в борьбу за свою жизнь. «Бессмертная жажда бессмертия»,

¹ Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни. М.: Символ, 1997. С. 34–35.

по Унамуну, лежит в основе веяний науки, философии и религии. Человек не может представить себя несуществующим, переживание смерти ему изначально не дано: «Мысль о том, что мне предстоит умереть, и тайна того, что будет потом, — это пульс моего сознания»¹.

Культ бессмертия порождает религию. Человек жаждет вечности, потому и хоронит своих мертвецов («человек есть животное, хоронящее мертвых»), в отличие от прочих животных, возводит пирамиды и дольмены, мавзолеи и памятники, а сам живет в землянках и хижинах. Все это — от желания обрести еще одну, но вечную жизнь.

Человек не желает умирать — и это его главное желание. По мысли Унамуну, каждый человек значит больше, чем все человечество вместе взятое, и нельзя одним жертвовать ради всех. Это возможно лишь тогда, когда все жертвуют ради каждого. Проблема долговечности собственной личной души превращает человека в центр Вселенной: «Я требую бессмертия не на основании какого-то своего права или каких-то своих заслуг; это только моя потребность, это то, в чем я нуждаюсь, чтобы жить»². Гарант бессмертия индивидуальной души — Бог, и человек начинает творить его усилиями своей веры и воображения. Только приняв веру в Бога, человек обретает уверенность в существовании — и существовании вечном! — своей души после смерти. Если вера в человеке ослабевает, то теряется надежда на бессмертие. Человек предпринимает попытки увековечить себя в этой жизни, ибо только слабые покоряются смерти, а сильные выплескивают свою силу «по ту сторону смерти».

Унамуну убежден, что творчество и достижения существуют не для удовольствия творящего, а ради удовлетворения его жажды увековечить себя здесь и теперь: иначе бы художники, музыканты и поэты не ставили бы свои подписи под произведениями: «Спросите любого художника, пусть скажет, только искренне: что бы он предпочел: чтобы погребло его произведение, но память о нем сохранилась, или же наоборот, и сами увидите, что он вам скажет, если, конечно, будет действительно искренен. Если человек трудится не для того, чтобы жить и жить помаленьку, он трудится для того, чтобы остаться в живых и жить вечно»³.

Добавлю от себя: средневековые художники (по крайней мере, до наступления кватроченто) не ставили подписи под своими работами,

¹ Унамуну М. де. О трагическом чувстве жизни. М.: Символ, 1997. С. 59.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 65.

и проблема авторства меньше всего занимала сочинителей саг и героических песен. Ослабление веры привело к индивидуализации и к стремлению автора увековечить свое «Я» в этом земном мире. Древние греки тоже не верили в спасение души после смерти, и поэтому их произведения не анонимны.

Отсутствие веры в загробную жизнь и бессмертие души, неопределенная надежда и сомнения — а буду ли я после смерти — толкают людей на борьбу за утверждение своей личности здесь и теперь. Люди не только стремятся воздвигнуть себе пирамиды, памятники или хотя бы вписаться при жизни в энциклопедические словари и справочники. Они встают на путь конкуренции с другими людьми — живыми и мертвыми: на пьедестале бессмертия не всем хватит места. С тщеславным человеком происходит то же самое, что и со скрягой: страшное желание выжить заставляет его принять средства за цели. По этому поводу Унамуно пишет: «Когда нас обуревают сомнения и затуманивают нашу веру в бессмертие души, с возрастающей силой и болью отзывается в нас жажда обессмертить свое имя и славу. И отсюда эта ожесточенная борьба за то, чтобы выделиться, за то, чтобы каким-то образом пережить себя в памяти других людей и будущих поколений. Эта борьба в тысячу раз более жестокая, чем борьба за существование, и она придает особый тон, колорит и характер нынешнему нашему обществу, которое утрачивает средневековую веру в бессмертие души. Каждый жаждет самоутверждения, хотя бы иллюзорного»¹.

Одержимость манией оригинальности, славы и культ таланта — признаки охватившего людей сомнения в бессмертии души. Люди предпочитают, чтобы превозносили их талант, нежели говорили, что они совершают праведные деяния. Люди стремятся действовать скорее безрассудно, но талантливо, чем целесообразно, но бездарно. Они вступают в ожесточенную конкуренцию друг с другом, ревнуют к гениям, уже мертвым, оспаривая их славу. Иконоборец хочет заменить иконы собственными священными образами. Ученик, выступая с критикой своих учителей, защищает себя и свое место на небесах славы. Ради жажды славы, уникальности приносится в жертву и земная жизнь и счастье: даже геростратова слава лучше забвения. Она точно произрастает из жажды бессмертия. Эта страсть к сохранению памяти о нас после смерти порождает зависть, которая в тысячу раз страш-

¹ Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни. М.: Символ, 1997. С 69.

нее голода, ибо это голод духовный. Преступление, начинающее историю человечества, порождено завистью — убийство Авеля Каином.

Гарантия сохранения памяти о человеке после смерти — существование рода людского. Поэтому человек, стремящийся к славе, безжалостный к жизни живых конкурентов и умерших гениев, заинтересован в продолжении земной жизни других людей, но только тех, кто сам не претендует на дележ славы и место в людской памяти, тех, кто почитает единственного творца — себя самого, а не Бога. «И здесь имеется определенная градация ступеней. Тот, кто пренебрегает аплодисментами толпы сегодня, стремится пережить себя в памяти многочисленных представителей сменяющих друг друга поколений. “Посмертная слава — удел тех, кто принадлежал к меньшинству”, — говорил Гуно. Такой художник стремится продолжить себя более во времени, чем в пространстве. Идолы толпы вскоре ниспровергаются самой же толпой, их монумент разбивается у подножия пьедестала и никто на него не глядит, в то время как тот, кто овладеет сердцем немногих избранных, получит более долгое время ревностного культа, по крайней мере, лишь в избранном и узком кругу, но зато спасающем его от половодья забвения. Такой художник широту своей славы приносит в жертву ее долговечности; он жаждет скорее, чтобы слава его длилась вечно в каком-нибудь уединенном уголке, чем лишь на миг блеснула в целом мире; ему желаннее быть вечным и наделенным самосознанием атомом, нежели мгновенной вспышкой сознания целой Вселенной; бесконечность он приносит в жертву вечности»¹, — это Унамуну пишет, наверное, о себе самом.

Выход из тоски и безнадежности, а также из бесцельной борьбы за славу, в которой тратится земная, единственная жизнь, — в «роднике религиозной веры». Источник, питавший католицизм, иссяк, его высушили теологи, задумавшие рационализировать веру, превратив живое чувство в богословие.

Унамуну пытается преобразовать ее с помощью философии, но философии «живой», источником которой является живой философ — «человек из плоти и крови». Философские взгляды Унамуну интересны сами по себе, но не все они относятся к обсуждаемым здесь вопросам.

Если извлечь квинтэссенцию из суждений Унамуну о сущности человеческой жизни, то перед нами возникает следующая картина.

¹ Унамуну М. де. О трагическом чувстве жизни. М.: Символ, 1997. С. 73.

«Человек из плоти и крови» жаждет продолжения своего существования. Он осознает свою смертность, но стремится продлить свою жизнь за ее пределы. Вариант спасения души дает ему вера в Бога: тело умирает, а душа будет вечна. Если веры в Бога нет, нет и бессмертия: экзистенциальная тоска поражает «человека из плоти и крови». Сомнения в вере толкают человека на утверждение своего «Я» в этом мире и в памяти людей: он начинает вести борьбу с живыми и умершими за место в непрерывной общечеловеческой памяти, где очень мало свободных мест. Может быть, их нет вообще, тогда надо вытолкнуть из кресла конкурента (живого или уже мертвого). Жизнь тратится на достижение иллюзорного бессмертия, а дилемма «смерть или бессмертие» превращается в дилемму «жизнь или бессмертие».

Признавая лишь один вариант жизни — утверждение своего бессмертия, Унамуно, разумеется, ограничивает свой горизонт, но, как он сам утверждает, любая философия — субъективна, это философия конкретного философа.

Вариант жизни, который рассматривает Унамуно — «вариант для сильных», я называю «жизнью-целедостижением». И он не является единственным.

И все же Мигель де Унамуно наиболее страстно и образно выразил сущность основной экзистенциальной проблемы: конечна или бесконечна индивидуальная жизнь (хотя бы — жизнь души) и как жить человеку при разных решениях этой проблемы?

В своих размышлениях Унамуно сознательно или неосознанно упускает человеческую деятельность, непосредственно направленную на продление земной индивидуальной человеческой жизни: медицинскую науку и работу врачей, которые спасают не только тело, но и душу, неотделимую от тела (такую мысль высказывает и сам Унамуно).

Бессмертие невозможно, поэтому требуется приложить усилия для того, чтобы жизнь человеческая стала если не вечной, то хотя бы длительной. Идея «актуальной бесконечности» (по Кантору) уступает идее «потенциальной бесконечности»: жизнь коротка и актуально конечна, но с помощью некоторых усилий ее можно продлить на какой-то срок. Вполне вероятно, что в недалеком будущем, используя все новые и новые достижения науки, заменяя умирающие органы на донорские или искусственные, изменяя телесную оболочку человеческого «Я», мы сможем продлевать существование индивидуальной души сколько угодно долго. Учитывая успехи генетики, можно надеяться даже на регенерацию умерших органов тела.

Другое дело — верен ли сам исходный постулат Унамуно: каждый ли человек исходно жаждет вечности и во всяком ли возрасте он стремится к бессмертию?

На этот вопрос пытался дать ответ великий российский физиолог Илья Мечников. Илья Ильич Мечников, сын русского гвардейского офицера и еврейки, великий физиолог, лауреат Нобелевской премии, которую он получил за фагоцитарную теорию иммунитета, член большинства академий мира и почетный доктор многих университетов, страстно мечтал о продлении обычной человеческой жизни до ее биологических пределов, данных природой.

Долговечность человеческой жизни была его мечтой. В современном роде человеческом старость всегда преждевременна, как и смерть. Максимум смертности приходится на возрастной период с 65 до 75 лет, а предел кривой распределения смертности — на 90 лет. Но не только в продлении биологического существования человека Мечников видел задачу науки. По его мнению, человеческая жизнь должна быть счастливой: «В настоящее время приходится считать себя счастливым, когда в 70 лет еще в состоянии продолжать выполнение своих жизненных задач; в будущем этот предел, конечно, значительно отодвинется»¹. Средство он видел в рациональной гигиене и применении научных успехов макробиотики. Но я не буду рассматривать биологическую концепцию Мечникова, а в соответствии с жанром и содержанием книги обращусь к его философским взглядам.

Мечников полагал, что как раз с инстинктом самосохранения, который выражается в бесконечной жажде жить, у человека не все в порядке. Высшие животные не имеют представлений о неизбежности смерти, по мнению Мечникова, и лишь человек приобретает это знание. Он полагает, что инстинкт самосохранения и связанный с ним страх смерти присущи человеку, но в раннем возрасте слабо проявлен и развивается в течение жизни.

Маленькие дети пугаются трупов, а у молодых людей страх смерти пробуждается при опасности, во время болезни, на войне. Но в юности он еще не выражен, поэтому юноши, и реже девушки идут на неоправданный риск, совершают необдуманные неосторожные поступки. Молодежь — участники всех действий, связанных с риском для жизни: экстремальные виды спорта, альпинизм, служба спасения и вооружен-

¹ Мечников И. И. Этюды о природе человека. М. Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 6.

ные банды, полиция и добровольная армия привлекают ее в свои ряды, и успешно. Мечников утверждает, что именно по этой причине молодость — возраст самых бескорыстных жертв и разнообразных злоупотреблений, подрывающих здоровье и сокращающих жизнь.

Юношество преуменьшает счастье от жизни и преувеличивает горе, поэтому склонно к пессимизму. Молодой человек, испытывающий страдания, готов объявить всю жизнь человеческую злом. «Следует заметить, что Шопенгауэр написал свою теорию пессимизма в возрасте 31 года. Последователь его Гартман уже в 26 лет объявил существование злом, от которого во что бы то ни стало надо избавиться. Наоборот, оптимистические теории жизни были развиты людьми, достигшими преклонных лет или же такими, которые, вследствие особых условий, оценили счастье бытия»¹. Какие же это — особые условия — Мечников не поясняет.

С возрастом ценность собственной индивидуальной жизни для человека возрастает, и он все более ценит радости бытия.

Все философские системы, провозглашающие радости бытия и оптимизм, созданы зрелыми людьми (не исключение — Мигель де Унамуно). Они же посвящали свои труды страху перед смертью и жажде бессмертия.

Мечников полагает, что основные задачи религии и философии — преодолеть разлад между ускользающей жизнью и усилением желания жить. Все решения представляют собой не что иное, как рассуждения о смерти и бессмертии. То же — философия, и Мечников цитирует Цицерона: «Жизнь философа есть постоянное размышление о смерти».

Мечников специально анализирует философские и религиозные воззрения. Из древних философов он по не вполне понятным соображениям выбирает Платона, Сократа, Сенеку, Марка Аврелия, особенно подробно анализируя взгляды последнего. Пробегаая список философов своей современности (XIX в.), а именно — Фихте, Гегеля, он останавливается на воззрениях Шопенгауэра — заведомого пессимиста, а также его ученика Эдуарда Гартмана, Макса Нордау и Гюйо. Такой список авторов и пессимистическое содержание их трудов позволили Илье Ильичу Мечникову сделать вывод о том, что все философские системы, вместо того чтобы принимать мир таким, каков он есть, преклоняются перед

¹ Мечников И. И. Этюды о природе человека. М. Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 109.

неизбежным, смиряются с перспективой индивидуального уничтожения человека. Даже тешить человечество философы в отличие от религии не могут.

Таким образом, инстинкт жизни как бы противоположен другим инстинктам: удовлетворение голода, жажды, полового чувства приводит к пресыщению, а стремление жить и страх смерти увеличиваются с годами. Дети стремятся стать взрослыми, а взрослые не желают стариться; старость и умирание расцениваются людьми как нечто отталкивающее. Но инстинкт жизни у стариков проявляется во всей своей силе. По наблюдениям Мечникова, в приютах и больницах для пожилых людей старики постоянно чувствуют угрозу смерти как осуждение на казнь, а главное желание тех, кто дожил до 90-летия, — жить и дальше, до 100: «Как любовь к жизни всего сильнее тогда, когда лучшая часть ее пройдена, так и половое наслаждение часто ощущается женщинами тогда, когда красота их уже отцвела»¹.

Итак, жажда бессмертия — прерогатива людей зрелого и преклонного возрастов. В этом Мечников видит одно из проявлений дисгармонии природы человека. Он полагал, что старость — инфекционная болезнь, и ее надо лечить, как любую другую, что приведет человека к продуктивной деятельности до естественного конца. То есть — смерти!? Философ Н. Умов в предисловии ко второму изданию книги Мечникова «Этюды о природе человека» замечает, что многие религиозные и философские системы относились враждебно к человеческой природе и пытались утешить человека, а Мечников заменил «метафизическую метафору» успокоения людей физиологической. И он ожидает прояснения в понимании жизни и основ этики от этого решения.

Ключ к продлению жизни и бессмертию находится в руках физиологов — в этом Мечников убежден: «...Можно утверждать на основании научных доказательств, что организм наш включает вполне бессмертные элементы — яички и семенные тела. Так как клетки эти одарены самостоятельной жизнью и проявляют некоторые свойства, относящиеся к разряду психических явлений, то можно было бы серьезно поставить вопрос о бессмертии души»².

Мечников ставит вопрос о существовании так называемого «инстинкта смерти» и отвечает на него отрицательно: никто из наблюдае-

¹ Мечников И. И. Этюды о природе человека. М. Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 119.

² Там же. С. 218–219.

мых им стариков не проявил стремления умереть. И все же он, ссылаясь на наблюдения других исследователей, выдвигает предположение о том, что инстинкт смерти должен гнездиться в природе человека, но проявляется лишь в случае идеального, соответствующего физиологическому процессу цикла жизни: здоровой жизни и продолжительной старости. Соответственно цель человеческого существования состоит в завершении полного физиологического цикла жизни, который приводит к потере жизненного инстинкта и появлению инстинкта смерти. Вопрос «Как жить и стоит ли жить ради естественного завершения жизненного цикла?», разумеется, Мечников не обсуждает.

Человек — в этом его трагедия — не адаптивное существо, а благодаря своему разуму и сознанию выходит мыслями за пределы индивидуального бытия.

Идеал — «физиологически полноценная жизнь» — низводит человека на уровень здорового, нормального организма. Впрочем, многих это бы устроило. Однако, как сказал Виктор Франкл, «человек — это больше, чем психика, человек — это дух». Дух, а не организм. Что же предлагает психология человеку, пытающемуся решить проблемы своего бытия?

Обзор, необходимый в любой монографии

«Психология жизни» — практически необозримая область, и поэтому я остановлюсь лишь на взглядах ученых и психотерапевтов, которые являются первооткрывателями научных направлений. Выбор этот субъективен, но оправдан тем, что перед вами не диссертация, а продукт авторского произвола.

Предтеча психологии жизни — Альфред Адлер (1870–1937) окончил Венский университет и получил медицинскую степень в 1895 г. Познакомившись с З. Фрейдом и его идеями, он стал активным членом психоаналитического кружка и даже был президентом Венского психоаналитического общества. Однако вскоре поссорился с Фрейдом: причинами стали интеллектуальная и личностная самостоятельность Адлера и нетерпимость Фрейда к любым вариантам критики своей теории.

Из всего многообразия идей А. Адлера я остановлюсь лишь на его концепции «стиля жизни». Адлер рассматривал человеческую жизнь как непрерывное стремление к совершенству. Каждый человек обладает творческой силой и может распоряжаться собственной жизнью. Человек свободен и активен. Однако в детстве все испытывают чувство неполноценности — недостатка возможностей для полноценной адаптации в социальном мире взрослых. В некоторых случаях чувство неполноценности порождает невроз — комплекс неполноценности. Стремление преодолеть чувство неполноценности приводит ребенка к попыткам развить способности в той сфере, где он был неуспешен (явление гиперкомпенсации), или же выбрать сферу деятельности, где явные успехи компенсируют неудачи в адаптации (компенсация).

Часто, излагая теорию Адлера, приводят искусственный пример болезненного, хилого ребенка, который может интенсивно развивать свои физические возможности (гиперкомпенсация) или же направить все усилия на учебу и стать отличником (компенсация). По Адлеру, стиль жизни определяется и закрепляется в 4–5 лет. Он характеризуется усилиями преодолеть чувство неполноценности, достичь

совершенства и социального превосходства. В дальнейшей жизни человек только совершенствуется и варьирует жизненный стиль, который сформирован в раннем детстве. От стиля жизни зависит и дальнейшая судьба, развитие способностей, выбор профессии, болезни и т. д. Единство и неизменность стиля жизни определяют, по Адлеру, постоянство личности и ее отношений к миру, в первую очередь — к работе, дружбе и любви.

Адлер предложил типологию стилей жизни, основанную на двух параметрах: степени активности личности (от апатии до неистовой активности) и социальном интересе (чувство эмпатии ко всем людям). Он условно выделил пять типов личности, соответствующих стилям жизни, хотя постоянно подчеркивал ограниченность и неполноту любой типологии.

Первый тип он охарактеризовал как *управляющий*. Эти люди не стремятся к благополучию других, они самоуверенны и напористы. Сталкиваясь с препятствиями, они становятся агрессивными. Почему-то юных преступников и наркоманов Адлер отнес именно к этому типу.

Берущий тип проявляется в паразитическом отношении к внешнему миру. Такие личности удовлетворяют свои потребности за счет других. Социальный интерес отсутствует. Они не стремятся причинить страдания другим людям, просто хотят получить от них побольше.

Избегающий тип характеризуется низким социальным интересом и низкой активностью. Они боятся неудач и уходят от жизненных трудностей и проблем.

Социально-полезный тип соединяет в себе высокий социальный интерес и высокий уровень активности. Эти люди заботятся бескорыстно о других и взаимодействуют с ними. Они готовы к сотрудничеству и стремятся внести свой вклад в общественное благосостояние.

Уровень активности и уровень социального интереса формируются в раннем детстве. Тип личности человека складывается под влиянием стиля жизни, в пределах выбранного стиля жизни человек может активно и творчески строить свой жизненный путь.

Понятие «стиль жизни» близко к предлагаемому мною понятию «вариант жизни». Разница лишь в том, что стиль жизни типичен, но уникален для каждого индивида и без него не существует, а варианты жизни являются результатом общественного бытия, в них индивид включается помимо воли либо активно их выбирает, и они (как и стиль жизни по Адлеру) типизируют его личность.

Я полагаю, что понятие «стиль жизни» работает в пределах лишь одного из «вариантов жизни», а именно — «жизни-целедостижения». И это не случайно, так как для А. Адлера направленность на внешний мир (социальный интерес) и стремление к самоутверждению в деятельности являются главными параметрами, характеризующими личность. Эти же характеристики присутствуют в качестве основных в описании только одного из выделенных мною типов — личности, выбравшей путь активной внешней деятельности.

Современная экзистенциальная психология и экзистенциальная психотерапия начинаются с появления работ Виктора Франкла. «Таково мое мнение, и я его разделяю» (фраза Приюдома).

Создатель Третьей Венской школы психотерапии, критик и продолжатель А. Адлера и З. Фрейда, Виктор Франкл первый заявил о существовании основной «третьей силы» человеческой мотивации — о стремлении обретения смысла жизни. Если человек не находит смысла жизни, то жить он не может. Если он не находит смысла смерти, то тем более ему незачем жить и не за что умирать. По оценкам В. Франкла, 14–20% невротических расстройств вызваны потерей или отсутствием смысла жизни. Он предложил называть отчаяние по поводу отсутствия смысла жизни «экзистенциальным неврозом» в отличие от клинического невроза.

Франкл выдвинул идею логотерапии — психотерапии, которая признает духовную, смыслообразующую активность человека. Лишение смысла жизни характеризуется как экзистенциальная фрустрация, вызывающая «неогенный невроз». Смысл жизни всегда лежит вне человеческой личности, он несводим ни к принципу удовольствия, ни к воле к власти. То есть Франкл признает «здоровым», «нормальным» лишь один «вариант жизни», а именно — «жизнь-служение».

Он очень часто выражает эту позицию: «Я уже говорил, что человек не должен спрашивать, что он может ожидать от жизни, но скорее должен понимать, что жизнь ждет чего-то от него. Это можно выразить по-другому. В конечном счете человек не должен спрашивать: “В чем смысл моей жизни?” — но должен отдавать себе отчет в том, что он сам и есть тот, кого спрашивают. Жизнь ставит перед ним проблемы, и именно он должен со всей ответственностью отвечать на эти вопросы: и отвечать он может только ответственностью за свою жизнь». И далее: «Жизнь есть задача. Религиозный человек отличается, по-видимому, от нерелигиозного переживанием своего существования не просто как задачи, но как миссии. Это означает, что он осознает того, от

кого исходит задача, что ему известен источник его миссии. Тысячи лет этот источник назывался Богом».¹

Логотерапевт призван помочь человеку обрести смысл. Он является производителем смыслов — мысленных иллюзий, которые облегчают человеческую жизнь, равно как хромоту помогают костыли. Логотерапия, по мнению Франкла, дает якорь в жизни, как и религия, а религия обладает побочным психогигиеническим эффектом.

Специалисты, занимающиеся проблемами наркомании и алкоголизма, в конце 1980-х гг. также пришли к выводу, что религиозность, обретение веры — главные факторы, помогающие избавиться от наркозависимости.

Другое дело, все ли страдают от отсутствия или от потери смысла жизни? Может, большинство людей существует, не задумываясь о том, есть ли в жизни какой-то смысл и необходим ли он для существования. Погруженность в повседневные заботы в погоне за успехом и прибылью не дает времени «остановиться и оглянуться».

Кроме того, необходимы определенный уровень культуры и духовные усилия для осмысления своего существования. Не случайно В. Франкл в качестве примеров приводит трагические ситуации из жизни узников концлагеря, которые предоставлены сами себе и лишены будущего: всюду и всегда — смерть, видимая и ощущаемая. По оценкам Франкла, 89% опрошенных признавали, что человеку нужно что-то такое, ради чего стоит жить, но сводится ли это «что-то» к смыслу жизни? Вторая мировая, а затем и холодная война изменили способ существования человека. Франкл считал современность Эпохой Тревоги.

Он описывает следующие симптомы коллективного невроза середины XX в.:

- ◆ бесплановость жизни, стремление человека жить сегодняшним днем;
- ◆ фаталистическая установка в жизни (человек почувствовал себя объектом воздействия внешних обстоятельств и внутренних состояний);
- ◆ коллективное мышление, желание человека слиться с массой, отказаться от личной ответственности и свободы;

¹ Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000. С. 15–16.

- ♦ фанатизм (человек игнорирует личность другого и чужую точку зрения).

Люди лишаются совести, но, по мнению Франкла, пока человек переживает конфликт совести, он не подвержен коллективному неврозу: экзистенциальный невроз избавляет его от коллективного невроза.

Франкл чаще говорит с позиции «должного», нежели с позиции «реального существования», поскольку он врач-психотерапевт и его задача — изменить жизнь человека к лучшему. Говоря об ответственности, свободе, духовности человека как о главных факторах его существования, он неявно подразумевает некую «норму», «идеальную модель человека» и превращается из исследователя в пропагандиста и конструктора человеческой жизни.

Колоссальный и страшный личный опыт, который приобрел Франкл — узник концлагерей, лег в основу, может быть, лучшей из его книг: «Человек в поисках смысла: введение в логотерапию». Этот же опыт позволил ему сделать вывод, что важнейшим условием восстановления внутренних чувств человека-узника является отыскание цели в будущем. Франкл цитирует в связи с этим слова Ф. Ницше: «Тот, у кого есть для чего жить, может выдержать любое как». Он полагает, что на вопрос о смысле жизни никогда нельзя дать общий ответ, смысл конкретен для определенного человека в определенной ситуации: «Каждая ситуация отличается своей уникальностью, и всегда существует лишь один правильный ответ на проблему, содержащуюся в данной ситуации. Когда человек видит, что ему судьбой предназначено страдать, он должен принять свое страдание как свою задачу, единственную и уникальную. Он должен осознать тот факт, что даже в страдании он единствен и уникален во Вселенной. Никто не может освободить его или заменить его в страдании. Его уникальная возможность определяется тем, каким он образом несет свое бремя».¹

Франклу современная психология обязана и трактовкой самого термина «экзистенциальный». Он используется им в трех различных случаях: 1) для обозначения специфики человеческого бытия; 2) для характеристики смысла существования и 3) для обозначения стремления к нахождению смысла в личном существовании, т. е. воли к смыслу.

¹ Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000. С. 173.

По мнению Франкла, причина неогенного невроза, характерного для людей середины XX в., — в «экзистенциальном вакууме». Человек лишен ряда базисных инстинктов, которые есть у животных. Он должен совершать выбор. В индустриальную эпоху исчезло влияние традиций, которые регулировали индивидуальное поведение. Человек подвержен внушению и влиянию групп, становится жертвой конформизма. Около 55% пациентов клиники Франкла переживали «экзистенциальный вакуум». Типичным его проявлением он считает «воскресный невроз», когда человек остается наедине с собой после забот трудовой недели, ощущает отсутствие какого-либо содержания своей жизни и переживает душевную пустоту. С отсутствием смысла жизни Франкл связывает алкоголизм, подростковую преступность, неврозы и конфликты в пожилом возрасте и т. д. И Франкл выдвигает категорический императив логотерапии: «Жить так, как если бы ты жил уже второй раз и как если бы ты поступил в первый раз так же неправильно, как собираешься поступить сейчас!»

Тем самым настоящее ощущается человеком как прошлое, а прошлое может быть исправлено. Логотерапия формирует у индивида ответственность за выбор и ощущение конечности жизни. В более острой форме эту мысль высказал еще Блез Паскаль: «Чтобы страсти не губили нас, будем вести себя так, словно нам отпущена неделя жизни».

Вообще, на мой взгляд, наименее убедительны попытки Франкла преодолеть с помощью логотерапии субъективную бессмысленность смерти. Конечность жизни он рассматривает с позиций «человека целедостигающего», для которого время есть возможность для реализации дел и накопления их «в закромах» прошлого. По мнению Франкла, в прошлом ничто не теряется, но все сохраняется. Однако прошлое существует лишь постольку, поскольку есть память человеческая и память «внешняя» — предметы и тексты, которые может расшифровать хотя бы один человек и сообщить содержание другому. Однако индивидуальная память исчезает вместе с человеком, а «полнота прожитой жизни», может быть, и компенсирует переживания об утраченной молодости, но не предохраняет от мыслей, что в какой-то момент единственное сокровище, накопленное личностью, — его опыт — исчезнет мгновенно.

Психотерапия — техника создания мысленных иллюзий, спасающих человека. Но «человек мыслящий» жаждет не иллюзий, а истины.

Можно не задумываться о неразрешимых вопросах, а помогать людям здесь и теперь, пытаюсь попутно понять, в чем причина их проблем. Этапность жизни, по крайней мере возрастная, — очевидна. «У каждого

возраста свои проблемы», и психологу проще конкретизировать свою задачу, подходя к каждому человеку как представителю возрастной группы. Целостная жизнь разбивается на периоды.

В работах Эрика Эриксона (1902–1994) экзистенциальная психология неразрывна с психоаналитической теорией развития. Как любой психотерапевт, Эриксон искал «правильный», или «нормальный», вариант развития личности, который позволил бы избежать кризисов жизненного пути либо конструктивно их преодолеть. Полнота прожитой жизни, ощущение самореализованности и счастья должны быть психологической нормой.

Центральное понятие, которым оперирует Эриксон, — «идентичность». Развитие человека идет по пути становления его идентичности: телесной, социальной, национальной, личностной самоидентификации — ощущения тождественности самому себе.

Личностная идентичность характеризуется не только знанием «кто я есть такой», но также чувством связности жизни, единства прошлого, настоящего и будущего и принадлежности жизни себе. Переживание себя как обладающего непрерывностью и тождественностью во времени характеризует идентичность «Я» (или «Эго — идентичность»).

Эрик Эриксон считал, что в развитии личности можно выделить различные стадии. Индивид в ходе взросления расширяет контакты с социальной средой, познает ее и взаимодействует с ней. Переход на последующую стадию определяется готовностью индивида к новому типу взаимодействия со средой. Общество, в принципе, поощряет готовность к расширению контактов индивида с миром. Оно обеспечивает и стимулирует последовательное прохождение этих стадий и скорость развития индивида. На каждом этапе личность сталкивается с некоторой проблемой, противоречием, которое может разрешиться позитивно или негативно для индивида и его дальнейшего психического развития. Например, на орально-сенсорной стадии (по Фрейду) основным отношением ребенка с миром является общение с матерью, которая кормит его грудью или смесями, меняет памперсы, охраняет от холода и других опасностей. Если мать не реагирует на нужды ребенка или реагирует неадекватно, то у него развивается недоверие к миру. В случае благоприятных отношений и взаимодействия матери с ребенком у последнего развивается «базисное доверие».

Эрик Эриксон выделил восемь возрастных психосоциальных стадий развития личностной идентичности. Благоприятное прохождение каждой стадии развития ведет к формированию у личности одной из

«базисных добродетелей». Эриксон назвал их базисными, поскольку, по его мнению, без них другие, более изменчивые системы ценностей не могут передаваться от поколения к поколению. Приведу перечень «базисных добродетелей» в соответствии с последовательностью стадий психосоциального развития, как они даны у Э. Эриксона.¹

Базисное доверие

против

Базисного недоверия: Энергия и Надежда

Автономия

против

Стыда и сомнения: Самоконтроль и сила воли

Инициатива

против

Чувства вины: Направление и Целеустремленность

Трудолюбие

против

Чувства неполноценности: Система и Компетентность

Идентичность

против

Смешения ролей: Посвящение и Верность

Близость

против

Изоляции: Аффiliation и Любовь

Генеративность

против

Стагнации: Производство и Забота

Целостность «Эго»

против

Отчаяния: Самоотречение и Мудрость

¹ Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Речь, 1999.

Концепция Э. Эриксона подробно описана во множестве учебников и научно-популярных изданий, и здесь неуместно ее было рассматривать. Замечу лишь, что, согласно Э. Эриксону, возможен лишь единственный «правильный» путь развития и множество неправильных (в разной степени) отклоняющихся вариантов. Это явно противоречит и здравому смыслу, и эмпирическим научным данным.

Многообразие вариантов жизни для психотерапевта, идеолога или моралиста — повод для беспокойства и поиска среди них «оптимального». Для ученого нет «плохой» или «хорошей» жизни, равно как и для человека, который ее прожил или собирается прожить.

Одному из основоположников экзистенциальной психологии, Хансу Томе, в каком-то смысле повезло: его труды известны российскому читателю благодаря Л. И. Анциферовой. С другой стороны, повезло, но уже без кавычек нам, ибо его работы — образец творческого и добросовестного подхода к проблемам человеческой жизни.

Х. Томе (родился в 1915 г.) окончил Берлинский университет, где прослушал курсы лекций выдающихся психологов и философов, в частности Х. Фиргау, Э. Шпрангера, Э. Ротхакера. Первые научные достижения Томе связаны с известными лонгитюдными исследованиями детей и подростков (Боннский лонгитюд 1943 г. и «Немецкие послевоенные дети» 1952–1962 гг.), а также проведением геронтологического лонгитюда 1965–1984 гг. Но главную известность ему принесла разработка психобиографического метода. Томе постоянно занят разработкой теории целостного жизненного пути личности. Основой ее послужили аппарат когнитивной психологии и теория поля К. Левина. Он рассматривает индивида как существо активное, страдающее и преодолевающее жизненные трудности, к числу которых относятся негативные исторические перемены, болезни, потеря близких, старение и т. д.

Томе выделил совокупность «техник совладания» с жизненными трудностями. Человек может преодолевать, избегать события или конструктивно совладать с ними. Он может полагаться на свои усилия, прибегать к помощи других или ждать, пока «все образуется само собой», может заняться регуляцией своих эмоций. Основными техниками являются:

- ♦ действия преобразующие, реконструирующие или устраняющие трудные обстоятельства;
- ♦ агрессивное вмешательство в сложные условия и их критика;
- ♦ противостояние негативным событиям;

- ◆ приспособление к сложности предметного мира;
- ◆ адаптация к новому социальному окружению и забота о поддержании позитивных отношений с людьми;
- ◆ самоутверждение;
- ◆ использование шансов;
- ◆ просьбы о помощи;
- ◆ поиск информации;
- ◆ коррекция ожиданий;
- ◆ надежды;
- ◆ временный отказ от удовлетворения потребностей;
- ◆ позитивная интерпретация безвыходных или тяжелых ситуаций.

Томе создает в 1970-е гг. международную исследовательскую группу, рассматривающую психологию развития как учение об изменении поведения и переживания на протяжении жизни. Таким образом, он выходит за рамки традиционной психологии развития и делает шаг к основанию «психологии бытия».

Томе полагает, что не существует общечеловеческого «образа развития», а есть множество исторически обусловленных форм развития личности в детстве, юности, зрелом возрасте и в старости.

В результате многочисленных наблюдений влияния условий жизни на развитие детей Томе пришел к выводу, что неблагоприятные социально-экономические условия жестко предопределяют жизненный путь ребенка. Остается два варианта развития: либо низкий уровень личностной активности, либо повышение активности для преодоления неблагоприятных условий существования. При благоприятной ситуации развития (больших доходах семьи, высоком уровне образования родителей, высоком социальном положении и пр.) возможен более широкий спектр вариантов развития: продуктивная постоянная активность, пониженная активность, переменная активность, неравномерное развитие. По сути, внешние условия выступают ограничителями возможностей человека для реализации. Благоприятные условия лишь предоставляют поле выбора, а какая игра развернется на этом поле — дело случая. Справедливо заметил Сергей Довлатов, что под солнцем демократии равно расцветают и розы и марихуана. Томе выдвинул основополагающие понятия «стиль развития» и «тематические структуры». Стиль развития личности определяется социально-экономическими условиями и исторической ситуацией. Тематическая структура — это некая глобальная характеристика системы

влияний на личность, исходящая от социальной среды. Томе, в частности, выделяет «творческую тематику» и «регламентирующую тематику». Они противоположны друг другу.

«Творческая тематика», которая определяет, по мнению Томе, развитие личности в промышленно развитых странах, формирует самостоятельность и активность. «Регламентирующая тематика» (иначе — «гомеостатическая»), преобладающая в аграрных странах, приспособливает поведение личности к традиционным нормам. Теория «тематического структурирования» личности, предложенная Томе, объясняет различия в психологических особенностях (мотивах, способах и содержании мышления, поведении) представителей различных общностей.

Гомеостатическая тематика ориентирует человека на прошлое, она гасит, нивелирует все изменения в жизни. Творчески ориентированная структура событий направлена в далекое будущее. К числу творчески ориентированных форм развития личности Томе отнес так называемый «импровизирующий» образ жизни. Ему удалось выявить стили развития и кризисы, присущие каждому возрастному этапу: «На основании результатов наших лонгитюдных исследований выявляются, например, для периода юности следующие периоды развития: а) возрастающая проблематизация, т. е. постоянные поиски и вопросы о смысле традиций и т. д.; б) возрастающее приспособление к нормам, существующим в обществе; в) чередование высокой проблематизации и хорошего приспособления в различные периоды развития; г) возрастающая зависимость от искусственной стимуляции (например, наркомания, алкоголизм)».¹

Заслуга Томе в том, что он показал вариативность путей развития личности. «Стиль развития» не предопределяется жестко биологическими (в том числе — наследственными), формально-психологическими (в смысле Ж. Пиаже) или социальными «законами развития»: «Высокая степень индивидуальных различий не позволяет также говорить о том, что можно вывести “универсальные” последовательности изменения поведения из какой-нибудь довольно долго и интенсивно наблюдаемой группы детей, юношей или взрослых. Сообразно с индивидуальными и социальными условиями существуют различные “стили развития”, и психология развития отныне должна пониматься скорее как

¹ Томе Х. Теоретические и эмпирические основы психологии развития человеческой жизни. В кн.: Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978.

наука об условиях, при которых выступают различные “стили развития”, вместо того чтобы пытаться втиснуть данные наблюдений в прокрустово ложе глобальной или специальной схемы ступеней».¹

Психология развития человеческой жизни, как ее определил Томе, опирается на тот факт, что формальное сходство закономерностей развития наблюдается на всех этапах человеческой жизни — от младенчества до глубокой старости. Томе призывает обращать внимание на ключевые моменты жизненного цикла человека, которые тот осмысливает и переживает как значимые события. Эта последовательность единиц анализа — жизнь как целое, период жизни, событие жизни — воспринята и российской экзистенциальной психологией.

¹ Томе Х. Теоретические и эмпирические основы психологии развития человеческой жизни. В кн.: Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 194.

«Психология жизни» в России

Психологи трех столиц — Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга) и Киева — работали над решением проблем экзистенциальной психологии: Петербургская школа ориентировалась на изучение развития целостного человека и большие усилия сосредоточила на методической стороне исследований. За основу был взят комплексный подход, а именно вариант биографического метода, направленный на реконструкцию жизненного пути личности, истории ее развития, выделения основных «узловых» событий и установления связей между ними. Хотя сам Б. Г. Ананьев¹, зачинатель исследований развития индивида в процессе жизни, не выделял экзистенциальную проблематику как особую. Разработка биографического метода и биографических методик, прежде всего в работах Н. А. Логиновой, обогатила психологическую науку в советском и постсоветском «пространстве — времени». В работах Б. Г. Ананьева уделено внимание главным образом периодизации жизни индивида: основным критерием является возраст.

О проблемах «жизненного пути личности», «стилях жизни» и «стратегиях жизни», «жизненной программе личности» и «жизненной перспективе» (можно перечислить еще немало терминов) заговорили в 1970–1980-е гг. Толчком послужила посмертная публикация книги С. Л. Рубинштейна «Человек и мир», подготовленная к изданию К. А. Абулхановой.

Возврат к русской философско-психологической традиции не провозглашался явно, а как бы подспудно, подпольно происходил сам по себе, с подобающими ссылками на труды К. Маркса и Ф. Энгельса, что не мешало излагать и собственные мысли по поводу проблем человеческого существования.

Марксистский подход стимулировал, как это ни странно, рассмотрение жизни человека как череды достижений, преобразований мира, творческой экспансии и пр. «Развитие личности — это не то, что с личностью “случается”: личность — это субъект своего собственного развития, постоянно находящийся в поиске и построении тех видов дея-

¹ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.

тельность отношения к миру, в которых могут лучше всего проявиться и развиваться уникальные потенции конкретного индивида».¹

В интерпретации отечественных психологов марксистский «пафос революционного преобразования мира» (по сути, деструктивная активность по отношению к существующей жизни) превратился в аналог самоактуализации по А. Маслоу, Г. Оллпорту и К. Роджерсу. Неслучайно именно процитированная нами выше Л. И. Анциферова стала главным интерпретатором и пропагандистом идей гуманистической психологии.

Как ни печально, но не всегда личность оказывается творцом собственной жизни. Точно так же и жизнь в «пассивном залоге», когда с человеком что-то случается и что-то происходит, не исключает личностного развития под влиянием этих событий.

«Человек целеустремленный», как правило, проецирует свое «Я» на внешнюю реальность, и психологические теории следует рассматривать как своеобразные проекции, объясняющие, конечно, существенную часть, но все-таки лишь часть реальности.

Работы экзистенциальных психологов старшего поколения — К. А. Абульхановой, Л. И. Анциферовой, И. А. Джидарьян и многих других — послужили стартовой площадкой кратковременного взлета российской и украинской экзистенциальной психологии в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. И как это ни удивительно, развитие продолжается: «полет» проходит нормально, в чем убеждают результаты исследований В. И. Ковалева, А. А. Кроника, Р. Ахмерова, В. И. Карандашева.

Для К. А. Абульхановой проблема жизни личности, в принципе, сводится к проблеме активного управления потоком жизненных событий: «...Проблема жизненного пути может стоять только так: каждый, кто хочет сознательно строить свой жизненный путь, должен познакомиться с психологическими механизмами, присущими личности, чтобы лучше узнать себя, свои особенности. От стихийного способа жизни человек может перейти к такому, который он может определять сам».²

Но при этом утверждается, что «субъектом жизни» может стать не каждый. Творцом собственного жизненного пути (стратегии жизни) может быть лишь человек, обладающий определенными личностными качествами.

¹ Анциферова Л. И. Методологические проблемы психологии развития. В кн.: Принципы развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 6.

² Абульханова-Славская К. А. Стратегии жизни. М.: Мысль, 1991. С. 7.

Психолога интересуют все варианты жизни, как и биолога — все растения и животные, существующие на планете Земля и, возможно, за ее пределами. Стихийная жизнь и есть «наша маленькая жизнь», которая у всех одна и мало кому, к сожалению, интересна. Для К. А. Абульхановой отправными моментами размышлений о жизни личности стали исследования Шарлотты Бюлер и взгляды С. Л. Рубинштейна.

Ш. Бюлер считала, что существует глубинная аналогия между жизнью человечества (историей) и жизнью человека, и рассматривала каждую индивидуальную жизнь как историю, являющуюся не цепью случайностей, а закономерной эволюцией личности — «жизненным путем личности» (термин Ш. Бюлер). В жизненном пути личности можно выделить:

- ◆ объективную логику жизни — последовательность внешних событий;
- ◆ смену переживаний как эволюцию внутреннего мира человека;
- ◆ результаты его деятельности.

Ключевым для Ш. Бюлер стало понятие «событие»: «внешнее» и «внутреннее». Оказалось, что субъективные «внутренние» события не соответствовали ряду «внешних» событий, а те, в свою очередь, — этапам достижений личности. С. Л. Рубинштейн, критикуя Ш. Бюлер, предложил рассматривать человеческую жизнь не в качестве ряда событий, а как целое.¹ Рубинштейн предложил выделить три типа жизненных отношений личности: отношения к предметному миру, к другим людям и к самому себе. События он определил как узловые моменты, поворотные этапы в жизни индивида. Они определяют жизненный путь человека на долгое время. Критические ситуации определяют жизненный вариант.

С точки зрения К. А. Абульхановой, предложенная Рубинштейном концепция субъекта позволила рассматривать жизнь в процессе активного отношения человека к ней. Процесс существования личности на определенном этапе ее развития перестает быть случайной чередой событий. Отсюда возникает глубокая идея К. А. Абульхановой о том, что жизненный путь личности подлежит не только возрастной, но и личностной периодизации, так как, начиная с юности, они перестают совпадать друг с другом: разные люди проходят этапы личностного развития в разном возрасте.

¹ Эта позиция С. Л. Рубинштейна и легла в основу всех моих рассуждений о вариантах жизни.

Поскольку главный акцент в исследованиях К. А. Абульхановой делается на человеке как активном субъекте, реализующем в ходе жизни свои возможности и способном строить траекторию своей жизни (я рассматриваю такой вариант жизни как «жизнь-целедостижение». — В. Д.), постольку время жизни рассматривается ею с точки зрения возможности человека его «организовать». Главным понятием становится для нее «своевременность» — оптимальное согласование временной структуры деятельности с внешними социальными изменениями, разрешение противоречий между временем личностным и социальным.

Если своевременность является признаком оптимального приспособления личности к социуму, то существуют и неоптимальные стратегии, приводящие к дезадаптации. Абульханова выделяет стратегии:

- 1) запаздывание — пассивное распределение времени, когда человек приноравливается к внешним обстоятельствам;
- 2) активное игнорирование нормативов времени;
- 3) жизненная торопливость.

Оптимальной Абульханова считает стратегию «опережения» реального времени («быть немного впереди»): планирование событий наперед, активное преобразование, резервирование или использование времени. Такая точка зрения является нормативной и вытекает из диалектико-материалистических положений о преобразующей, активной природе человека, стремящегося переделать мир.

Разумеется, люди отличаются друг от друга, поскольку используют разные стратегии организации времени (собственно, и сама «организация» является суперстратегией). Поэтому Абульханова выделяет индивидуальную способность к регуляции времени, связывая эту способность с эффективностью работы в условиях лимита или дефицита времени.

Речь идет об использовании своих личностных ресурсов в «нужное время и нужном месте»: способности использовать свои способности. Представители когнитивной психологии называют эти способности (применительно к решению задач) — метакогнитивными. В данном случае индивид, способный «регулировать время», находит оптимальный темп жизни, соотносит индивидуальную активность с активностью группы, используя свои возможности только тогда, когда это необходимо.

Человек, в большей степени включенный в социальную жизнь, больше зависит от временных характеристик действительности. «Невключенный» освобождает это время для «подлинной» жизни, свободной от влияния социальной среды.

Надо заметить, Абульханова негативно оценивает второй тип личности, и эта оценка соответствует значению «активной жизненной позиции личности», которую всегда подчеркивали отечественные социальные философы, идеологи и социологи, а вслед за ними и психологи. Во все времена жизнь человека разделялась на официальную (*officium*) и неофициальную, «личную» (*otium*). Но значение этих «кусков» жизни в различные эпохи изменялось. В Древних Афинах *bios theoretikos* (жизнь созерцательная) — считалась более престижной для свободного гражданина, чем *bios praktikos* (жизнь практическая). Напротив, в Древнем Риме — жизни деятельной (*negotium*) придавалось важнейшее значение, а *vita contemplativa* (жизнь созерцательная) и *otium* (досуг) ценились очень мало и считались второстепенной частью времени.

В эпоху Возрождения Лоренцо Валла и Никколо Никколи (первый теоретически, а второй — практически) воплотили другой идеал: большее значение досуга по сравнению с практической деятельностью.

Эпоха Реформации снова все поставила на свои места: дело, «оправдание веры действием» стало основой человеческого существования. Досуг считался недостойным времяпрепровождением для гражданина и отца семьи. Но в конце Нового времени возросло значение досуга («ценность свободного времени», по К. Марксу). Неслучайно мерилом стоимости продукта К. Маркс считал общественно необходимое время, затраченное на его производство, а не энергию или иной «ресурс». В XX в. относительное значение досуга и бизнеса для «нормативной личности» изменялось очень часто: в 1960–1970-е гг. движение «хиппи» пропагандировало жизнь вне *officium* и ценность «безделья», а с конца 1970-х гг. и по сей день превалирует «дело», а досуговая активность рассматривается обществом как нечто побочное и малозначимое.

«Дух времени» (*Zeitgeist*) определяет ценность жизни как целого и отдельных ее составляющих. *Officium* может поглощать всю жизнь, человек превращается в «трудоголика», «человека социального» или «человека, живущего по правилам». Наоборот, *otium* может вытеснить *officium*, и тогда жизнь превращается в игру, развлечение — во времяпрепровождение, трату.

Само восприятие времени как «конечного ресурса» или «потока» характеризует отношение к жизни как целому, а характер этого отношения может изменяться «во времени и пространстве». Поэтому постановка проблем управления временем жизни возможна только по отношению к одному из многих «вариантов жизни» (о них — в следующих главах книги).

Дальнейшие исследования учеников Абульхановой позволили дополнить и уточнить общие положения об активной регуляции времени жизни. В. И. Ковалев выявил четыре типа управления временем.

Стихийно-обыденный тип. Этот способ характеризуется краткосрочной временной перспективой, зависимостью личности от ситуации, безынициативностью и подчиненностью обстоятельствам.

Функционально-деятельностный тип. Характеризуется активной краткосрочной и ситуативной регуляцией времени и отсутствием длительной (пролонгированной) регуляции времени жизни как целого.

Созерцательно-пролонгированный тип. Личность относится к времени пассивно, не делается попыток направлять поток событий.

Созидательно-преобразующий тип. Личность творчески овладевает временем, осуществляет организацию времени существования как целого, связывая ее со смыслом жизни.

У этой классификации два основания: «событийность — целостность» и «активность — пассивность».

Результаты исследований, проведенных Л. Ю. Кублицкене, позволили К. А. Абульхановой сделать вывод о существовании типов людей, самоорганизующихся во времени, рассматривающих время как личностное, и типов, для которых время — внешне заданная проблема (избыток времени, нехватка времени). В частности (и это наиболее интересно!) выделен тип людей, которые любую деятельность сводят к дефициту времени, откладывая дело на последний момент, как бы отказываясь от свободы во времени в пользу жесткого временного режима, заданного извне. Эти результаты получены в экспериментальной ситуации и нуждаются в проверке на «экологическую валидность», но жизненный опыт большинства читателей наверняка согласуется с выводами Абульхановой и Кублицкене.

Содержание исследований киевской школы экзистенциальной психологии (Л. В. Сохань, Е. И. Головаха, А. А. Кроник) касается в основном «жизненной программы личности», «жизненной перспективы», «субъективной картины жизненного пути».

Если работы К. А. Абульхановой, ее сотрудников и учеников определяются целостным подходом к отношению «личность — жизнь», то исследования украинских ученых (к их числу следует отнести еще Л. Ф. Бурлачука и Е. Ю. Коржеву¹) рассматривают жизнь как взаимосвязь ряда

¹ Бурлачук Л. Ф., Коржева Е. Ю. Психология жизненных ситуаций. М.: Российское педагогическое агентство, 1998.

событий с их субъективными переживаниями. Психологическую судьбу личности определяет способ переживания событий жизни. Этот подход характеризуется как «событийно-биографический».

Жизненный путь рассматривается ими как разнонаправленный и прерывный, как связь субъективного прошлого и будущего (вслед за П. Ржичаном, Р. Лернером и Дж. Тьюбменом¹).

Очень условно подходы двух школ следует рассматривать в рамках двух оппозиций: «субъектность — субъективность» и «целостность — событийность (дискретность)».

Один из наиболее талантливых российских психологов «среднего поколения» А. А. Кроник учился в Киевском университете, затем в аспирантуре Института психологии АН СССР, после чего работал в Институте философии АН УССР и вновь вернулся в Москву — в Институт психологии. Ныне он живет в США. В своих исследованиях он синтезирует научные достижения киевской, московской и ленинградской школ, оставаясь главным пропагандистом «субъективно-событийного похода», поскольку предмет его исследований — субъективная картина жизненного пути личности (термин предложен Б. Г. Ананьевым).

Пытаясь выйти за пределы описательности идиографического подхода, А. А. Кроник конструирует методики, позволяющие дать формально-количественные оценки, параметрически характеризовать субъективную картину жизни: «Психологический возраст» (совместно с Е. И. Головахой), «Картина жизни» (в модифицированном варианте — «Life line») и др.

А. А. Кроник признает, что в исследованиях жизненного пути существует три аспекта: объективный, субъектный и субъективный:

«Первый ориентирован на прогноз будущих событий жизни исходя из типичного “жизненного расписания” представителей социальной группы, к которой личность принадлежит. Второй касается прогноза жизненного пути на основе анализа его картины в самосознании личности и механизмов долговременной саморегуляции. Третий аспект связан с прогнозом изменений в самой субъективной картине жизни, исходя из внутренних закономерностей ее динамики под влиянием социальных, природных, личностных факторов. Для социолога наибольший интерес представляет первый аспект, для психолога — вто-

¹ Baltes P. B. Life — span developmental psychology: observation an history and theory revisited // Developmental Psychology: Historical and philosophical perspectives. N. J. London. 1983.

рой и третий, где в центре внимания находятся собственно психологические регуляторы жизненного пути».¹

По мнению А. А. Кроника, центральным в психологическом исследовании является третий аспект, поскольку устойчивость и динамика картины жизненного пути определяют долговременную регуляцию будущего: без субъективного прошлого нет субъективного будущего и объективного настоящего.

Опора на прошлый опыт, который лежит в основе картины жизненного пути, приводит к тому, что исследование субъективной картины жизни сводится к анализу «памяти жизни» (или же «биографической памяти») в сочетании с субъективным прошлым будущих событий.

Техника «каузометрии», предложенная А. А. Кроником, подробно описана в соответствующих публикациях.²

Кроник предполагает, что структурными компонентами субъективной картины жизненного пути являются события и связи между ними («межсобытийные связи»). Связи характеризуются направлением (от прошлого к будущему или от будущего к прошлому), знаком (плюс — минус), субъективной вероятностью, протяженностью, принадлежностью к настоящему, прошлому или будущему.

Важнейшим понятием, которое использует А. А. Кроник, является психологический возраст личности. Он часто не согласуется с физическим возрастом, лишь у 22% людей, опрошенных исследователями, самооценка возраста полностью совпала с возрастом паспортным. Согласно А. А. Кронику, психологический возраст — мера психологического прошлого, помноженная на психологическое будущее. Психологический возраст человека тем больше, чем полнее его психологическая реализованность и чем дольше он собирается прожить.

Еще одно измерение субъективной картины жизненного пути — коэффициент зрелости. Он равен отношению психологического возраста к хронологическому. Тревожные, интровертированные личности чувствуют себя психологически старше, чем стабильные и экстравертированные. Будущее психологически связано с внешним миром, а прошлое — с внутренним миром, опирающимся на память субъекта. Пессимистическая и обедненная жизненная перспектива приводит к «психологическому старению» личности. Гедонизм характерен для «вечных юношей» (или «вечных девушек»).

¹ Жизненный путь личности. Киев: Наукова думка, 1987.

² Life line и другие. Новые методы психологии жизненного пути. М.: Прогресс, 1993.

Система методов анализа субъективной картины жизненного пути, предложенная А. А. Кроником, оказалась мощным диагностическим и психотерапевтическим средством, широко используемым в консультативной и коррекционной работе.

По содержанию основные работы А. А. Кроника лишь косвенно соотносимы с экзистенциальной психологией, в основании которой лежит целостный («холистический»), субъектный подход к отношению «человек — жизнь». Неслучайно сам А. А. Кроник предпочитает говорить о своей концепции как о версии «конструктивной психологии» — научно-практической отрасли, призванной реконструировать субъективную картину мира личности и помочь личности в организации («конструировании») собственного жизненного пути.

На этом закончим обзор работ предшественников и коллег.

Жизнь людей многообразна, и я попытался в последующих главах выявить наиболее типичные, «полярные» варианты жизни. Индивидуальное бытие представляет собой мозаику вариантов, стилей, ситуаций, но заострение черт проявляет сущность.

Следовательно, шарж и гротеск — тоже могут быть способами познания жизни.

«Жизнь начинается завтра» (Жизнь как предисловие)

Это вечное детское состояние. Настоящая жизнь — взрослость — еще только предстоит. Она, как горизонт, — удаляется с каждым шагом (днем, месяцем, годом). И когда впереди уже чернеет пропасть, мы останавливаемся в растерянности: время прошло. Ты готовился к настоящему, подлинному существованию, но дорога уже пройдена, а обратного пути нет. Жизнь потрачена на подготовку к ней. Поговорка «Век живи — век учись» обернулась в ХХI в. формулой «непрерывного образования».

Образ текущей жизни как подготовки к «жизни настоящей», «жизни подлинной» — оборотная сторона образа собственного существования как ненастоящего, неподлинного, предварительного наброска, тренировки.

Существование «здесь и теперь» приобретает смысл для личности лишь в связи с будущим, которое (вполне вероятно) может и не наступить. Если за жизнью-предисловием не последует другая, не только более яркая, многообразная, но и «действительная» жизнь, то и не оправдана трата времени на подготовку к ней.

«Жизнь подлинная, будущая» становится сверхценной, а «жизнь сегодняшняя, ненастоящая» обесценивается. И какой может быть смысл в подготовительном процессе самом по себе? Футболист, купленный клубом премьер-лиги за огромную сумму, стремится участвовать в матчах, чемпионатах, а не только бегать и упражняться с мячом на тренировке. Человек, отстоявший полдня в очереди за билетом на одноразовую постановку, вдруг видит перед собой закрытую дверь и плакат «спектакль отменен», или более того, на месте, где два часа назад стоял театр, высятся огромная мусорная свалка.

«Неподлинную жизнь», жизнь — подготовку к будущему следует как можно быстрее преодолеть — как бегун преодолевает барьеры и длину беговой дорожки на пути к финишу, за которым его (может быть) ждут овации, пьедестал почета и девушки, просящие дать автограф. Там впереди — рай. Но к разговору о рае мы еще вернемся.

Преодолевая, переживая «подготовительную жизнь», человек ничего не может испытывать, кроме ощущения тяжести повседневного существования, и лишь одно желание в его душе — чтобы время текло быстрее. И он прикладывает максимум усилий, дабы ускорить ход времени. К сожалению, а может быть, и к счастью, — кто знает? — физическое время человеку неподвластно. Поэтому надо сократить время на этапы прохождения пути, отведенного на подготовку к «подлинной жизни».

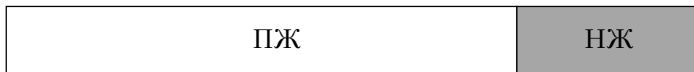
Для этих случаев и придуманы людьми школы особо одаренных, экстернат, раннее поступление в вузы, ранние женитьбы и т. д. и т. п. Русская сказка заканчивается свадебным пиром: «По усам текло, а в рот не попало». А далее? А далее — ничего. Но возможны варианты.

Нарисуем схему. Представим время «целостной жизни» в качестве отрезка и поделим этот отрезок на две части: время «подготовительной жизни» и время «настоящей жизни».

Время настоящей жизни может быть значительно больше, чем время подготовительной жизни. Только тогда есть смысл готовиться к настоящей жизни, если затраты на эту подготовку окупаются, и личности дается срок для работы в музыкальном оркестре больший, нежели на обучение музыкальному исполнительскому искусству.

Другое дело: всю жизнь готовиться к подвигу. К слову — возможно-стей для разового героического деяния может и не представиться. Можно «век жить — век учиться», если нет других забот. «Дураком помрешь» — продолжает неизвестный русский гений.

Каково воздаяние за потраченные усилия по достижению мирового рекорда? Чем компенсируется непрожитое, но утраченное время — единственная абсолютная ценность?

Вопрос о компенсации отложим на потом. «Подготовительной жизни» может и не быть, и сразу человек погружается в «жизнь настоящую».

И, наконец, вся жизнь может стать подготовкой к себе самой и до конца исчерпать человеческие силы и время. Тогда нас ожидает впе-

реди (точнее — в конце) лишь отчаяние. Поэтому и придумана «жизнь после смерти». Иначе подготовка никак не оправдана. Жизнь как подготовка к подлинной жизни — метафора, применимая к существованию детей и подростков, т. е. всех, кого по различным причинам не пропускают в «настоящую жизнь». Поэтому субъективное отношение к жизни как подготовке к чему-то «подлинному», «настоящему» следует считать компонентом детского или подросткового мироощущения. Причем это ощущение может осознаваться или не осознаваться. Не сам ребенок формирует такое представление о жизни. Конечно, объективно к взрослой жизни он не готов. Эта неготовность к исполнению «серьезных, взрослых обязанностей» и является источником чувства неполноценности, по А. Адлеру. Но ребенок может не подзревать о наличии таких требований в том случае, если взрослые никаких претензий к нему не предъявляют и не подчеркивают в общении никаких различий (в свою пользу) между собой и ребенком.

Кроме того, будущее может представляться ребенку как прекрасным, так и ужасным. Какое чувство будущего сформируется у ребенка, зависит от взрослых. Метафора «золотого детства» не способствует развитию представлений о будущем как о сверхзначимом и светлом. Скорее наоборот, «взрослая жизнь» будет выглядеть скопищем бед, болезней, трудов и забот после безоблачной и безмятежной поры. «Подлинная жизнь» должна рисоваться значительной, полной необычных возможностей и перспектив, красочной, чтобы к ней стремиться и преодолевать тяготы и лишения (как об этом пишется в военной присяге) «подготовительной жизни»: «Терпи, казак, — атаманом будешь!» Должен терпеть «салага» — солдат первого года службы, чтобы стать «дембелем»; должен терпеть школьник, чтобы стать выпускником. Аспирант должен переносить бездарность научного руководителя и тупость ученых советов, а чиновник — самодурство начальника, чтобы, став через какое-то время доктором наук, министром, генералом, президентом компании и т. д. и т. п., почувствовать свободу и прелести «настоящей жизни».

Очевидно, формирование представления о жизни как подготовке к чему-то будущему — подлинному происходит в раннем детстве и под влиянием определенной системы воспитания.

Обратимся к классификации типов отношений родителей и детей в истории. Автором классификации является известный психоаналитик Ллойд де Моз¹.

¹ Моз Л. де. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

Представление о детстве как периоде подготовки к взрослой жизни появляется не раньше, чем с конца XIV до начала XVII в. До этого этапа родители, по мнению Л. де Моза, не следовали определенной обязанности по воспитанию детей. Часты были отказы от ребенка. Его отправляли к кормилице, в монастырь, в чужую семью. Ребенок считался носителем зла, которого надо бить, чтобы искоренить в нем зло.

И только в конце XVI в. возникает представление о том, что из ребенка, как из воска, надо вылепить взрослого, придав ему должную форму (Дж. Локк). Появляются первые руководства по воспитанию детей. Распространяется культ Девы Марии и младенца Иисуса. К началу XVIII в. в европейской культуре возникает «навязывающий стиль» отношения родителей и детей. Задача родителей состояла в том, чтобы обрести власть над умом детей и контролировать их влечения, эмоции и волю. Детей не заставляют, а уговаривают, бьют, но не систематически, а заставляют повиноваться, прибегая к словесным угрозам или увещаниям.

Но формирование представления о детской жизни как подготовке к «жизни взрослой» следует отнести к XIX в. Стиль отношений родителей и детей XIX — середины XX в. де Моз характеризует как «социализирующий». Ребенка учат приспосабливаться к жизни, овладевать знаниями и навыками, пригодными для будущего. Отцы чаще интересуются своими детьми и даже освобождают матерей от хлопот, связанных с воспитанием. Как правило, именно отец является главным транслятором ценностей культуры и образцом для подражания.

В начале XVIII в. начальное образование становится обязательным. К концу XIX — началу XX в. закон об обязательном начальном образовании приняли все европейские страны. XX в. в России стал не только веком катастроф, но и «эрой образования»: обязательное неполное среднее, а затем и обязательное среднее образование стало естественным. Но недалек день, когда нормой станет высшее образование. К этому приближаются ведущие страны мира.

С возрастом максимально необходимого для «настоящей жизни» багажа культуры, с усложнением профессиональных навыков и увеличением системы знаний срок «подготовки к жизни» удлиняется. Способности человека как вида вряд ли изменились с эпохи неолита.

Стало общим местом научное положение о невиданном в животном мире продолжительном периоде «детства» человеческого индивида.

Удлинение периода детства по отношению к времени всего жизненного цикла целесообразно: увеличивается возможность обучения и приобретения нужных знаний, умений и навыков для полноценной жизнедеятельности в обществе.

Но в ходе исторического развития человечества увеличивается и социальное время, отводимое обществом на социализацию.

Изобретена сложнейшая система организации периода ученичества и воздвигнуты многочисленные барьеры, препятствующие включению личности в жизнь общества. Жестко ограничивается возраст, по достижении которого индивид получает права на работу по найму, на вождение автомобиля, покупку спиртного и сигарет, участие в гражданской жизни и т. д. Но главное — определяются требования к уровню квалификации, подтвержденной документом.

Система отбора на работу формализуется. Знаменитая фраза М. Салтыкова-Щедрина: «Русский человек состоит из души, тела и бумаг» применима сегодня не только к русскому человеку, но и к любому жителю планеты Земля или, по крайней мере, — «цивилизованного мира».

По мере развития цивилизации срок вступления в подлинную жизнь все дальше отодвигается от даты рождения к старости.

Система социального продвижения личности создана для того, чтобы скомпенсировать биологическую инволюцию его как организма. Чем ближе человек к старости, тем больше у него должно быть социальных возможностей, иначе жизнь становится невыносимой, а болезни и годы делают свое дело.

Оптимальное сочетание психофизиологических и социальных возможностей для самореализации сегодня приходится на возраст 35–45 лет (возраст «акме»). Но человека подводит психофизиологический фундамент, а социальная конкуренция вкупе с недостатком способностей и компетенции часто приводят к задержке или краху карьеры. Социальная компенсация — расширение возможностей с продвижением по лестнице общественной иерархии — не срабатывает.

Как правило, люди старших возрастов занимают доминирующие позиции в общественной структуре. Эта тенденция тем более выражена, чем более консервативным и нединамичным является общество. Достаточно вспомнить «геронтократию» в СССР эпохи застоя.

Никто не желает лишиться социальных возможностей, потому «старшие» прибегают к возможным ухищрениям и даже к прямому насилию, дабы не допустить молодую поросль «наверх». Главное средство для этого: искусственно затянуть период «преджизни».

Бунт молодых середины 1960-х гг. против «власти стариков», потрясший Западную Европу и Северную Америку, не был обусловлен только дурным воспитанием и молодежной жадой бунта.

Тяга молодежи включиться как можно раньше во «взрослую жизнь» всегда использовалась политическими проходимцами и авантюристами, а иногда и правящей верхушкой для решения своих проблем. Пример первого типа — российская Великая Октябрьская социалистическая революция. Пример второго типа — «культурная революция» в маоистском Китае.

Ярким примером длительной «тренировочной жизни» является становление научного работника. До 17–18 лет он обучается в средней школе. Затем следует обучение в вузе, которое охватывает в зависимости от страны пребывания, программы вуза и вида специальности период от 3,5 до 8 и более лет. Выйдя в 21–27 из стен вуза, специалист может претендовать в лучшем случае на вспомогательную работу в научной лаборатории. Чтобы стать полноценным научным сотрудником, он должен поступить в аспирантуру и, проучившись там 3–4 года, защитить кандидатскую диссертацию (на Западе — докторскую). Однако и это еще не все: окончивших аспирантуру и защитивших диссертацию много, а уровень трудности научной деятельности, вероятно, настолько высок, что в США и ряде стран Европы существует институт постдокторантуры — стажировки (2–3 года) под руководством профессора в научной лаборатории. После ее завершения исследователь становится полноценным ученым. В России до сих пор существует двухступенная система оценки квалификации научных работников, и неслучайно первый уровень называется кандидатским. Кандидат — не настоящий ученый (доктор), а лишь полуфабрикат, неподлинный ученый. Разумеется, если принимать всерьез средневековую систему так называемой аттестации научных работников.

Чин служит компенсацией отсутствия талантов. Премии и звания в сфере искусства, как правило, присуждаются после того, когда пик творчества уже прошел и телега движется под гору. И дело не только в запоздалой оценке по заслугам, когда «награда находит своего героя». Оценка была и прежде: аплодисменты, цветы, популярность у публики. Суть в том, насколько важную роль играют социальные компенсаторы утраты творческих возможностей: они придают личности психологическую устойчивость.

Поэтому чем быстрее иссякает творческий потенциал, тем больше жажда наград и званий. Но полная сил молодость вынуждена ждать, терпеть, продлевая самую себя до 30–35, а то и 40–50 лет. Мое поколение помнит 30–45-летних «молодых людей» на съездах ВЛКСМ конца

1980-х гг. и видит «молодых ученых» или рок-музыкантов 1990-х гг. с лысиной, сединой и признаками инсульта.

Продление подготовки к настоящей жизни приводит к деформации личности: не только той, чью «молодость» продлевают, но и тех, кто активно этому продлению способствует. Не забуду фразу академика, моего научного руководителя, сказанную мне — 30-летнему кандидату наук: «Вот когда станешь самостоятельным человеком — доктором, тогда и выбирай себе научные темы».

Своеобразная задержка психического развития, причиной которой является непомерно длительная социализация и профессионализация личности, а также искусственная система «торможения» перехода от «жизни подготовительной» к «жизни настоящей», приводит к различным аномалиям восприятия жизни и отношений к ней.

Наиболее типичными являются «молодежный бунт», реакция эмансипации от родителей и от общественного контроля, уход в андеграунд и другие молодежные формы организации жизни, в крайнем варианте — асоциальное поведение и криминализация.

Можно смириться и ждать наступления «подлинной жизни». В этом случае мечта «Стану взрослым — куплю себе велосипед» — может осуществиться, когда велосипед будет уже не нужен. Но я думаю, что наиболее типичная трансформация образа мира — «вся жизнь — учеба». Молодой человек привыкает к роли «вечного ученика», а жизнь превращается в подготовку к ней и ожидание прибытия поезда по расписанию. Тип вечного студента, способного ученика, который легко входит в роль послушного подмастерья, помощника, но, овладев началами, меняет место работы или учебное заведение, — очень распространен. «Время целокупно, а то, что будет — только обещанье» (О. Мандельштам). Вся жизнь превращается в поиск, обусловленный страхом начать «подлинную жизнь». Человек превращается в обещание стать кем-то. Но это обещание, как и большинство других, не выполняется.

Хуже, когда человек настолько травмирован ожиданиями «настоящей жизни», что жизнь становится для него тягостной. Он чувствует себя, как заключенный в одиночке, отсчитывающий дни и часы до освобождения. Сегодняшний день тягостен, потому что неполноценен. Где-то в другом месте другие люди живут настоящей жизнью, а он довольствуется суррогатом.

Значение имеет только будущее, а настоящее должно миновать как можно быстрее. И события, этапы жизни мелькают, как километровые столбы в окне экспресса. Достижение конца каждого этапа не приводит к снятию напряжения, ибо за ним еще один этап, и кажется, что

дорога уходит в бесконечность. Накопленный опыт «тренировочной жизни» оказался неадекватно перенесенным на «жизнь настоящую». Те, кто спешил стать большим и сильным, быстрее повзрослеть и прикоснуться к «настоящему делу», те, кто воспринимал учебу в вузе как неизбежное зло, вынужденную отсрочку перед вступлением в «большой мир», продолжают в дальнейшем прыгать по лестнице целей. Но это — лестница в небо, за вершиной — пропасть.

На чем основана субъективная модель мира, в которой жизнь расценивается как подготовка к ней? Мне кажется — на гипертрофии способности человека строить определенный прогноз и идеальные планы будущего.

На гипертрофии неконтролируемой человеческой агрессивности произрастает война как деятельность по самоуничтожению человека. Эсхатологические религии, учения, обещающие своим adeptам рай за пределами времени земной жизни, произрастают на почве неоправданного оптимизма и гипертрофированной способности человека к дальнему прогнозу и стремлении к индивидуальному бессмертию. Земная жизнь, единственная и неповторимая, рассматривается как юдоль страданий, как подготовка к иной жизни, более совершенной, войти в которую достойны не все, а лишь избранные.

Христианин готовит себя не к смерти, а к райской жизни за пределами жизни земной, которая рассматривается как не подлинная, не настоящая, а предшествующая жизни грядущей. Потому идеалом становится терпение и страдание, ибо нельзя иначе отнестись к земной жизни, которая — лишь прихожая, а за ней прекрасные залы райского блаженства.

Такая трактовка индивидуального бытия предрасполагает человека завершить свою земную, грешную жизнь как можно раньше — «экстерном». Модус земной жизни как предисловия, подготовки к истинной жизни — основа для отрицания необходимости своей жизни вообще. Нет лучшего психологического обоснования для самоубийства, ибо в христианстве только смерть отделяет «жизнь предварительную» от «жизни настоящей» — в райских кущах. Прекращая свою жизнь, мы завершаем подготовительную ступень.

Поэтому христианство отрицает право на самоубийство, поэтому отцы Церкви извергают инвективы, осуждающие людей, решившихся на последний акт отчаяния, ибо это явно вытекает из сути христианского подхода к жизни.

Самоубийц хоронили за пределами церковной кладбищенской ограды, обоснованием служили упреки в присвоении ими божественного

права даровать и отнимать жизнь. Только Бог имеет право творить и уничтожать тварные существа. Считать себя равным Богу есть высшая гордыня, осуждаемая Церковью. Ощущение и осознание единственности жизни повышает требования к ней и себе, возрастает оценка значения своего существования «здесь и сейчас».

Но давление этой реальности на индивидуальную психику настолько велико, что оно ведет к трагическому мировосприятию. Жажда бессмертия стихийна и неосознанна. Ее корни в крайней ограниченности времени, отпущенного природой на индивидуальную человеческую жизнь, по сравнению с огромными ресурсами для творчества, заложенными природой и обществом в человеке. Давление этих ресурсов скопано стальной оболочкой возможностей, которые предоставляет индивиду мир.

Время, отведенное природой на биологическое взросление, а обществом — на образование и социализацию индивида, велико по сравнению с краткой жизнью. Образом любого человека становится космонавт первого поколения, который тратит большую часть жизни на подготовку к единственному полету.

Подготовка к жизни, обеспеченная традиционной системой социализации и образования, также стала бессмысленной, ибо прогрессирующее увеличение времени на социализацию не компенсируется увеличением дееспособной фазы человеческой жизни. Поэтому мечтой человека является не увеличение продолжительности жизни за счет старости с ее болезнями и ощущением бессилия и ненужности, а увеличение продолжительности молодости и зрелости.

Только в этом случае длительная «подготовка к жизни» становится оправданной. Парадокс «подготовки к жизни» состоит в том, что ее социальная программа не соотносится с биологической. Научный работник получает степень кандидата (или доктора) наук к 30 годам. Пик интеллектуального развития уже пройден: наступает время короткого «плато» — 10–15 лет, а затем неминуемый спад.

Аналогичные процессы происходят и в других сферах человеческой деятельности. Но продление активной жизни человеческого индивида — проблема на сегодняшний день неразрешенная. Какие же выходы за пределы «жизни-предисловия» ищет человек, если такой модус существования его не устраивает? Он организует себе «параллельную жизнь». При том что время одномерно, линейно однонаправлено, человек организует свое существование, вкрапывая эпизоды «подлинной жизни» в течение «жизни подготовительной». Попросту

он пренебрегает обязательствами, которые накладывает на него социальное окружение. Ребенок притворяется больным, а чаще — действительно заболевает и отвоевывает себе время, свободное от детского сада с его регламентацией или от школьных занятий. Подросток по разным поводам и под влиянием этой же причины прогуливает уроки и совместно с друзьями организует собственную «псевдовзрослую жизнь». Студент вместо посещения лекций, семинаров и практикумов пьет пиво, гуляет с представителями противоположного (или своего) пола, играет в карты, ходит в турпоходы, занимается в театральной студии и т. д.

Другой путь — экстернат и раннее завершение социализации.

Решительный шаг сделал Иосиф Бродский: «Как припоминается сейчас, я в 15 лет ушел из школы не столько в результате сознательного решения, сколько повинувшись внутреннему импульсу. Просто не мог выносить некоторые физиономии в классе — некоторых соучеников, но в основном — учителей. И вот однажды зимним утром, без всякой видимой причины, я, посреди урока, встал и мелодраматически удалился, прошел сквозь школьные ворота, прекрасно сознавая, что не вернусь никогда. Из чувств, охвативших меня в этот момент, я помню только общее недовольство собой за то, что слишком юн и позволяю столь многим обстоятельствам распоряжаться мной. Еще было смутное, но счастливое ощущение побега, солнечной улицы без конца»¹.

Его другу Сергею Довлатову, личности менее активной, удалось реализовать иной сценарий: «автоматически» поступить на филологический факультет ЛГУ, влюбиться и жениться, завалить сессию, попасть в конвойные войска и обрести там подлинный вариант существования — стать писателем.

«Поколение дворников и сторожей», отлученное номенклатурой и ее приспешниками от подлинной жизни, породило российскую рок-позию и субкультуру «Митьков», книги гуманитарного андеграунда и игру «Тетрис». Но с этого начинается иная тема — «жизнь-творчество».

И все же «жизнь — подготовка к жизни» придает смысл затратам времени, человек знает, для чего он живет, он прикреплен к действительности и каждую новую ситуацию рассматривает как возможность чему-либо научиться. Отсюда проистекает жажда новизны, но не просто частоты событий, а новизны личного опыта.

¹ Бродский И. Меньше, чем единица.

Такой подход к своему существованию лучше всего выражен афоризмом Андрея Кнышева: «Нужно всю жизнь работать над собой, чтобы к смерти стать как можно лучше». Одна беда — накопленный индивидуальный опыт пропадает безвозвратно, и не все счастливицы могут воплотить его в книги, изобретения, фильмы, открытия или хотя бы в рекламные клипы и в постройки на садово-огородном участке. Да и в этом случае речь идет лишь о предметном выражении ничтожной доли опыта, а субъективная его сторона — опыт духовной жизни, переживания, смыслы — пропадает безвозвратно. Может быть, одна из главных посильных задач человечества — найти способ сохранения уникального жизненного опыта каждого человека. И тогда стихи Евгения Евтушенко: «...Не люди умирают, а миры. И каждый раз мне хочется опять об этой невозвратности кричать» — потеряют свой трагический смысл.

Жизнь как творчество

Смерть неизбежна. Жизнь лишена смысла. У творческого человека есть возможность не замечать бессмысленность существования.

«Самое страшное в моем деле — отсутствие принуждения к работе. Я могу прийти в мастерскую и ничего не делать. Могу не ходить, а пить пиво у телевизора. Но каждое утро я спускаюсь туда, беру глину и начинаю ее мять. И боюсь, что наступит тот момент, когда мне откажет воля», — сказал мне в порыве откровенности знакомый костромской скульптор. Природа творчества не имеет никакого отношения к внешней активности, как ее ни назови — «надситуативной» (Д. Богоявленская), «сверхнормативной» (В. Петровский) и т. д. и т. п.

Но без внутреннего импульса к созиданию его не может быть, как не может быть здания без тверди земной. Мы работаем по обязанности и живем по необходимости: так случилось по воле или против воли наших родителей. Необязательности нашего существования на свете противостоят влечения, толкающие нас на действия, значение которых непонятно нам, но почему-то понятно окружающим, а кроме того, есть масса обязанностей — приводных ремней и шестеренок. Они тянут и цепляют нас, заставляя вращаться по кругу, но это не круг, а отрезок.

Творчество — процесс, побуждаемый лишь внутренним состоянием души. Нельзя творить по приказу, за деньги. Под угрозой смерти можно заставить человека качественно сделать отвратительную и не любимую им работу. За деньги можно писать оды и оперы, детективы и поп-композиции, и зачастую продукт оправдывает цену, которую платит заказчик. Можно сказать, что заказ и принуждение могут маскировать творчество или совмещаться во времени с творческой активностью, в некоторых случаях могут ее инициировать, но никогда — заменить.

Творческий человек предоставлен сам себе и зависит лишь от своей инициативы. Более того, общество, как может, препятствует человеку в осуществлении своих инициатив, нагружая его постоянно все новыми и новыми обязанностями. В наихудшем положении оказывается

самый исполнительный и обязательный из талантливых: он выполняет все поручения и все обязательства, а следовательно, не оставляет времени для личного творчества.

Творчество — это процесс порождения новой реальности, которая может быть осмыслена человеком и другими людьми, т. е. его продукт потенциально может быть составляющей человеческой культуры. Оно открывает новые смыслы в мире. Метод глубинных аналогий сравнения двух и более аспектов действительности, возможно, является главной (и единственной) операцией творческого мышления.

Процесс и продукт творческой деятельности не вписывается в «социальную статику». По крайней мере, если общественные структуры направлены на сохранение *status quo*, они выступают главными врагами творца. Любая власть есть возможность заставить людей делать то, что они никогда не стали бы делать, если были бы предоставлены сами себе. Следовательно, власти изначально противны частная инициатива и воля к действию, исходящая от личности.

Наиболее не любимы властью поэты. Слово является главным инструментом власти. Причем власть тоталитарная соединяет насилие физическое с духовным, подкрепляя право на власть идеологией. Она желает, чтобы ей не только повиновались, но и верили, чтобы ее не только боялись, но и любили. Тоталитарная власть желает быть единственной, а ее идеология — единственным толкователем значений слов.

Поэт как творец новых сочетаний слов, ритмов и смыслов пытается (и ему это удается) привлечь внимание читателя и слушателя. Он становится источником слова и его толкователем, что с позиций любой власти предосудительно. Но более того: поэт забавляется со словом и смыслом, он выявляет новые оттенки смысла, создает новые реальности, играет «смехом и слезами».

Однозначность подменяется многозначностью, императивность — необязательностью, простота — сложностью, а безусловность — условностью. Любой приказ может быть осмыслен как пародия, а идеология на фоне стихотворения читается как трюизм.

Итак, поэт виновен в двух преступлениях: он претендует на внимание людей наравне с властью (по крайней мере), он конкурирует с властью как творец и толкователь слов и смыслов.

Собственно само его существование опровергает мысленную модель мира, которую власть стремится утвердить в обществе. Поэзия, подчиненная политической власти, перестает быть поэзией. Она не

претендует на место власти в структуре общества, просто она с властью несовместима. Если власть сильна (а хуже того — абсолютна), она расправляется с поэзией и поэтами любыми доступными ей средствами, от дуэлей и травли в печати до концлагерей и расстрелов. Лучшее, что может сделать власть, — не замечать поэзию, худшее — приблизить поэтов к власти, обласкать их. Ненависть власти к поэтам уничтожает поэтов, а любовь власти к поэтам — убивает поэзию.

Все сказанное в равной мере относится к любому виду творчества, а не только к художественному творчеству. Не удержусь, чтобы не привести цитату из Нобелевской лекции поэта Иосифа Бродского.

«Если искусство чему-то и учит (и художника — в первую голову), то именно частности человеческого существования. Будучи наиболее древней — и наиболее буквальной — формой частного предпринимательства, оно вольно и невольно поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности — превращая его из общественного животного в личность. Многое можно разделить: хлеб, ложе, убеждения, возлюбленную — но не стихотворение, скажем, Райнера Марии Рильке. Произведения искусства, литература в особенности и стихотворение в частности, обращаются к человеку тет-а-тет, вступая с ним в прямые, без посредников, отношения. За это-то и недолюбливают искусство вообще, литературу в особенности и поэзию в частности, ревнители всеобщего блага, повелители масс, глашатаи исторической необходимости. Ибо там, где прошло искусство, где прочитано стихотворение, они обнаруживают на месте ожидаемого согласия и единодушия — равнодушие и разногласие, на месте решимости к действию — невнимание и брезгливость. Иными словами, в нолики, которыми ревнители всеобщего блага и повелители масс норовят оперировать, искусство вписывает “точку-точку-запятую с минусом”, превращая каждый нолик в пусть не всегда привлекательную, но человеческую рожицу».

Бродский подчеркивает несовместимость с властью базового (необходимого, но недостаточного, как сказал бы математик) условия любого творчества: творчество, равно как и его понимание, суть инициативные процессы, основанные на субъективности индивида, его вкусах, способностях, пристрастиях и пр.

Творческий процесс — внутренний, интрапсихический. Идея — первична, а ее внешняя реализация в тексте, нотной записи, на CD или на бетонной стене — вторична. Человек, находящийся в творческом состоянии, отдается на волю своей психической реальности; точнее было

бы сказать «человек рефлексирующий» становится пассивным соучастником жизни своего «второго Я» — «человека творческого». Если творческое состояние превращается в процесс и захватывает основную часть жизни, внутренняя работа души отвлекает человека от внешней стороны бытия. Он как бы выпадает из пространства и времени: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» (Б. Пастернак). Реалии окружающего мира для него становятся случайными и необязательными. С. Довлатов о своем друге И. Бродском говорил, что тот не боролся с советской властью, а как бы нетвердо знал о ее существовании.

Прошлое — недоступно, будущее — неясно. О будущем даже не думается, а есть лишь настоящее. Но и оно не имеет никакого значения по сравнению с вечностью. «Жизнь бессмысленна, но творческий человек имеет возможность этого не замечать», — фраза моего случайного знакомого, который занимается компьютерной графикой.

Поэтому равнодушие к делам семьи, общественным и служебным обязанностям, непривязанность к месту и времени — типичны для творческого человека. Об этом писал еще в XIX в. итальянский психиатр и криминолог Чезаре Ломброзо.

Ньютон и Ландау забывали, обедали они сегодня или нет, ибо творческий процесс вытесняет человека из состояния «здесь и сейчас». Жизнь воспринимается и как вечность, и как одно мгновение, но время никогда не является ресурсом, который тратится на дело или на пустяки. Создавая новую реальность, какой смысл считаться с реальностью как таковой? И все беды начинаются тогда, когда жизненная реальность призывает человека вернуться к себе. Неизбежно наступит мгновение проверки творческого продукта на «функциональность». И эксперты, а затем публика судят о поэте, романе, кинофильме или видеоклипе. Изобретение проверяется промышленностью на эффективность. Научная теория или гипотеза становится добычей экспериментаторов. Перед творцом два пути. Первый путь — отождествить себя со своей идеей и испытать триумф или погибнуть вместе с ней в реальной жизни. Другой путь — отделить свое «Я» от продукта творчества и предоставить ему жить самому по себе. Этот вариант психологической защиты, характерный для творческих людей, достаточно подробно описан в литературе.

Жизнь делится на «жизнь внешнюю» и «жизнь внутреннюю»: подлинной для субъекта становится жизнь внутренняя, которой он предан и которую он творит сам: «Лишь жить в себе самом умей, есть це-

лый мир в душе твоей» (Ф. Тютчев), «В своей душе я создал мир иной и образов иных существование» (М. Лермонтов).

«Внешняя жизнь» — конечно, ибо человек смертен (верх банальности!). А «внутренняя жизнь»? Время внутренней творческой жизни иссякает вместе с исчерпанием творческого потенциала личности. Завершение творчества, когда источник мыслей и образов пересыхает, ведет к завершению внутренней жизни, а с этим не каждый творец способен смириться. Не в этом ли причина ранней смерти художников, поэтов, артистов, музыкантов? Превосходный анализ проблемы жизни и смерти творческих людей дал М. Зощенко в книге «Перед восходом солнца». Другой выход — вернуться в «жизнь внешнюю». И Джон Леннон становится отцом семейства, на годы скрываясь от продюсеров и поклонниц. Артур Рембо уезжает в Африку и становится торговцем. Выдающийся физик ведет жизнь тихого дачника, выращивая гладиолусы и помидоры, а талантливая в прошлом актриса открывает маленький шляпный магазин.

Даже слава, тиражи и награды не компенсируют ощущения истощенности внутренней жизни. Джек Лондон словами Мартина Идена, восклицающего, что успех пришел, но все эти рассказы были написаны раньше, задолго до успеха, — выразил чувства многих и многих авторов.

Погружение во внешний успех, в алкогольное или наркотическое безумие — такова цена полной дереализации, поглощенности творчеством.

Общество напоминает творцу о своем существовании законами, правилами, регламентом, стереотипами поведения, которые он должен соблюдать. Непредсказуемость поведения творческого человека — не только помеха для окружающих, она становится его бедой и виной. В конце концов, большинство людей желает существовать спокойно, уютно, без неожиданностей, а любая новизна воспринимается как угроза. О связи ориентировочного и оборонительного рефлексов психофизиологи знают уже с 50-х гг. прошлого века после работ Е. Н. Соколова.

И какие же варианты бытия остаются у творческой личности, чтобы не ускорить развязку трагедии? Первый и самый очевидный — воювать с врагом, «внешней жизнью», ее же оружием — ритуалом и регламентацией. Придумывать свои правила и ритуалы, регламент поведения, обезопасив себя от внешней угрозы — это значит построить свои «Пенаты», где жизнь течет по придуманному Ильей Репи-

ным распорядку; разработать распорядок жизни, как Иммануил Кант, и прогуливаться каждое утро по семи Кенигсбергским мостам, вести божественную жизнь — жизнь скомороха, ваганта, шута, которому все дозволено, пока он не претендует на королевскую власть.

Многое позволялось советским артистам, писателям и физикам при советской власти, даже при сталинском режиме! Как сказал в частной беседе один выдающийся советский психолог, ныне уже покойный: «Мы живем в самой свободной стране в мире! Требуется только одно — не выступать против советской власти!»

Другой вариант более трудный: делить время жизни на «жизнь внешнюю» и «жизнь внутреннюю», отдавая богу — богово, а кесарю — кесарево. В этом случае творец обречен на вечное раздвоение личности. Он должен быть одновременно истинным великим поэтом и главным редактором советского литературного журнала (как А. Твардовский) или министром крохотного Веймарского государства (как И. В. Гете). Успех этого дела определяется исключительно эмоциональной стабильностью индивида. Но кто определит заранее необходимый баланс? «Слишком много кесарю отдал» — так напишет о себе талантливый Сергей Наровчатов в одном из своих лучших стихотворений (к слову — преемник Твардовского на посту редактора «Нового мира»).

Существует ли для творческой личности дихотомия: «жизнь подлинная» — «жизнь предварительная»? Наверное, существует. Но подлинной жизнью творец считает внутреннюю жизнь — «жизнь духа». Он не готовится к жизни, он живет в каждый момент времени «здесь и теперь», но не как гедонист и «жизнелюб»; для него не значимы внешние признаки существования, но важно, реализуется ли внутреннее содержание его личности во внешнем мире. Он как бы вынужден каждый раз напоминать «внешнему миру» о существовании себя, точнее — своего «внутреннего мира». Для него это — единственный путь не впасть в аутизм. Отсюда и парадоксальная повышенная ранимость творческих людей, чувствительность к успеху и неудаче.

Чем сильнее эмоциональная «обратная связь» от «внешней жизни», тем, как это ни парадоксально, выше психологическая устойчивость творческой личности, не позволяющая ей уйти в «хрустальный замок» собственных мыслей и чувств и потерять связь с миром. Ибо, разумеется, только внешний мир является первоисточником содержания творческого процесса.

На мой взгляд, идея А. Ф. Лазурского о различении эндопсихики и экзопсихики адекватно описывает именно психическую реальность

творческой личности (очевидно, сам Лазурский был творческим человеком).

Внутренняя мотивация активности, разделенность психической жизни на «жизнь внешнюю» и «жизнь внутреннюю», необходимость постоянно координировать два потока событий, происходящих внутри и вовне, «выпадение из времени» порождают своеобразный вариант жизненной стратегии, мало описанный в психологической литературе.

К слову, я не могу отнести стиль жизни так называемой самоактуализирующейся личности, по А. Маслоу, к вариантам жизни личности творческой, ибо самоактуализирующаяся личность направлена только вовне, и актуализация для нее важнее внутреннего созидания (судя по описанию, которое дал Маслоу).

«Погоня за горизонтом» (Жизнь как достижение)

«Самоактуализирующаяся личность», «человек действия», «деловой человек», «человек, сделавший себя» и так далее — это не полный перечень названий и самоназваний людей, которые выбрали путь «внешней жизни». Человек, стремящийся к достижениям, навязывает себя окружающему миру: ведь любая цель лежит вне его. Цель как предполагаемый и желаемый результат действия требует постоянного напряжения сил. Достижение цели обесценивает ее, и на горизонте маячит новая, еще более привлекательная цель. Жизнь становится погоней за горизонтом.

Вся психология построена на фундаменте функционализма: психика служит для регуляции поведения, которое направлено на достижение результата. Человек приходит в мир, чтобы решать в нем свои задачи. Пафос активности, преобразования: «Все выше, выше и выше!» — порождает слепоту.

Для человека, стремящегося к цели, нет настоящего, а есть только будущее, если он действует, и прошлое, если по каким-либо причинам он действовать перестал.

Жизнь человека, стремящегося к достижениям, является переживанием желания и волевого напряжения. Нужно хотеть и очень много, чтобы действовать, решать проблемы и преодолевать препятствия.

Если я стремлюсь к достижению цели, значит, я не удовлетворен своим состоянием и окружающим миром. Иначе зачем бы я стал его изменять? Но при этом значение «внешнего мира» для меня — человека действия — должно быть чрезвычайно велико; ведь действую я во внешнем мире, стремлюсь достичь результата, преобразуя окружающую меня действительность.

Получается психическая система чрезвычайно напряженная, в ней высокая субъективная значимость внешней реальности слита с негативным отношением к ее сиюминутному состоянию. Мир плох, нужно сделать его лучше, но даже такой, какой он есть, он дорог и близок. Возникает субъективный жизненный симбиоз человека и мира.

Другого мира нет, и он непредставим, точнее, — представим лишь один желаемый мир. Один — потому что нельзя достигать сразу многих целей одновременно, так как жизнь линейна и время является вектором, стрелой, направленной из прошлого в будущее через настоящее. Для человека нет второго, параллельно текущего времени и, соответственно, других параллельных целей. Достигать их можно лишь последовательно — одну за другой. И жизнь становится «вектором», направленным от нынешнего мира в будущее. Целедостижение препятствует фантазии. Не может быть многообразия субъективных образов будущего, если мы стремимся к некоторому однозначному результату. Человеческое воображение «схлопывается», как звезда-гигант, превращаясь в «белый карлик». Возникает феномен «сужения зоны поиска» и «зашоренного сознания».

Как снайпер видит в момент выстрела только мишень, так и «человек дела» ослеплен будущим, ожидаемым результатом и видит весь мир через призму своих ожиданий. Но белый цвет, проходя через призму Ньютона, распадается на многоцветный спектр, между тем как, проходя через «призму» цели, мир упрощается и становится черно-белым: в нем есть лишь средства и препятствия, люди полезные и люди бесполезные, соратники и враги, успехи и неудачи. Человек действия должен различать поражения и победы, а творческий человек может этим пренебречь, более того — черно-белая оценка мира препятствует его реализации: «Но поражений от победы ты сам не должен отличать» (Б. Пастернак). Знаменитое, анекдотическое хрущевское: «Цели поставлены, задачи определены. За работу, товарищи!» — вот апофеоз целедостижения. Стремящиеся к достижениям могут построить только развитой социализм.

Нельзя действовать, не веря в успех, не надеясь на будущее. Действующий чаще всего «мизантропический оптимист». Он негативно оценивает настоящее, но преисполнен веры в будущее. Он полагает, что все устроится к лучшему: «Бог не выдаст, свинья не съест». Он надеется на успех в рискованном деле, расценивает свои шансы выше, чем шансы среднего человека. Он верит в свои силы и считает, что его способности превосходят способности большинства других людей. Короче говоря, он является оптимистом.

В психологии принятия решения есть термин «неоправданный оптимизм». В принципе, оптимизм всегда неоправдан, ибо по определению он предполагает успешный исход, когда шансы выпасть «орлу» или «решке» равны.

Оптимист верит в грядущее воздаяние, в райское блаженство, прогресс цивилизации и культурное развитие человечества. Причем и прогресс, и духовное развитие идут в том направлении, куда идет он сам. Другого варианта не предполагается, ибо цель определена, а кто может сомневаться в том, что она единственно правильна, если ее очень хочется достичь?

Лестница целей в принципе бесконечна и ничем не ограничена, даже биологической жизнью. Горизонт вечно ускользает, и даже когда впереди маячит пропасть, горизонт уходит еще дальше.

Человек действия не может, не способен ограничить целеполагание имеющимися средствами. Время жизни не рассматривается как иссякающий ресурс, а скорее как средство, условие достижения цели.

Но разве может стремящийся к победе смириться с недостатком или отсутствием способов ее достижения? Он будет искать новые средства, направлять свой интеллект, а если рациональных возможностей недостаточно, включать механизмы психологической защиты. Подсознание будет подсказывать идею о личном бессмертии. Вернее всего, это даже не идея, а ощущение — стремление, неприятие возможности своего индивидуального конца.

Неизбежность смерти можно вытеснить из сознания и активно превращать в жизнь идею личного бессмертия. Для этого достаточно навязать миру свою власть и заставить людей (тех, кого удастся заставить) поверить в такую возможность. Нужно ставить себе памятники при жизни, открывать посвященные себе же музеи, стремиться включить свое имя во всевозможные *Who is Who*, энциклопедии, справочники и т. д. и т. п.

Спутница стремления к целедостижению — мания всемогущества. Желание, чтобы мир был управляем, чтобы любой результат был достигнут, чтобы никакой процесс во внешнем мире не шел без контроля над ним со стороны всемогущего Субъекта, — это желание толкает к обретению власти. Власть — это возможность заставить других людей делать то, что бы они не стали делать, будучи предоставлены сами себе. В этом смысле власть является абсолютным злом, так как принуждение другого всегда связано с причинением ему ущерба морального или физического. Ни один человек, обладающий эмпатией, чувством сопереживания и тем, что привыкли называть совестью, по доброй воле не будет испытывать удовольствие от возможности причинить другим ущерб или просто доставить им неприятные ощущения. Радость от негативных эмо-

ций, переживаемых другим человеком, причиной которых стал ты сам, способен испытывать только субъект с садистскими наклонностями.

Мания всемогущества распространяется на физическое время. Я убежден, что подсознательно любой «человек действия» считает себя бессмертным, в буквальном, физическом смысле этого слова. Сочетается это бессознательное переживание со столь же иррациональным страхом смерти. «Желание — убеждение себя» в личном бессмертии приводит к неосознанному риску и стремлению создавать критические, пограничные, «экзистенциальные» ситуации, в которых ощущение жизни особенно велико. Толкает человека на крайние поступки стремление к действию в сочетании с подсознательной установкой: «Со мной ничего не случится без моего желания».

Ощущение «я сам себе хозяин», разумеется, спасительно и стабилизирует психику в рискованных ситуациях. Однако индивидуальное время не может быть бесконечным, поэтому неизбежное завершение жизни нужно отсрочить. Легче всего не замечать сигналов о неизбежном, но многие знаки свыше не дают забыться. И тогда остается продлить свою жизнь методом «социального сравнения»: сократив время жизни или уменьшив спектр возможностей для реализации других людей (увольнение молодого талантливого сотрудника старым начальником, преследование старухами-соседками молодой красавицы и т. д.). Способов досадить ближнему много. Как ни парадоксально, подобная стратегия оправдывает себя даже биологически. Не в этом ли секрет должжителей-палачей: Мао Дзе Дуна и Молотова, Ким Ир Сена и Кагановича. Имя им — легион!

«Человек действия» (Наполеон, Сталин, Аль Капоне) продлевает себе жизнь, шагает в будущее, оставляя за своей спиной горы трупов (в прямом и переносном смысле).

Разумеется, это гротеск, крайний случай. Хотя и весьма часто реализующийся вариант жизни.

Обычный же «человек действия» так поглощен деятельностью, что не замечает жизни в бытовом, общечеловеческом понимании этого слова. Рыбалка и выпивка, воспитание детей и субботние выезды на дачу или в лес, занятие спортом или сексом, любовь и забота о близких — лишь перерывы, пустоты между деловыми, социальными успехами и неудачами. Депрессия выходного дня — болезнь «трудоголика», хотя слово «трудоголик» не отражает сути личности, поглощенной делом и погоней за целью.

Другая иллюзия «бессмертия» — продолжение личности в продуктах деятельности, потомках, выращенных деревьях, построенных домах, написанных книгах. Подсчет удач и успехов, ощущение «не зря прожитой жизни», сознание личного бессмертия в результатах труда утешает. «Памятник» Горация — Державина — Пушкина (добавлю — Бродского) выражает эту врачующую душу иллюзию.

Здания рушатся; вопреки фразе Булгакова, рукописи горят, древние картины (большинство) пылятся в запасниках и постепенно через десятилетия и века уходят из актуального сознания людей, из системы активного культурного человеческого обмена, приобретают лишь музейную ценность.

Еще древние греки спорили, где родился Гомер, а нынешние литературоведы выясняют, написал ли он на самом деле великие поэмы. Сейчас спорят о том, кто был автором произведений, приписываемых некоему Шекспиру. Через сотню-другую лет будет дискутироваться авторство текстов песен, которые написали Шевчук и Макаревич, а само существование их расцениваться как легенда, придуманная дельцами от масскульта.

Те из людей дела, кто лишен больших властных полномочий и не может воплотить свой труд в предметы, тексты и т. п., а к ним относятся менеджеры и чиновники, политики и коммерсанты, — все они стремятся успеть, ибо отпущенное время уходит, а многие цели еще не достигнуты.

В поединке со временем, неощутимым и неуловимым, нет шансов на победу. Его нельзя обмануть, запугать или подкупить. «Человек действия» все время хочет победить, обогнать время, особенно «когда с годами изменяют силы, и только воля говорит: «Держись!»» (Р. Киплинг в переводе С. Маршака). Особенно ярко это проявляется в спорте высоких достижений. Создается впечатление, что профессиональный спорт изображен людьми как чистый, искусственный вариант «жизни достижений», где победа или поражение более или менее очевидны при всех прелестях современного профессионального спорта: допинге и произволе тренеров, подлости конкурентов и продажности судей, вмешательстве политиков и большого бизнеса и прочее.

Футболист к 23–26 годам прекрасно осознает, что его спортивный век короток, и через 10, максимум 15 лет он превратится в изношенного, замученного травмами полуинвалида, а слава и деньги уйдут к другим. Поэтому, если он «человек действия», спортсмен начинает выжимать все из ситуации.

Конкуренция с коллегами и переход в более престижные и богатые клубы, стремление заработать любой ценой «на старость», «для семьи и детей» съедают его душу. Наиболее волевые и конкурентоспособные максимально продлевают свое пребывание в зоне всеобщего внимания и возле больших денег. Яркий пример — поведение «великого» Лотара Маттеуса, игрока сборной Германии и мюнхенской «Баварии», который принял в 39 лет участие в финале Евро-2000 и был худшим футболистом немецкой сборной на поле. До этого он прославился не только спортивными успехами, но и скандальностью, конфликтами с коллегами и тренерами, отстаивал свои права на место под солнцем.

Для «человека дела» жизнь делится на время достижений и покой, пенсию, прелюдию к смерти. Волею судьбы или людей устранившийся от дел человек действия, разумеется, может выбрать новую сферу приложения сил и достичь на этом поприще определенных успехов. Научный работник может стать неплохим преподавателем, футболист — тренером, управляющий производством переквалифицироваться в управдомы, боевой офицер стать охранником или, на худой конец, вахтером. Но порой не остается сил, желания и стремления к новизне. Тогда и происходит погружение в прошлое, в воспоминания о достижениях и победах. Создается личный миф, легенда о себе самом, которая, если удается, может стать мемуарами, дневником, сборником воспоминаний. Особенно любят предаваться писанию мемуаров карьеристы: политики, генералы в отставке, управленцы и администраторы районного и федерального масштабов. От символов успеха — орденов, фотографий и дипломов ломаются стенды провинциальных и столичных краеведческих и исторических музеев.

Жизнь-воспоминание должна состоять из перечня достижений, иного не приемлет личность. Можно предположить некий идеальный вариант, когда цели, которые ставил перед собой человек, вступая в жизнь, реализованы. Что остается на будущее, когда сценарий воплощен в реальность? Пустота и ощущение истощенности бытия. Жизнь прошла, и ничего нового в ней произойти не может. Такое ощущение может возникнуть в любом возрасте, когда «сценарий карьеры» исчерпан. Если подвести промежуточный итог, то «жизнь-целедостижение» происходит во «внешнем мире», но нацелена на будущее и обращена в прошлое, в ней нет настоящего. Воистину «есть только миг между прошлым и будущим». «Человек действия» подсознательно не признает индивидуальной смерти и стремится контролировать реальность.

Личностный тип — всегда результат жизненного выбора. Принятие решения о варианте жизни является «точкой бифуркации». После выбора обратного пути нет, и личность человека должна модифицироваться под влиянием нового образа жизни.

Условно говоря, «на входе» мы имеем индивидуально-психологические черты (темперамент, характер, способности человека), а «на выходе» — личностный тип. Как говорят англичане: «До службы на флоте Джон — это Джон, после службы Джон — это бывший моряк».

«Человек действия» — это тип личности, формируемый соответствующим психологическим вариантом жизни, который, по крайней мере для западноевропейской цивилизации, является основным, одобряемым.

Стремление к внешнему успеху, достижению — вот основа основ современной цивилизации. Дело не только в дилемме Эриха Фромма: «Иметь или быть». Суть в том: что значит «быть»? Быть с точки зрения западного человека, значит, максимально раскрыть свои внутренние возможности во внешнем мире путем деяний. Самоактуализация, самораскрытие отнюдь не исключают, а предполагают успех, признание и, в конечном счете, возможность «иметь».

Выдающиеся изобретатели, талантливые рок-музыканты, режиссеры и кинозвезды — разве они не являются рекламным воплощением этого единства «быть» и «иметь»?

Главное — достичь поставленной цели, стать победителем. Возникает термин «психология победителя». Культ человека, выбравшего дорогу успеха, достижение цели, является итогом развития индустриального и постиндустриального общества. Система заинтересована в «мотивационном перегреве» человека. Только сверхмотивированный индивид готов броситься, как мотылек в пламя костра, в топку научно-технического прогресса и отдать свои ресурсы — время жизни, физические силы, способности — для достижения целей. Но никто и никогда не подсчитывает баланс потерь и приобретений на этом пути.

«Люди действия» становятся архитекторами и строителями своей и нашей общей жизни, но они же ее разрушают и делают невыносимой. Все зависит от содержания целей, которые они перед собой и перед другими поставили. Карнавалы и войны, стадионы и концлагеря, кладбища и театры — воплощены «людьми действия» или, как их называли в Монголии времен Чингисхана, — «людьми длинной воли». Они являются основой жизни человеческого общества — «человеирика» (термин философа А. Зиновьева).

Дружная поступь колонн, бестрепетный взгляд, ясность ума и оптимизм — они знают, что делают и куда идут. Но в моих ушах звучат слова из песни Александра Галича: «Бойтесь того, кто скажет: “Я знаю, как надо!”». Куда они идут и, более того, куда заставляют идти за собой других?

Психологи, которым тоже нельзя, по Марксу, жить в обществе и при этом быть свободными от общества, оказались под властью этого оптимального и адаптивного варианта жизни, и большинство психологических моделей личности рассматривает «человека действия» как идеал, точнее — «психологический оптимум».

Этот тип изучается не как результат «жизни как целедостижения», а чуть ли не в качестве единственного варианта личности. Вся система воспитания ориентируется на развитие способности к целедостижению и успеху.

Наибольшую популярность приобрела теория «локуса контроля» Джулиана Роттера, автора концепции социального научения. Дж. Роттер полагал, что поведение человека всегда целенаправленно и люди всегда стремятся достичь поставленной цели. Они прогнозируют будущее, они ожидают, что их действия приведут к успеху, а успех выразится в том, что социальное окружение поощрит их усилия: даст конфетку или большую сумму денег, присвоит более высокий чин или наградит высшей наградой командования — благодарностью перед строем.

Чтобы преуспеть в этом мире — получать вознаграждения по результатам своих действий, избегая наказания, человек должен полагать, что результат деятельности зависит от его собственных усилий, приложения интеллекта и ручной умелости, от его способностей, а не от иных причин. К числу последних можно отнести слепой случай, «волю богов», каприз начальства и пр. Отсюда Роттер вводит понятие «локус контроля» и делит всех людей на два основных типа.

Люди с интернальным локусом контроля верят в то, что успехи и неудачи зависят в основном от их способностей и усилий, что правильное действие должно, при прочих равных обстоятельствах, привести к успеху. Они полагают, что на социальный успех влияет их труд, а не мнение окружающих.

Экстерналы считают, что успехи и неудачи не зависят или в малой степени зависят от их личных усилий и способностей, а целиком и полностью обусловлены удачей, случаем, влиянием окружающих людей, либо каких-то закулисных сил. Судьба играет экстерналом, но находится в руках интернала.

Локус контроля характеризует, в какой мере человек чувствует себя хозяином жизни и контролирует достижение целей. Разумеется, между крайними типами «экстернала» и «интернала» располагается континуум промежуточных вариантов. Многочисленные исследования «экстернальности — интернальности» дали очень любопытные характеристики «людей действия». Интерналы, например, очень пекутся о своем здоровье и активно ищут информацию о проблемах, связанных со здоровьем, в журналах или в телепрограммах.

Интерналы принимают всяческие меры предосторожности, чтобы поправить свое здоровье. Они бросают курить, занимаются гимнастикой по утрам и бегают трусцой, регулярно посещают врачей. Они придерживаются диеты и чистят зубы утром и вечером. Интерналы очень заботятся о своем благополучии: имуществе, счете в банке, ситуации в семье, учебе детей. Жестко контролируют поведение домочадцев. Интерналы обладают высоким самоуважением. Они реже болеют психическими заболеваниями, чем экстерналы, у них реже встречается тревога, депрессия и прочие проблемы, связанные с психическим благополучием. Они реже кончают жизнь самоубийством. Интернал убежден, что может решать свои проблемы самостоятельно.

Интерналам нравятся люди, которыми они могут управлять, они любят занимать контролирующие позиции. Манипуляция людьми — один из путей их самореализации. Они невнушаемы и не любят людей, на которых не могут повлиять: каждый интернал конкурент другому интерналу за влияние на людей.

В отличие от интерналов экстерналы хуже адаптируются к жизни и более зависят от социального окружения и ситуации, более внушаемы и управляемы. Они не верят, что могут управлять своей судьбой.

Мир, создаваемый интерналами, — это наш мир, жизнь, которой они живут, — это жизнь целедостижения, покорения людей и природы. Не потому ли жить этой «внешней» жизнью, в этом мире «обычному», среднему человеку неуютно и страшно?

Еще один вариант человека, реализующегося во внешнем действии, — «самоактуализирующаяся личность» по Абрахаму Маслоу. Самоактуализация, по Маслоу, есть образ жизни, основанный на стремлении человека стать тем, кем он может стать: «Люди должны быть тем, кем они могут быть. Они должны быть верны своей природе».

Маслоу отнюдь не считал (как интерпретируют его последователи, в первую очередь — российские), что самоактуализация связана

с творческим процессом. По Маслоу, самоактуализацией является любой вариант реализации способностей в деятельности. Люди, не осознающие своего потенциала, страдают низкой самооценкой, боятся реализовать себя во внешней жизни. Самоактуализирующиеся личности, как правило, — люди среднего или старшего возраста, составляющие не более одного процента населения. Это подтверждает мысль, что личностный тип есть не основание, а результат реализации определенного варианта жизни.

Самоактуализирующиеся личности наделены, согласно Маслоу, массой положительных черт. Они более спокойно воспринимают мир вокруг себя, менее эмоциональны и более объективны, беспристрастны, не подвержены надеждам и страхам, стереотипам, не боятся проблем и противоречий. Самоактуализирующийся человек принимает себя таким, какой он есть. У него нет чувства вины, стыда и тревоги. Он ощущает радость жизни. (Он освободил себя «от такой химеры, как совесть». Ну и мерзавец этот самоактуализирующийся человек! — В. Д.)

Другие люди и природа принимаются им такими, какие они есть. Они осознают, что люди страдают, болеют и в конце концов умирают. Их внутренняя и внешняя жизнь непосредственна, естественна и лишена условностей. Они не любят формальности и ритуалы.

Однако в случае необходимости эти люди готовы принять внешние социальные ограничения. Эти люди привержены какой-то задаче, делу, любимой работе. Они живут, чтобы работать, а не работают, чтобы жить. Самоактуализирующиеся люди склонны к уединению и независимости. Они нуждаются в неприкосновенной личной жизни и одиночестве. Они имеют свой взгляд на ситуацию и не полагаются на суждения других людей. Поэтому они внутренне свободны и автономны. Круг их друзей очень узок, но отношения между друзьями очень близкие. Маслоу приписывал самоактуализирующимся людям абсолютный демократизм, но тут же вынужден был заметить: «Эти индивиды, сами являющиеся элитой, выбирают в друзья также элиту, но эта элита характера, способности и таланта, а не рождения, расы, крови, имени, семьи, возраста, молодости, славы или власти». А каков, спрашивается, критерий способностей и таланта и каковы основания для причисления себя к элите?

Маслоу утверждает, что самоактуализирующиеся люди отличаются большой последовательностью, определенностью, твердостью. Знают, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Они отличаются стремлением к функциональности, любят не только результат, но и процесс,

обладают философскими наклонностями, чувством юмора и творческим подходом к реальности.

Кроме того, Маслоу заметил, что самоактуализирующиеся люди сопротивляются «окультурированию». Они независимы и нетрадиционны во взглядах, привычках, и поэтому могут восприниматься другими как эгоцентричные и эксцентричные люди.

Самоактуализирующиеся личности бывают и упрямыми, раздражительными и эгоистичными, необыкновенно тщеславными и гордыми. Они бывают «хирургически холодны», бессердечны, безжалостны даже по отношению к близким людям. Они чрезвычайно сосредоточены на себе и своих планах, могут подавлять, маскировать и удивлять других своим экстравагантным поведением.

Маслоу создал «Опросник личностной ориентации», состоящий из двух основных шкал и десяти субшкал. Первая основная шкала: «направленность на себя — направленность на других».

По мнению Маслоу, самоактуализирующийся человек направлен на себя, он руководствуется собственными принципами и побуждается к действию собственными мотивами, а не внешним давлением. Он автономен, уверен и независим. «Направленные на других» зависимы от группы, внешних социальных норм, они нуждаются в одобрениях и поощрениях со стороны других людей. Характеристики самоактуализирующейся личности по этой шкале очень напоминают описание «интернала» по Д. Роттеру.

Чрезвычайно интересна вторая основная шкала «компетентность во времени». Маслоу считал, что самоактуализирующаяся личность живет настоящим, а не будущим и прошлым. Люди, «компетентные во времени», реалистичны в оценке перспектив и легко связывают текущие задачи со стратегическими планами. Они знают, как прошлое относится к настоящему, а настоящее к будущему. Они воспринимают время как непрерывный поток и связывают прошлое, настоящее и будущее, не отделяя своего прошлого от настоящего, а настоящего — от будущего. Они не боятся и не идеализируют будущее, не сожалеют о сделанном и не обижаются на прошлое. «Гляжу в грядущее с боязнью, гляжу в прошедшее с тоской» (М. Лермонтов), — такое мироощущение им не присуще.

«Самоактуализирующуюся личность» правильно было бы назвать (учитывая возраст) «самоактуализовавшейся личностью». Это — «человек действия», который добился успеха в достижении своих личных целей и реализации своих способностей, на пике своей жизненной и про-

фессиональной карьеры. Именно такие личности и привлекли внимание А. Маслоу. Он всего лишь проанализировал 48 биографий выдающихся (с его точки зрения) деятелей западноевропейской цивилизации, разделив их на три группы: «весьма определенные случаи» самоактуализации, «весьма вероятные случаи» и «потенциальные или возможные случаи». В число «весьма определенных случаев» вошло только 12 биографий.

Позже другие исследователи искали корреляции между шкалами «Опросника личностной ориентации» (ОЛО) и другими показателями. Оказалось, что опросник пригоден для различения нормальных и аномальных (с точки зрения психического здоровья) групп. Показатели по шкалам опросника улучшаются после сеансов психотерапии. Шкалы ОЛО высоко коррелируют с академической успеваемостью студентов колледжа, креативностью и автономностью поведения. Это лишний раз подтверждает, что «самоактуализовавшаяся» (именно так!) личность, по Маслоу, успешнее других адаптируется во внешней жизни и достигает в ней позитивных результатов. Именно этот факт входит в радикальное противоречие с нелегкой судьбой, порой — трагической, творцов и новаторов, гениев разных эпох и народов.

Лично у меня при чтении книг Маслоу вместо розового, сахарного портрета «самоактуализирующейся» личности перед глазами встает портрет эгоцентрика и эгоиста, «объективно» и спокойно взирающего на окружающее, безразличного к болям и тревогам этого мира, с младенческой непосредственностью реализующего свою «самость» без оглядки на окружающих и не испытывающего чувства стыда и угрызений совести.

Считая себя элитой и предпочитая равных себе по духу и уму, к роению, эти люди весьма снисходительно и по-доброму относятся к другим. Так цивилизатор XIX в. относился к «бедным и добрым дикарям». В мире, полном и радости, и трагизма, — а существование человека равным образом счастливо и трагично! — что же это за личность, которая может сохранять простоту поведения, избегать тревоги и депрессии и полностью принимать свою собственную натуру?

И все же я был бы несправедлив по отношению к Маслоу (хотя этот великий психолог ничего не теряет и не приобретает в глазах окружающих из-за моих оценок!), если бы не отметил главное. Тип самоактуализирующейся личности несводим к типу «человека действия»: самоактуализация не есть только целедостижение, но в первую очередь — реализация возможностей «здесь и теперь», в настоя-

щем, а не где-то в будущем. В этом отношении самоактуализация как вариант жизни противоположна «жизни-целедостижению». Все же «человек действия» живет предчувствием будущего успеха, а не ощущением полноты бытия в настоящем. Кроме того, актуализация противоположна и другому варианту жизни, который был определен выше как «жизнь-подготовка».

Эту противоположность отметил сам А. Маслоу: «Мотивационная жизнь самоактуализирующегося человека не только богаче, она качественно отлична от мотивации среднестатистического человека. Мне кажется, что самоактуализация предполагает принципиально иную психологию мотивации, мне кажется, что говоря о мотивации самоактуализирующейся личности, мы должны говорить не столько о потребностях физиологических уровней, сколько о метамотивах или мотивах роста. Разница между ними столь же фундаментальна, как *разница* между *жизнью и подготовкой* (курсив А. Маслоу. — В. Д.) к жизни»¹.

Но эта мысль, гениальная в своей простоте, осталась у Маслоу нераскрытой. Противоположность «жизни-подготовки» и «жизни-самоактуализации» совершенно очевидна. Сам Маслоу отмечает, что самоактуализирующиеся личности с трудом социализируются, потому что процесс подражания, обучения вести себя «как подобает» противоречит их тенденции поступать в соответствии с уже имеющимся «здесь и теперь» психическим потенциалом. Поэтому они не очень приживаются в учебных и воспитательных учреждениях, где царят жесткая регламентация поведения и муштра. Они — самые плохие курсанты и самые лучшие, активные воины в реальности, а не в учебном бою. Предполагает ли самоактуализация более ранний выход в «самостоятельную жизнь»? Я думаю, — нет. Маслоу несомненно прав в том, что искал самоактуализирующихся людей в числе лиц среднего и старшего возраста: они уже жили «подлинной жизнью», а не «жизнью-подготовкой». Самоактуализирующийся человек миролюбиво равнодушен к времени подготовки к жизни, и в подростковом возрасте, и в юности стремится организовать по мере сил систему «отдушин» для своей деятельности: будь то участие в панк-группе или занятие компьютерным дизайном, общение по Интернету или увлечение экстремальными видами спорта.

¹ Маслоу А. Самоактуализирующаяся личность. М., 1999.

Наиболее адекватна для описания «человека действия» теория мотивации достижений. Кажется, что она специально была создана для описания динамики «жизни-целедостижения». Ее истоками являются не только исследования Курта Левина (что общепризнано), но и труды Альфреда Адлера. Именно Адлер придавал особое значение «телеологической силе», устремленности индивида к цели. С его точки зрения, именно цель жизни человека определяет всю совокупность его поступков и побуждений. Вариант, когда у человека нет генеральной жизненной цели, даже не рассматривается.

Итак, согласно Адлеру: «У каждого человека есть концепция цели или идеал, необходимый для того, чтобы добиваться больше того, что возможно для него в актуальной жизненной ситуации, преодолевая недостатки и трудности настоящего благодаря постулированию конкретной цели будущего. Имея эту конкретную цель или намерение, человек чувствует себя в состоянии преодолеть любые проблемы, так как в нем живет его будущий успех. Без ощущения цели деятельность индивида не имела бы никакого смысла»¹.

Отсутствие жизненной цели рассматривается психологами как предпосылка невроза, а не как один из возможных, нормальных вариантов жизни. Допускаю, что внешнее давление на личность: «Ищи смысл жизни!», «Надо стремиться к общественно-полезной цели!», «Нельзя вести бесцельное существование!» — само по себе может породить невротическое состояние. Человек вынужден защищаться: «Но я и так доволен жизнью: у меня интересная работа, семья и пр. И не нужны мне никакие цели, ни о каких высших смыслах жизни я думать не желаю!»

Теория мотивации достижений возвела в абсолют представление о жизни как стремлении к успеху. Кличем к выявлению мотивации достижений стала методика «Тест тематической апперцепции», разработанная Генри Мюрреем. Тест состоял из набора картинок, на которых были изображены персонажи, но содержание ситуации было неопределенным. Мюррей просил испытуемого составить рассказ по предъявленной картинке. Идея была в том, что испытуемый, который испытывает мотивационное напряжение, будет проявлять в содержании рассказа свои желания. Мюррей считал, вслед за З. Фрейдом, что мотивы недоступны самонаблюдению и находятся в подсознании. Поэтому непосредственно спрашивать человека о мотивах его поведения бесполезно.

¹ Адлер А. Наука жить. К. Port-Royal, 1997. Р. 53.

Кроме того, он предположил, следуя за тем же Фрейдом, что при рассказе, интерпретирующем содержание картинки, сработает защитный механизм проекции: люди будут проецировать свои переживания «вовне», приписывая героям рассказа (персонажам картинки) свои мысли, чувства и мотивы. И, наконец, Мюррей считал, что частота высказываний, связанных с тем или иным мотивом, будет прямо зависеть от силы мотивации.

Любопытно, что Фрейд считал защитный механизм проекции типичным для параноиков. Они склонны приписывать другим людям собственные мысли, намерения и чувства, не желая признать их своими. Лица с параноидным типом акцентуации характера или с параноидной психопатией отличаются крайней целеустремленностью, настойчивостью и последовательностью в достижении поставленных целей. Они стремятся управлять ситуацией, решать все проблемы самостоятельно и контролировать других людей. Их отличает высокая самооценка, уверенность в своих силах, сохранный интеллект и гибкость при выборе способов достижения результата. Сами же цели никогда не подвергаются сомнению, так же, как и собственная правота. Параноик — это крайняя, патологическая форма проявления «человека действия».

На основе методики Мюррея Д. К. Мак-Клелланд с сотрудниками создал тест мотивации достижений. Предполагалось, что мотивация достижения проявляется при осуществлении любой деятельности, так как люди всегда стремятся достичь успеха и избежать неудачи. В исследованиях Мак-Клелланда выявилось, что мотивация достижений как бы расщепляется на две составляющие: «надежду на успех» и «боязнь неудачи».

Если разделить всех людей на «избегателей» и «надеющихся», то при повторяющемся успехе лица, избегающие неудачи, перестают стремиться к достижениям, а надеющиеся на успех, напротив: с каждым новым успехом их мотивация достижений все более усиливается. Число «избегающих» в разных исследованиях колеблется от трети до половины от всего числа испытуемых.

Более тщательные исследования показали, что мотивированные на достижение после успеха выбирают цели чуть выше результата, а мотивированные на избегание делились на две группы: группу лиц, ставящих перед собой нереально трудные цели, и группу, занижающую свои притязания до минимума.

«Надеющиеся на успех» настойчивы в своих намерениях даже после неоднократных неудач, а «боящиеся неудачи» отказываются от действий после первой же попытки. Личности, стремящиеся к достижению, отличаются от других людей особым отношением ко времени.

Гипотетические характеристики «людей действия», которые выбрали для себя «жизнь-целедостижение», полностью совпадают с особенностями личностей «надеющихся на успех»: они склонны планировать свои действия на длительные промежутки времени. В отличие от прочих людей они живут долгосрочной временной перспективой. Они переживают время более динамично и активно. Движение времени они рассматривают как целенаправленный и быстрый процесс.

Избегающие неудачи, напротив, живут краткосрочной временной перспективой, «сегодняшним днем», воспринимают время как струящийся независимо от человека поток.

Претендуя на роль общепсихологической, теория мотивации достижений адекватно описывает поведение лишь одного типа людей — «людей действия». Преобладает ли этот тип среди всех? Да, преобладает, но лишь в странах, где жизнь людей строится в соответствии с культурными нормами постиндустриального общества, точнее — западноевропейской и североамериканской версией этого общества. Это прекрасно понимал основатель исследований мотивации достижений — Мак-Клелланд. Он был почитателем работ Макса Вебера.

Мотивация достижений рассматривалась Мак-Клелландом как проявление в индивидуальном поведении норм протестантской этики. Макс Вебер проследил связь между духом капитализма и религиозной этикой, в первую очередь — этикой кальвинизма. Оправдание веры деянием, абсолютное предопределение индивидуальной судьбы легли в основу этики мирской жизни христианина. Приверженцы постреформаторских церквей и совершили промышленную революцию XVIII в., а их потомки построили здание современного капитализма.

Мак-Клелланд разработал индекс мотивации достижений на основе категорий своего опросника и применил его при анализе рассказов, включавшихся в книги для школьников третьих классов на протяжении XIX и XX вв. Оказалось, что показатели этого индекса сильно коррелировали с числом заявок на патенты, приходящихся на миллион жителей страны. Однако предположения Мак-Клелланда о роли про-

тестантской этики в формировании мотивации достижений не получили прямого эмпирического подтверждения.

Мак-Клелланд считал, что воспитание детей в семьях протестантов проникнуто значимостью успеха. У детей формируется самостоятельность и личная ответственность за свои действия. У детей развивается мотивация достижений — «надежда на успех». Настойчивость в достижении цели должна приводить к успеху, а мерилom успеха является прибыль. Мотивация достижений, по Мак-Клелланду, толкает личность в сферу предпринимательства, бизнеса, науки и техники.

Мак-Клелланд сравнивал экономическую мощь протестантских и католических стран к 50-м гг. XX в. Выявилось очевидное экономическое превосходство протестантских стран. Но прямое сопоставление уровня развития мотивации достижений у протестантов и католиков в США, Германии, Швейцарии не выявило существенных различий между ними. Гораздо существеннее уровень мотивации достижений отличался у представителей высших и низших слоев общества, а также жителей города и деревни. Особенно явно различия в уровне мотивации достижений проявляются у высших и низших классов жителей городов, что нетрудно было бы предугадать.

Жизнь как достижение целей сегодня является «модальным» — основным вариантом индивидуального существования людей в так называемом цивилизованном мире. Вырабатывает ли цивилизация другие варианты жизни? Постепенное осознание того, что стремление к успеху ведет не только к техническому прогрессу, но и возрастанию конкурентности и агрессивности в обществе, автономии людей и независимости их друг от друга, к разрушению равновесных отношений общества и природы, к бессмысленной гонке вооружений, гиперстимуляции потребления и псевдоновизны в производстве, — приводит к выработке альтернативных вариантов жизни.

Первой неудачной попыткой было движение «детей цветов» — хиппи, которые выработали вариант «жизни-ухода». Но об этом мы будем говорить в другой главе книги.

Половина этого мира, эйнштейновского пространства-времени, принадлежит «людям действия». Неприемлющие вариант «жизнь-целестремление» становятся аутсайдерами и с обочины взирают на несущийся поток «мерседесов».

Если бы среда не препятствовала людям, стремящимся к достижениям, то земля превратилась бы в пустыню, на которой бы громозди-

лись горы трупов и машин. Возможно, среди них бродили бы одичавшие роботы.

«Жизнь-целестремление» не является любимым мной вариантом существования. И я не хочу это скрывать. Суть не в том, что человеку не следует добиваться достижения целей, а в том, что большинство из этих целей иллюзорны. Они являются проявлением человеческого бессознательного. Цели, наиболее отдаленные во времени, — наиболее иррациональны и требуют максимальных сил для достижения. Иллюзия полной контролируемости мира в целом и процесса собственной жизни (а для параноика — и любой чужой) — эта иллюзия принесла много бед и немало принесет еще.

«ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН»

В заглавии — название драмы великого испанского драматурга Кальдерона.

«Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь».

Это уже Вильям Шекспир, который неоднократно возвращался к аналогичным мыслям. Например, в «Гамлете»: «Умереть, забыться и видеть сны». Жизнь есть сон, и смерть — тоже сон. Поток времени подхватывает человека и несет его, не давая ему прозреть и открыть глаза на происходящее. Третью своей жизни мы спим. И для многих людей эта треть — самая лучшая.

Чем старше человек, тем время, необходимое ему для сна, — меньше. Стариковская бессонница — дело обычное, а бессонница в среднем и тем более в молодом возрасте расценивается как болезнь. Люди идут к невропатологу или психотерапевту, принимают таблетки и лежат на кушетке у психоаналитика, чтобы вернуть здоровый, счастливый сон. Значит, вопреки обыденному суждению, смерть — не сон, а отсутствие сна! С потерей сна и сновидений мы приближаемся к смерти. Сон — это жизнь, может быть первичная и самая основная ее форма.

Растения спят, спит плод в утробе матери, которая удовлетворяет все его потребности. Спит младенец в колыбели, когда он сыт и здоров, но пробуждается от голода, боли, холода, мокрой кровати и т. д.

И человек просыпается. Делает утреннюю гимнастику, бодро бежит на работу, когда о нем некому позаботиться и он сам должен добывать рубль или доллар, насущный для себя и своей семьи.

Сны-сказки посвящены удовлетворению желаний: «Бог создал сны, чтобы показать путь спящему, глаза которого во тьме» (древнеегипетский текст). Сознание, ясно отражающее мир во всей его красоте, серости и безобразии, травмирует само себя. Давно, еще Зиг-

мундом Фрейдом замечено, что изоляция сознания от внешнего мира влечет за собой сон: «Младший Штрюмпель, сын философа, исследования которого служили нам уже неоднократно руководством в проблеме сновидений, сообщил, как известно, наблюдения над одним пациентом, страдавшим общей анестезией кожных покровов и параличом некоторых высших органов чувств. Когда у этого субъекта закрывали немногие оставшиеся ему органы чувств, он впадал в сон. Когда мы засыпаем, мы все стремимся достичь ситуации, аналогичной эксперименту Штрюмпеля. Мы закрываем важнейшие органы чувств, глаза, и стараемся устранить и от других всякое раздражение или хотя бы всякое изменение действующих на них раздражений. Мы засыпаем, хотя наше намерение никогда в полной мере не осуществляется. Мы не можем ни совершенно устранить раздражения от наших органов чувств, ни уничтожить возбудимость этих органов. То, что нас во всякое время может разбудить более или менее сильное раздражение, доказывает, что «душа и во сне остается в непрерывной связи с внешним миром»¹.

Что такое «жизнь-сон»? Это ощущение нереальности «внешней» жизни и одновременно ощущение реальности единственно желанной «внутренней» жизни. Но в отличие от «жизни творческой» здесь у человека отсутствует стремление к порождению нового (идеи, образа, формулы, текста, предмета и пр.), сознание исчезает полностью и отсутствует внутренняя активность.

И в творческом процессе сознание пассивно по отношению к бессознательному, но при этом контролирует целостное поведение личности.

Идеалом «человека спящего» (термин предложен эзотериком Г. И. Гурджиевым) является вечный, спокойный сон, блаженство, нирвана, когда желания отсутствуют, душа и тело спокойны и находятся в равновесии с миром. Но в реальности этот идеал недостижим, по крайней мере, без особых тренировок, и поэтому человек стихийно впадает в состояние измененного сознания и грезит наяву. Лишь чувствительные ушибы — результаты жесткого соприкосновения с «внешней жизнью» — заставляют его открыть глаза.

«Жизнь-сон» — желанный вариант для всех, чей груз бед, трудов и забот неподъемен. Когда «земля похорон и потерь» (А. Тарковский) становится неудобной, тогда человек выбирает «жизнь-сон». Это не

¹ Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Олимп, 1997. С. 36–37.

приближение к смерти, наоборот — это приближение к простейшим формам бытия, возврат к детству, стремление вернуться в мир, где не было проблем, боли, тревоги, а был и покой, и блаженство.

Это стремление в свое прошлое. «Золотой век» находится в далеком прошлом, и мы хотим видеть золотые сны: «Мир безумцу, который навевает человечеству сон золотой!» (Беранже).

Но человек не в силах сам вырваться из «внешней жизни», ибо он одержим страстями, ему надо есть и пить, общаться с людьми, у него возникает стремление что-то сделать своими руками: починить утюг, вышить платок, приготовить обед и т. д. Да и «внешняя жизнь» не выпускает его из своих объятий. Поэтому человек изобретает (а другие люди предлагают ему и навязывают) различные способы ухода во «внутреннюю жизнь», пассивную «жизнь-сон», «жизнь — грезы наяву».

Человечество за всю историю своего существования придумало немало средств, чтобы индивид почувствовал состояние нирваны, ушел в сон, в лучшую жизнь. Во-первых, набор эзотерических школ, сект, ти-групп, школ восточных единоборств, «учителей жизни» (от К. Кастанеды до Р. Хаббарда) предлагает индивиду массу «психологических техник», которые обеспечивают изменение сознания. Во-вторых, существуют и более грубые средства, а именно — алкоголь и наркотики.

У всех народов и во все времена они считались основным способом погружения в «жизнь внутреннюю», дабы уйти от тревожностей жизни внешней. Но туда ли попадает человек с помощью этих средств, куда хочет попасть? И что такое желанное состояние — сон?

Я вынужден посвятить несколько страниц психологии и физиологии сна, хотя это изложение и будет противоречить стилю и духу книги.

Бодрствование и сон — два основных состояния психики, хотя специалисты выделяют еще два особых состояния: гипнотическое состояние и состояние «суженного сознания» — сомнамбулизм. Сон обнаружен у животных, начиная с низших позвоночных, кончая высшими: приматами и человеком. Давно замечено, что сон делится на две основные фазы: фазу «быстрого» сна и фазу «медленного» сна. Эти фазы чередуются периодически: фаза «медленного» сна в течение ночи сменяется фазой «быстрого» сна, и т. д. «Быстрый» сон называют также парадоксальным, сном со сновидениями, ромбэнцефалическим сном.

Почему такие названия закрепились за этими фазами? Дело в том, что во время «медленного» сна в энцефалограмме человека преобладают так называемые медленные, низкочастотные ритмы, выделяемые

при анализе ЭЭГ (в частности — дельта-ритм). Наоборот, в фазе «быстрого» сна выражены высокочастотные составляющие энцефалограммы, а спектр энцефалограммы в состоянии «быстрого» сна сходен со спектром в состоянии активного бодрствования. В фазу «быстрого» сна наблюдаются движения глаз, конечностей. Если человека разбудить в фазу «быстрого» сна, то выясняется, что он видел сон. Человек может легко восстановить содержание сновидений. Если же он будет разбужен в фазу «медленного» сна, то вероятнее всего не сможет вспомнить, что ему снилось и снилось ли вообще что-нибудь.

Любопытно, что во время «медленного» сна у человека сохраняется нормальная регуляция расхода энергии, хотя и на более низком уровне, чем при бодрствовании. А во время «быстрого» сна гомеостатические механизмы как бы отдыхают: нарушается регуляция температурного баланса и т. д.

Наблюдается пойкилотермное состояние, характерное для низших позвоночных. В ходе эволюции фаза «медленного» сна животных увеличивается, а фаза «быстрого» сна сокращается. Исходя из этого многие исследователи приходят к выводу, что эволюция сна направлена от «быстрого» к «медленному» по мере развития и усложнения головного мозга, в первую очередь — его больших полушарий. У человека среди всех высших животных наиболее выражен «медленный» сон и особенно самая глубокая его составляющая — так называемый дельта-сон. Чем более интенсивным умственным и физическим нагрузкам подвергается человек при бодрствовании, тем более продолжительным является глубокий дельта-сон. Существует гипотеза, что в фазу «медленного» сна организм накапливает энергию (происходит увеличение синтеза АТФ — основного источника энергии клеток), а в фазу «быстрого» сна восстанавливается активность мозга (увеличивается синтез белков и РНК — ответственной за процессы памяти).

Эта гипотеза основана на результатах множества биохимических исследований. В фазу «быстрого» сна подавляется активность норадренергических нейронов, а именно они принимают важнейшее участие в процессах восприятия, памяти, внимания и мышления. Они как бы отдыхают и восстанавливают свои возможности. Недостаток «быстрого» сна пагубно влияет на общее состояние: если человека будить в тот момент, когда у него начинается «быстрый» сон (это легко определить по изменению ЭЭГ), то утром он просыпается совершенно разбитым. Но если его будить в фазу «медленного» сна, никаких существенных изменений его состояния по сравнению с обычным не произойдет.

И, самое главное, обнаружено: если человек активно решает возникшие проблемы, осуществляет поисковое поведение, устраняет возникшие трудности и препятствия, то относительная продолжительность фазы «быстрого» сна сокращается. Если же индивид отказывается от активных действий, то длительность фазы «быстрого» сна увеличивается. Поскольку во время этой фазы происходят сновидения, очевидна связь между неудовлетворенностью потребностей и ролью «быстрого» сна как адаптивного процесса. «Быстрый» сон выполняет важную компенсирующую роль.

Человек в трудной, неразрешимой ситуации предпочитает «уснуть и видеть сны», т. е. выбирает «быстрый» сон, который, по мнению многих исследователей, является «первичным, примитивным бодрствованием». Любая умственная нагрузка увеличивает фазу «медленного» сна.

Какую часть занимает сон в жизни человека? С возрастом человек меньше нуждается в продолжительном сне: доля людей с малой продолжительностью сна (менее 6 часов) возрастает с 12% (18–25 лет) до 61% (46–60 лет). Число же долго спящих людей незначительно меняется с возрастом.

Человек, для которого сон — единственно естественное и желанное состояние, рассматривает обычное время как промежуток между двумя периодами сна. Он склонен грезить наяву и «отлетать» в определенные моменты от реальности, погружаясь в мир своих фантазий, которые не всегда красочны и зачастую однообразны, но всегда — желанны.

Уход в мир иллюзий (сегодня сказали бы — в виртуальный мир) — не так уж редко встречающийся вариант бытия. Термин «жизнь как сон», предложенный мной, следовало бы заменить более точным: «жизнь как грезы» или «жизнь как видение». Сон можно расценивать как обычное измененное состояние сознания, но склонность к переживанию состояний измененного сознания выходит за пределы желания «впасть в сон». Подростки-наркоманы характеризуют эти стремления как желание «улететь», а эффект — как «улет».

Действительно, суть в том, что «улететь» — значит оторваться от реальности и погрузиться в жизнь иную, запредельную, не связанную с ощущением себя, существующего здесь и теперь.

Итак, человек страдающий, беспомощный в решении жизненных проблем или потерпевший неудачу при их решении, стремится вырваться из этой реальности путем изменения состояния сознания и выбирает вариант «жизнь-грезы». Для «окончательного решения» это-

го вопроса он прибегает к внешним средствам. Самым доступным является алкоголь.

Но алкоголь не усиливает активность сновидений, которые, как уже обсуждалось выше, компенсируют реальность. Любые дозы алкоголя приводят к углублению дельта-сна (в фазе «медленного» сна) и подавлению фазы «быстрого» сна. Резко снижаются активационные показатели (спонтанные движения, спонтанные пробуждения). Физиологи склонны полагать, что алкоголь подавляет деятельность восходящих активирующих систем мозга и усиливает деятельность синхронизирующих систем. Они же отмечают, что в принципе любые нагрузки сказываются только на фазе «медленного» сна, за исключением эмоционального стресса, который подавляет дельта-сон.

«Снятие стресса» (бытовое выражение) приемом большей или меньшей дозы алкоголя — вполне разумное и эффективное действие. Но это же означает, что человеку, стремящемуся «жить, как во сне», алкоголь явно не подходит, ибо действие его прямо противоположно желаемому: просыпаясь, человек опять остается со своими проблемами.

Одно дело — как действует алкоголь на психическое состояние, другое дело — каким психическим состоянием характеризуются люди, склонные к принятию алкоголя и, более того, — к алкогольной зависимости. Оказывается, крысы, которые склонны к алкоголю, отличаются от мало употребляющих алкоголь низкой активностью поведения в стрессовой ситуации и большей продолжительностью фазы «быстрого» сна. Они предпочитают «видеть сны» (если крысы видят сны!), а не действовать.

Исследования поведения людей также показали, что устойчивость к алкоголю связана с меньшей длительностью «быстрого» сна и относительно большей долей «медленного» сна. Таким образом, склонные к употреблению спиртного люди чаще видят сны, которые играют роль психологической защиты, ослабляют внутренний психологический конфликт и восстанавливают новый поиск выхода из создавшейся ситуации. Во сне у людей происходит перестройка прошлого опыта, мозг «забывает то, что он знал» и реорганизует прошлый опыт.

Люди, склонные к приему спиртного, чаще всего отличаются робостью, замкнутостью, эмоциональной чувствительностью, обостренным восприятием окружающего. Они очень легко ранимы. Большинство из них тяжело переносят двусмысленные ситуации, потери и разочарования. Таков портрет потенциального пьяницы, по данным большинства психологических исследований.

Исследования подростков, склонных к потреблению алкоголя и наркотиков, дали аналогичную картину. Факторами риска оказались: низкая устойчивость к эмоциональным нагрузкам, высокая тревожность, импульсивность, склонность к рискованному поведению, недостаточная социальная адаптивность, невротичность, подверженность внушению и групповому влиянию, отрицательное отношение к обучению, социальная пассивность, узкий круг и неустойчивость интересов, отсутствие увлечений, неопределенность профессионального выбора, несформированность установки на трудовую деятельность, утрата «перспективы жизни», уход от ответственных решений, дефицит мотивации достижений и отсутствие видения путей развития своей личности¹.

Кроме того, важнейшим фактором риска является раннее начало самостоятельной жизни (12–13 лет) и преждевременное освобождение от опеки и контроля родителей.

Ранимая личность, попадая в жесткий социальный мир, стремится из него в «мир внутренний» — грез и сновидений. Но ни алкоголь, ни барбитураты (сильнодействующие снотворные) не позволяют уйти в «жизнь-грезу»: сны исчезают, остается лишь глубокое забытие, а после него — нарастающий психологический и физический распад.

Лишь один психоделик усиливает психическую активность и удлиняет фазу «быстрого» сна — всем известная «кислота» — ЛСД (действие аналогично внушению, длительной изоляции в комнате-одиночке и сенсорной депривации). Но следствия приема ЛСД столь же трагичны для личности.

Эта книга — не пособие по профилактике алкоголизма и наркомании. Я рассматриваю и то и другое как попытку человека бежать из реальной «внешней жизни» в мир своего измененного сознания.

Такие люди хотят жить, их поведение нельзя расценивать как «отсроченный суицид», «парасуицид». Только для внешнего наблюдателя их жизнь — медленное самоубийство. Для них желанна жизнь-гомеостаз, в которой нет эмоциональных травм и напряжений, а мир кажется простым, дружелюбным и понятным.

Психологи, изучавшие изменение смысловых образований индивида после приема алкоголя, обнаружили, что у так называемых «когнитивно простых» личностей (с коэффициентом интеллекта ниже сред-

¹ Пути и методы предупреждения подростковой и юношеской наркомании. Самара: Изд-во Самарского университета, 1999.

него) субъективный мир становится более разнообразным, красочным, динамичным.

Наоборот, субъективная реальность у «когнитивно сложных» после выпивки упрощалась: мир выглядел более простым и понятным. Таким образом, на первых порах каждый получает свое — приемлемую субъективную картину реальности.

Активизируя центр удовольствия в головном мозге, вызывая «кайф», наркотики и алкоголь ведут человека в бездну¹.

Есть гораздо более мощные средства превратить жизнь в грезу, в мир воображения — это информация. Список этих внешних средств преобразования жизни огромен: книги (художественная литература, а точнее — *fiction*), телевидение, кино и видеофильмы, музыка (в записях на кассетах или CD), компьютерная «виртуальная реальность» (в первую очередь — «мировая паутина»).

Легче понять, зачем пишутся книги, чем осознать, зачем они читаются. Текст есть материал для создания читающим собственной субъективной реальности: динамичной системы образов, эмоций, мыслей, возникающих в ходе понимания текста и исчезающих после прочтения.

Любое чтение — создание некоего искусственного мира, любая книга — зашифрованный субъективный мир, созданный писателем. Но только чтение взахлеб, «запойное» чтение является вариантом ухода в мир грез. Когда чтение предпочитается всем другим занятиям, индивид зачастую равнодушен к содержанию, кроме одной составляющей — лишь бы книга могла возбудить его воображение и помочь ему уйти в мир грез. Речь идет не о чтении эстета, знатока литературы или человека, ищущего полезную информацию («книга — учебник жизни»). Я говорю о чтении как способе ухода от действительности во внутреннюю жизнь, жизнь собственных фантазий. Фантастика и фэнтези, исторические и «любовные» романы, детективы и даже мемуары (в них не больше правды, чем в детских сказках), до нашей эры — мифы, после наступления средневековья — легенды и сказания — все разжигает воображение, как дрова — пламя костра.

Чем менее книга художественна, чем менее в ней выражен прием, оригинальный стиль автора, тем более подходит она для создания мира

¹ Все наркотики увеличивают выброс нейромедиатора дофамина, хотя механизм действия каждого наркотика специфичен: кокаин выводит из строя систему, откачивающую дофамин из синапсов, героин парализует клетки, тормозящие выброс дофамина, и т. д.

собственных грез, ибо, как рисунок в проективном тесте, упрощенный текст облегчает движение собственной фантазии, побуждает читательские «вариации на тему». XVIII, XIX и начало XX в. — это были века больших поэм и больших романов, многочасовых оперных постановок и бесконечных пьес. Книга была единственным внешним информационным средством для стимуляции фантазии. «Книжные» юноши и «книжные» девушки бродили по аллеям дворянских парков, сидели на верандах купеческих дач и пребывали в мире собственных грез.

Погружение в упрощенный и желаемый мир художественной литературы — «подростковая болезнь», средство ухода от проблем сложной и непонятной жизни других людей. Но выбор может стать выбором на всю жизнь, и «внешняя жизнь» с многочисленными проблемами, задачами, обязанностями отойдет на второй план.

Для такого «массового» читателя и пишет «массовый» писатель. В конце концов, в растиражированных шаблонах для создания субъективных образов и переживаний нет ничего плохого. По крайней мере, их действие не столь разрушительно для психики, как действие алкоголя и наркотиков (не говоря о физиологическом воздействии последних).

Чтение предполагает определенный уровень культуры и определенный уровень психической (эмоциональной и интеллектуальной) активности. И главное — эта деятельность сознательна!

Дабы избавить человека от любых душевных усилий по созданию «фикций», ему представляют возможность кино, телевидение. Картинки, сменяющие друг друга на экране с частотой 24 кадра в секунду, полностью определяют мгновенное содержание нашего сознания. Активность личности по созданию искусственного «внутреннего» мира минимальна, и более того — она не нужна: единственное, что может сделать человек, сидящий перед телеэкраном, — выбрать программу нажатием кнопки. Но зрители и почитатели сериалов — «мыльных опер» не хотят использовать пульт до окончания очередной серии. Трудно оценить психическое состояние телезрителя, сидящего часами перед экраном, и степень приближенности этого состояния ко сну. Однако выбор в пользу «жизни-грезы» очевиден.

Уход в иную реальность легче всего осуществить с помощью наиболее совершенного средства — компьютера. Здесь возможности, в принципе, не ограничены. Все исследования, проведенные до сегодняшнего дня американскими психологами, свидетельствуют: зависимые от Интернета подростки и взрослые отличаются повышенной тревожностью, депрессивным фоном настроения, аутичностью; у них часто воз-

никают проблемы при взаимодействии с близкими, коллегами по учебе и работе. Причем со временем «погружения» в Интернет усугубляют зависимость от искусственной информационной среды, растет тревожность и аутизм.

Разумеется, речь идет не обо всех пользователях персональным компьютером и посетителях «всемирной сети», а о людях, выбравших в качестве варианта «жизнь — блуждание по виртуальной реальности».

Конечно, при работе на компьютере сознание остается активным. Человек не впадает в «сон наяву»: периодически приходится совершать рациональный выбор, подключаясь к тому или иному ресурсу, нажимая на кнопки мыши или на клавиатуру; печатать тексты ответов и т. д.

«Слабые» информационные средства не могут увести человека от внешней реальности окончательно и бесповоротно в мир снов.

Основной потребитель «информационной пищи» — слушатель музыки. Всемирная рок-культура преобразила информационное пространство и жизнь миллионов людей. Плеер и CD, кассета и музыкальный центр, переносная магнитола и электронный синтезатор модифицировали мир звуков. Человек с наушниками погружен в иную реальность. В 1960–1970-е гг. многочасовые «балдения» у магнитофона стали обычным времяпрепровождением. Оно сопровождалось выпивкой, наркотиками, сексом — и «трансформацией» сознания.

Прослушивание музыкальных записей — максимально пассивная форма существования в информационном «виртуальном» мире: тело расслаблено или, наоборот, содрогается в ритме танца, неподвластное сознанию, глаза закрыты, а если и открыты, то ничего не видят, ибо незачем и не на что смотреть. Слуховое пространство плотно заполнено. Остается погрузиться в грезы. Неслучайно в мире современной музыки так тесно переплелись потребление наркотиков, творчество с распадом личности и уходом ее в «иные миры», а точнее — за пределы земной, грешной жизни.

Уход молодых людей в грезы, в сновидения наяву является вызовом — болезненным ответом тем взрослым «хозяевам жизни», для которых жизнь — цеledостижение или ритуал.

Кто услышит крик тонущих, которые сами нырнули в глубину, и стоны горящих в костре, которые сами разложили костер и чиркнули спичкой?

Что-то неладно в этом мире, существующем под властью «людей действия» и «людей ритуала», если множество личностей, отличающихся от них, стремятся уйти в «виртуальную жизнь». В античной трагедии герой гибнет по воле богов, рока, судьбы, но не по своей воле. Бессмысленно бороться со средствами и следствиями. Человек всегда найдет средство уйти во внутренний мир из внешнего, если внешний мир, созданный другими, страшен.

Подростковый возраст — время, когда вариант ухода наиболее вероятен и реален. «Жизнь — подготовка к жизни» заканчивается. Как далекие раскаты грома, как зарница, перед глазами возникают первые картины «подлинной жизни» — жизни взрослых. Вступающий в мир человеческих отношений напоминает новичка-водителя, еще не получившего права, который тайком от инструктора выехал на оживленную столичную магистраль. Здесь нужно строго соблюдать дистанцию, а водители ездят не по правилам, а «по понятиям», и почти каждый готов совершить нарушение, если это покажется выгодным. В лучшем случае дело ограничится задержанием, а в худшем — аварией, если не катастрофой.

Боль от первых ударов и страх перед надвигающейся жизнью выталкивают подростка в «мир иной», где стоит затянуться «травкой», и жизнь становится прекрасной. Почти все выпивают, но не для всех выпивка становится образом жизни. Многие пробуют «травку», но не все становятся наркоманами. (Я не говорю здесь о приеме «тяжелых» наркотиков — героина и т. п.)

По мнению одного из наиболее авторитетных исследователей лиц, злоупотребляющих алкоголем, К. Г. Суркова, важнейшей особенностью алкогольного способа удовлетворения потребностей является подмена объективных результатов реальных действий субъективными переживаниями, приблизительно схожими с теми, которые испытывает здоровый человек в ходе своей предметной деятельности.

Подростковое поведение — поведение в группе и совместно с группой, поскольку алкоголь или наркотики призваны облегчить решение проблем общения и взаимодействия.

И только взрослый продолжает путь в «иную жизнь» в одиночку.

Точка выбора на границе «жизни-подготовки» и «подлинной жизни» является критической.

Какие же опоры, средства помощи предлагает взрослый мир подростку?

Каждая культура имеет и рекомендует свои собственные рецепты. США — страна, где свобода и автономия, способность решать

проблемы и стремление к достижению целей являются базовыми ценностями. Профилактические программы «моментального действия» и долгосрочные программы ориентированы на «жизнь-целедостижение».

Психологи Йельского университета полагают, что успешная социальная адаптация снижает подверженность влиянию. Задача состоит в том, чтобы научить подростков самостоятельно справляться с проблемами, возникающими при общении, помочь осознать положительные черты личности, сформировать цель по достижению здорового образа жизни, умения саморегуляции и самоконтроля, а также способности к критическому мышлению.

По оценкам американских (и российских) психологов, мощнейшим фактором, противодействующим «уходу», является религиозность.

Наиболее эффективной из общественных программ США является «Life Skills International» (LSI). Она сводится к обучению подростков и молодежи здоровому образу жизни и навыкам сопротивления социальному давлению.

Основными задачами программы являются: 1) развитие социальной и личностной компетенции детей; 2) выработка навыков самозащиты и предупреждения проблем. Специалисты, работающие в LSI, обучают навыкам эффективного общения, критического мышления, принятия решения, выработке адекватной самооценки, умению постоять за себя, избегать ситуаций с неоправданным риском, вести здоровый образ жизни, а также приемам эмоциональной саморегуляции, разрешения конфликтов и сопротивления групповому давлению.

В Германии особое значение уделяют проблеме социального научения и принадлежности к группе. Наряду с такими защитными механизмами, как чувство юмора, внутренний самоконтроль и целеустремленность, немецкие психологи особо выделяют привязанность к законам и нормам общества, школы, общины, семейным стандартам, исключающим употребление наркотиков. Интеграция подростка с семьей и обществом, важность взаимоотношений хотя бы с одним «позитивным» взрослым (помимо родителя), обязательства перед социальной группой являются, по их мнению, решающими факторами, снижающими риск злоупотребления алкоголем и наркотиками.

Тем самым помимо формирования у подростка готовности вести «жизнь-целедостижение» (что характерно как для Западной Европы, так и для США), немецкие психологи вводят дополнение, а именно — готовность к выбору «жизни — социального ритуала» (об этом варианте мы еще поговорим).

Спектр вариантов «ухода» огромен: от алкоголизма до интернет-зависимости. Вопрос вопросов: возможно, причина «ухода» не только в индивидуально-психологических особенностях людей и социальной ситуации, но и в том, что «модальные» социально-одобряемые варианты жизни требуют от многих людей невозможного. Они не соответствуют их мотивации, темпераменту и способностям. А так называемое общество требует от человека, не способного стать автономным: «Будь самостоятельным!» Эмоционально ранимому и тревожному диктуют: «Контролируй себя!» Человек не видит смысла в карьере и достижении профессиональных высот, но давление общества таково, что он не в состоянии его преодолеть. Остается лишь одно: отойти на обочину дороги, стать аутсайдером.

Навыки автономного поведения, наличие внутренней активности и творческих способностей могут преобразовать человека, ушедшего в мир грез. С творческим человеком его сближает предпочтение «жизни внутренней» по отношению к «жизни внешней».

В среде творческих людей «человек грезящий», подражая их поведению (а творчество обладает силой индукции), имеет возможность стать творческим человеком. И в этом его шанс. Другой шанс — выбрать «жизнь-служение».

«Жизнь по правилам»

Есть люди, которые все делают правильно. Значит, на свете есть «правильная жизнь», т. е. жизнь по правилам, которые кем-то когда-то для кого-то изобретены.

«Не учите меня жить!» — кто из нас не говорил этих слов более опытным и старшим. Нас наставляли, желали самого лучшего и зачастую — напрасно. Мир запретов и предписаний, табу и приказов создан людьми, сочиняющими правила для людей, правила выполняющих. Одни без других просто не могут существовать.

Однако правило — не произведение искусства или научное открытие. Оно анонимно и общепризнано, безлично и универсально. Нельзя сказать: «Я придумал это правило для тебя». Правило всегда одно, ни от кого и для всех.

Жизнь, подчиненная правилу, регламенту, ритуалу, внешнему сценарию, чрезвычайно удобна: не нужно строить планы и думать о своих перспективах или сомневаться. Человек избавлен от бремени выбора: в каждой ситуации он знает, как поступать, а если не знает, то ему подскажут знающие и авторитетные люди. Жизнь разделяется на «регламентированную» и «нерегламентированную» составляющие, причем последняя занимает все меньшую и меньшую долю. Существование человека максимально упрощается, поскольку требуется немного, а именно — знать о существовании правил, заучить правила и безукоризненно их исполнять.

Природа существует по своим законам, которые нельзя придумать, а можно только открыть и описать. Правила сочиняются по произволу людскому, и управляют они только поведением людей. Исключение — поведение домашних животных. Правила всегда вступают в противоречия с природными законами. Но тогда, согласно римской поговорке, действительно рухнет весь мир или хотя бы его существенная часть.

Чтобы жить по правилам, нужно стать членом группы людей, для которых эти правила написаны. Во-первых, новорожденный, помимо своих желаний, является членом семьи, будущим гражданином

государства, одним из представителей человеческого сообщества в целом. Во-вторых, повзрослевший человек может стать членом группы, вступить в политическую партию, пойти на работу в корпорацию, стать мафиози или же военнослужащим. Он будет подчиняться правилам той группы, членом которой себя считает сам, и считают окружающие люди.

Правил много, но упорядочивают жизнь лишь некоторые из них, а именно — ритуалы, обряды, традиции поведения, а особенно — культуральные модели жизненного пути. Эти правила не писаны, но известны всем. Незнание ритуала не освобождает ни от участия в нем, ни от наказания за уклонение.

Итак, для начала о ритуалах и сценариях надо знать и надо научиться их выполнять.

Существуют два типа сценариев. Первый предназначен для регулирования поведения людей в типичной ситуации. Речь идет о «ситуации — событии», в которой совершается что-то важное для людей, включенных в нее. Свадьба или похороны, день рождения и поминки, празднование Нового года и производственное совещание, научная конференция и парламентское слушание — все эти ситуации разыгрываются по вполне определенным сценариям. Те из них, которые закреплены в традиционной культуре народа, называются обрядами.

Система обрядов характерна для так называемых традиционных обществ, в которых система отношений и статус в ней личности людей регулировалась сословной принадлежностью от рождения, а внуки повторяли жизненный путь дедов. Обряды регулярно повторялись, и обязательная повторяемость, воспроизводимость обряда подчеркивала стабильность и неизменность судьбы человека.

Обряды сопровождали человека всю жизнь: запреты регулировали поведение беременных женщин; рождение с помощью бабки-повитухи сопровождалось рядом рациональных и магических актов. Первое купание младенца, пеленание, кормление — все сопровождается обрядовыми действиями.

Обряд и ритуал организует «жизнь внешнюю» и совершенно не касается «жизни внутренней». Для ритуала «жизнь внутренняя» просто не существует, в худшем случае ее наличие мешает ровному и гладкому течению дел.

Вы можете испытывать горе из-за смерти вашего коллеги, едва сдерживая слезы или рыдания (как получится) на похоронах, можете быть равнодушным или испытывать явное или тайное злорадство — в ко-

нечном счете нужно вести себя как подобает: нести венок, со скорбным лицом стоять у края могилы, поднимать стаканы с водкой или бокалы с вином на поминках и утешать родственников. То, что считается социальным лицемерием, не имеет никакого отношения к личностным качествам участников церемонии. Она должна происходить так, как положено. За соблюдением правил следят авторитетные и компетентные лица и органы.

Ритуалом является любой общественный праздник: от дневных хождений по улицам до вечерних попок. «Масленица праздновалась раз в неделю до великого христианского поста... На масленицу незамужние девушки и неженатые парни собирались на гуляние, к ним нередко примыкали молодожены, несли по дороге чучело из соломы, исполняли шуточные пародийные причитания. В эти дни катались на санках, ходили в гости к родственникам, пели масленичные песни», — так описывается масленица в книге «Жизненный путь личности», изданной в 1987 г. киевским издательством «Наукова думка» еще под надзором партийной цензуры.

Ныне обрядовые действия совершаются на Масленицу, на Пасху, в День города, в день инаугурации и т. д., и т. п. Их можно наблюдать непосредственно или по телевидению, равным образом, как до 1991 г. наблюдали ноябрьские демонстрации, похороны членов Политбюро ЦК КПСС или комсомольские съезды.

В ритуале форма создает содержание, жизнь превращается в имитацию жизни. Художественная галерея становится музеем, таким же музеем, как и оперный театр, где в сотый или в тысячный раз дается один и тот же балет середины XIX в. для зрителей начала XXI в.

Общество держится на этике, законах или на произволе (в том числе — указах), армия — на уставах, семья — на семейных традициях. Благополучные семьи, по мнению социальных психологов, — это те, где существуют семейные традиции и совместно отмечаются праздники. Но любой обряд, ритуал, традиция стремится поглотить и преобразовать в себя живую ткань бытия. Как вместо растений и животных мы находим при раскопках их окаменелости, так по истечении какого-то времени на месте человеческой деятельности и творчества возникают обряды и ритуалы.

Ритуал и обряд — это слепок когда-то живого человеческого взаимодействия.

Основа любого правила и ритуала — традиция и прошлое. То или иное правило должно соблюдаться лишь потому, что оно соблюдалось

раньше, а в перспективе прошлого — всегда и якобы всеми. Другого обоснования у ритуала нет. В отличие от закона, который был разработан группой законотворцев и принят коллективом законодателей, у ритуала и обряда нет автора, но каждый — их адресат.

Помимо ситуационных ритуалов существуют и долговременные ритуалы — традиционные сценарии жизни, которые написаны за нас, до нас, но для нас. В отличие от событийных ритуалов они охватывают порядок и особенности событий во времени: от года до десятилетий и жизни в целом.

Их содержание выражено народными поговорками: «Береги честь смолоду, а здоровье под старость», «Гулять смолоду — помирать под старость с голоду», «Жизнь прожить — не поле перейти».

Рождение, младенчество, ясли, детский сад, школа, прием в октябрята, в пионеры, вступление в комсомол, окончание школы, поступление на учебу в вуз, в техникум, ПТУ, служба в рядах Вооруженных сил СССР (для здоровых молодых людей, кто не сумел «закосить»), работа, женитьба или замужество, рождение детей, получение квартиры, вступление в члены КПСС (для тех, кто хотел и кого хотели), свадьбы детей, карьера, пенсия, похороны — таков нехитрый сценарий жизни человека — гражданина СССР 60–80-х гг. XX в. Сценарий мог разнообразиться импровизациями и случайностями, болезнями, разводами, поездками за границу, конфликтами на производстве и выигрывшами в «Спортлото», но это лишь детали. Это время не было исключительным: «В ранний период средневековой Руси многие люди, потерявшие экономическую свободу, связывали свое будущее, цель жизни с выходом “на волю”. Другие, смирившись со своей холопской судьбой, надеялись сделать карьеру при барском дворе без выхода “на волю”. Немало людей мечтало о жизненной карьере через удачную, выгодную женитьбу, брак по расчету. Были и другие возможности изменить традиционный жизненный путь (например, уход в монастырь). На человека обрушивались непредвиденные несчастья: пожар, болезнь, неурожай, набег, война. Они тоже могли резко изменить судьбу личности.

Однако эти исключительные варианты только подтверждают стабильность, устойчивость, повторяемость жизненного пути для подавляющего большинства членов сословия, класса. В силу традиционности социальные статусы, которые предстояло освоить, были ясны для каждой личности и воспринимались ею как само собой разумеющееся явление. В условиях патриархальных, сословных отношений такое течение

жизни казалось совершенно естественным. Как отмечает К. Маркс, “в этом отношении король нисколько не отличается от лошади: как лошадь рождается лошадию, так и король рождается королем”. Изменения в жизни человека в основном были связаны с изменениями социально-бытовых ролей. Он либо приобретал новые социальные роли к тем, что у него были, либо менял старые на новые, либо терял их»¹.

Жизнь по правилам, по заранее написанному сценарию возможна при отсутствии внешних процессов, разрушающих традицию и традиционную жизнь: катастрофы, войны внешние и гражданские, революции, социальные реформы меняют закрепленные в культуре сценарии жизни. Кроме того, сам человек, живущий по сценарию, не должен прибегать к попыткам этот сценарий изменить и сделать выбор. Никакой ответственности за изменение своей судьбы человек, живущий по правилам, не несет.

Жизнь по плану проходит как череда возрастов, вхождений в социальные роли и получения социальных статусов, освоения этих ролей, «выхода» из них.

В нетрадиционном, либеральном обществе личностный выбор является основой существования человека. Но все ли к нему способны и все ли желают нести бремя личностного выбора и ответственность за него? Традиционный сценарий жизни может быть навязан — человеку просто некуда деться. В случае отказа выполнять правила он будет выброшен за пределы сообщества и, как следствие, обречен.

Другой вариант, когда человек сам выбирает для себя «жизнь по сценарию», «правильную жизнь». Он совершает лишь один тяжелый выбор в течение жизни и тем самым избавляется от необходимости принимать жизненно важные, «событийные» решения. Этот момент «бифуркации» может случиться в любой период жизни, но чаще всего он происходит в юности, в момент, когда человек закончил «жизнь — подготовку к жизни» и начал «подлинную жизнь».

Выбор варианта «подлинной жизни» сегодня связан с профессиональным самоопределением. Выбирая сферу своей будущей профессиональной деятельности, молодой человек выбирает не профессию и не работу, а будущий образ жизни (неправильно переведенный *modus vivendi*).

Какие психологические преимущества получает человек, вступив на путь «жизни по правилам»? Об освобождении от бремени принятия решений и ответственности за выбор я уже написал. Точное со-

¹ Жизненный путь личности. Киев: Наукова думка, 1987. С. 171.

блюдение инструкции избавляет от необходимости думать. В конце концов, 80 или 99% всех наших личных проблем уже встречались в жизненном опыте других людей и могут быть решены стандартными средствами.

Так же наша судьба: в этом мире жили миллиарды людей. Они учились, играли, работали, влюблялись и воевали, рожали детей и убивали, снимали фильмы и брали взятки — их жизненный опыт воплотился в ситуативных правилах социального поведения и в правилах жизни. Другое дело, что молодой человек общается с ограниченным кругом взрослых людей, и, как правило, эта выборка очень однородна по социальной принадлежности и личному опыту.

Поэтому и выбор у него (нее) весьма небогат. Дело не в спектре интересов и личностных предпочтений, а в разнообразии возможностей. Поэтому легче всего — сдаться и принять самый традиционный вариант за благо. Принятие «жизни по правилам» сулит одобрение окружающих, понимание (и помощь, что немаловажно!) родителей и гарантирует небольшой, но успех. Точнее, успех в этом случае является функцией времени жизни. Вместо ежедневного жизненного риска и «выходов в открытое окно» — существование обывателя. Но кто сказал, что жизнь обывателя — это плохо?

Поклонники сиюминутного успеха, представители богемы и революционеры навязывают обывателю (а к числу обывателей принадлежит большая часть человечества) негативное мнение о самом себе. Выбравший «жизнь по правилам» избавил себя от тревог за будущее как результат своих поступков и вообще от чувства неопределенности. Все его заботы и тревоги связаны с внешними событиями, которые могут вторгнуться в его жизнь и жизнь его близких. Ему меньше всего нужны социальные и житейские перемены и изменения места работы, переезды в другие города и эмиграция в другие страны. Он не сторонник смены политических режимов и законов, если эта смена не связана с «органическим» изменением традиций и движением времени. Правила надо менять, но так, как ремонтируют старые здания или квартиры, как модернизируют производство, выпуская вместо старой модели новую лучшую модель автомобиля (но никак не «универсальный аэрогидромобиль»).

Отсутствие обусловленных внутренними причинами тревог и страхов — не такой уж малый выигрыш. Культ безопасности создан людьми, живущими по правилам. Железные двери и сейфовые замки не защищают на самом деле их жилье, но создают иллюзию защищеннос-

ти. Страховые полисы не предохраняют от болезней, травм и пожаров, но их наличие компенсирует страх перед внезапными бедами. Потери и беды также являются событиями ритуальной жизни: дети болеют, а родители умирают, машины попадают в аварии, а воры крадут кошельки, но все эти события не выходят за пределы событий жизни среднего «нормального» человека.

Возможно, женщины, ввиду их консерватизма, более склонны к «жизни-ритуалу», нежели мужчины с их авантюристкой и жадной перемен. Устоявшийся уклад жизни находится «в согласии с природой и людьми», с циклами изменения мира. Традиция опирается на прошлое, переносит прошлое в настоящее и формирует будущее. В будущем не может быть ничего, чего не было бы в прошлом, а все новое, скорее всего, — подозрительное и плохое. Человек становится средством переноса опыта прошлого через настоящее — в будущее и теряет свою индивидуальность и уникальность. Однако многие готовы потерять непохожесть на других «своего Я» ради единства с массой и сопричастности массовой жизни людей. С любовью описываемый Львом Толстым муравейник — модель их жизни. Человек, «живущий по правилам», — функционален: он должен быть хорошим работником, мужем и отцом, законопослушным гражданином или преданным членом мафии — и он будет им. Почему-то в американской психологии выбор «жизни по правилам» рассматривается как конформизм и подверженность влиянию группы. Порой для того чтобы продолжать вести правильную жизнь, требуются немалые усилия, поскольку много желающих совратить индивида с выбранного им пути на дорогу перемен, да и обстоятельства могут меняться. Однако к теме конформизма мы еще вернемся.

Ощущение душевного комфорта и сознание не зря прожитой жизни — лучший подарок под старость. Если существуют правила, то всегда есть те, кто правила нарушает. Сочиняющие правила и требующие соблюдения правил от других сами не склонны им следовать.

Если все вокруг стремятся правила нарушать, то человек, соблюдающий правила, оказывается в самой тяжелой ситуации — в положении вечного «козла отпущения». И тогда уверенность в будущем заменяется постоянной тревогой за свою судьбу и судьбу тех, кто тебе доверился.

Погруженность во «внешнюю жизнь» — необходимое условие существования в соответствии с ритуалом, ведь он регламентирует человеческие действия и общение, но не переживания, мысли, чувства, эмоции. Можно упорядочить выражение эмоций и потребовать, что-

бы на свадьбе веселились, а на похоронах горевали, но нельзя заставить испытывать горе или радость. Только в сказках и плохих кинофильмах король или князь может повелеть: «А теперь гуляют все!», «Веселись, народ новгородский!» и т. д. Я не рассматриваю здесь механизмы и процессы массового подражания и эмоционального заражения в толпе.

Человек, выбравший «жизнь по правилам», должен и мыслить, и чувствовать по правилам, т. е. лишается автономии и оригинальности собственной душевной жизни. Он переживает только «традиционные» мысли и испытывает лишь «традиционные» чувства, точнее — «правильные».

Происходит роботизация человека, он превращается в исполнителя предписания и инструкций. Многим известна поговорка советских времен: «Талантливых уважают, исполнительных любят». Но компенсирует ли любовь начальства отсутствие внешней и внутренней свободы? Покупка надежности существования за скуку — не каждому по душе такая сделка.

Неисчислимы психологические проблемы людей, «живущих по правилам». Постоянный пресс контроля за своим поведением, мыслями и чувствами может в душе каждого раздавить творческое начало. Все множество психологических защит, описанных Анной Фрейд, проявляется у обывателя. Подсознательные влечения вытесняются, сублимируются, отрицаются и т. д. и т. п. Лишь бы сохранился душевный комфорт и непротиворечивость сознания. Но психологические защитные механизмы могут не выдержать давления запретных «неправильных» мыслей, фантазий, чувств, и тогда плотина рушится под их напором, а клиника неврозов пополняется еще одним пациентом.

Вообще, люди, «живущие по правилам», — главная потенциальная клиентура психотерапевтов, психоаналитиков, экстрасенсов, колдунов и народных целителей.

Порой кажется, что именно для описания их личности З. Фрейд создал классический психоанализ.

Можно сказать и так: ортодоксальный психоанализ является теорией личности, адекватной для объяснения поведения людей, выбравших «жизнь по правилам». Сверхконтроль со стороны внутренних запретов над неправильным (а все естественное — «неправильно»!) течением душевной жизни порождает постоянное внутреннее напряжение и конфликт.

Чтобы подчиняться начальству, надо самому хотеть стать начальником, а для этого нужно его искренне любить. Чтобы подчиняться

правилам, надо искренне любить жизнь по правилам и иного варианта жизни не представлять.

Происходит обеднение духовного мира и воображения: многообразный спектр жизненных возможностей «схлопывается» в линию — отрезок размером в жизнь, напоминающую железную дорогу Москва — Санкт-Петербург, абсолютно прямую (по решению Николая I), изъезженную миллионами людей, с неизбежными станциями «Тверь», «Бологое» и вокзалами-тупиками на концах отрезка. Офицеры всех армий, функционеры всех партий, работники государственных организаций и чиновники всех правительств — люди, «живущие по правилам».

Может возникнуть впечатление, что очень легкое дело — выбрать «жизнь-ритуал». Отнюдь не так. Во-первых, только дуракам закон не писан. А тем, для кого он писан, нужно закон заучить. Выполнение инструкций, а именно этого требуют начальники от работников в любом учреждении, предполагает определенный уровень интеллекта у исполнителя.

Правила, на основе которых строится жизнь, человек учит, если не всю жизнь, то очень значительное время. Чем сложнее правила, тем более высокий интеллект требуется для их выполнения, а, кроме того, нужна способность к саморегуляции и подчинению.

Легче всего зачислить людей, выбравших «жизнь по правилам», в конформисты. Но справедливо ли это? Конформизм — термин, имеющий, по крайней мере, в западной культуре, оценочный характер. Нормой для североамериканской и западноевропейской (в меньшей мере) культуры является личностная автономия и ориентация на индивидуальные достижения, основанные на свободе выбора, инициативе и личном вкладе в дело. Подверженность внешнему влиянию расценивается как проявление недостаточной самостоятельности и независимости. Как замечает Дэвид Майерс: «От слова “конформизм” веет чем-то негативным. Что вы почувствуете, если узнаете, что о вас отзываются как о “настоящем конформисте”? Полагаю, вы будете задеты, так как в западной культуре не одобряется уступчивость со стороны равных вам. Поэтому американские и европейские социальные психологи для ее обозначения используют негативные определения (конформизм, уступчивость, подчинение), а не позитивные (социальная восприимчивость, ответственность, командный дух). В Японии согласие своих действий с другими есть признак не слабости, а терпимости, самоконтроля и зрелости»¹.

¹ Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1998.

Собственно конформизм — это изменение поведения и убеждений в результате давления, которое проявляется в форме уступчивости (внешнем следовании за группой) при внутреннем несогласии или одобрения (полном соответствии убеждений и поступков социальному давлению).

Человек, «живущий по правилам», действует не в соответствии с социальным давлением, а порой вопреки ему. Я всю жизнь принадлежал к редкому в среде русских людей типу непьющих (ныне — малопьющих). Таков был мой выбор, соответствующий традициям нашей семьи. И я мог бы много и подробно рассказать о том, какое социальное давление мне, «живущему по правилам», пришлось испытать в студенческом общежитии, в стройотрядах, в армии и на работе, не испортив при этом отношений с приятелями и сослуживцами!

«Жизнь по правилам» не сводится к подчинению авторитету или приказу. Конечно, традиции передаются от одного поколения к другому через авторитетных людей — родителей, учителей, старейшин, священнослужителей и т. д. Но правило, традиция значимее суждений любого авторитета, так как авторитетная личность является не автором правила или инициатором ритуального действия, а в лучшем случае «передаточным звеном» и интерпретатором.

Человека, выбравшего «жизнь по правилам», следовало бы назвать «нормативной личностью». Как это ни парадоксально, такой вариант поведения совершенно не рассматривается в западных и российских учебниках и монографиях по социальной психологии, хотя психологические процессы, регулирующие его, не менее интересны и своеобразны, чем механизмы конформного или творческого поведения. Следовать ритуалу, правилу, выполнять инструкцию — достаточно сложная психологическая жизненная задача.

Сказанное Майерсом о поведении японцев соответствует, на мой взгляд, не конформному поведению, а социально регламентированному, «должному поведению».

И все же человек не робот, его нельзя запрограммировать для выполнения «линейного» алгоритма. Тем более в случае, если «жизнь по правилам» он ведет, подчиняясь силе обстоятельств, за пределы которых не может вырваться. Жизнь превращается в обузу, в вечное обязательство непонятно перед кем. И возникает раздвоение жизни или по вертикали или по горизонтали.

Разделение по вертикали происходит тогда, когда человек начинает вести двойную жизнь: внутреннюю жизнь для себя и внешнюю жизнь

для других. Он чувствует себя разведчиком, посланным неизвестно откуда в чужую враждебную страну, где он должен жить и выполнять обязательства перед людьми. Как писал один известный журналист, при советской власти каждый из нас чувствовал себя немного Штирлицем. Не случайно этот сериал был особенно популярен, а исполнитель главной роли В. Тихонов стал народным любимцем. В отличие от жизни Штирлица наша «внутренняя жизнь» («вторая жизнь») никому не нужна; нет той страны и той разведки, куда мы могли бы посылать донесения. Остается лишь жить будущим и надеяться на другую, лучшую долю. Отсюда прямой путь в мир грез и фантазий, в «жизнь-сон». Классическим способом ухода являлось русское пьянство.

Другой вариант — горизонтальное расщепление жизни. Человек может вступить на путь тайной внешней жизни: примерный семьянин заводит любовницу, а чаще — вторую семью (он же привык «жить по правилам»!); исполнительный и ответственный чиновник становится членом сомнительного клуба, а крупный бизнесмен по примеру Саввы Морозова начинает давать деньги террористической организации.

Наиболее безобидный вариант организации «параллельной жизни» — это хобби. Дачники разводят гладиолусы и тюльпаны, в крайнем случае выращивают огурцы и помидоры, не для продажи и не для еды, а для души. Рыбалка и охота захватывают весь так называемый досуг, который распространяется и на рабочее время.

Байдарчники и альпинисты, бегуны трусцой и байкеры — люди, для которых хобби является отдушиной, способом вырваться из тисков правил. Но здесь мы вторгаемся в пределы другого варианта жизни — «жизни-временипрепровождения».

За время развития цивилизации люди создали немало возможностей для того, чтобы у каждого желающего была возможность реализовать вариант «жизни по правилам».

Ярким образцом этого является армейская служба. Вопреки общеденному представлению о том, что ее выбирают в основном активные, решительные, уверенные в себе молодые люди, армейскую службу предпочитают эмоционально чувствительные, с неустойчивой самооценкой, стремящиеся к подчинению, конформные личности.

Армия — структура, где должен править устав и приказ командира (я не беру в расчет армию в период распада государства, когда она выражается либо в совокупность уголовных банд, либо в скопище бомжей). Армия жива порядком и строгим подчинением нижестоящего вышестоящему. Дисциплина определяет должные способы поведения

каждого по отношению к каждому. Для получения очередного звания или должности не надо прилагать сверхусилия. В армии существует понятие «выслуга лет» — представление к очередному званию является функцией от времени. Разумеется, можно достичь особых успехов в глазах начальства, но в этом есть риск: сослуживцы могут «подставить» выскочку, да и вообще — инициатива наказуема. Действует железное правило: «Не надо, как лучше — надо, как положено».

Социальная защищенность, высокий статус военнослужащего (в нормальном, еще раз подчеркну, государстве), отсутствие материальных проблем, системы льгот и привилегий, наград и т. д. — все это создает весьма благоприятную среду для «выполнения долга» и отсутствия какой бы то ни было инициативы и активности.

Как правило, в армии не надо совершать стратегический жизненный выбор, ибо жизнь офицера принадлежит государству, и живет он от приказа до приказа. Начальство решает, где ему служить и в каких условиях, чем заниматься. Выбор, разумеется, есть, но он минимален.

Зависимость социального продвижения от времени, а психологического комфорта — от соблюдения внешних требований, проявляется в системе льгот при несении службы в районах Крайнего Севера («год за два») и в системе коэффициентов — прибавок к зарплате.

Если военнослужащий не стремится сделать карьеру, то он может раньше уйти на пенсию, наступление которой также является функцией времени и места службы. Знаменитая армейская поговорка «солдат спит — служба идет» лучше всего характеризует процесс «жизни-ритуала».

Парадокс в том, что армия призвана не только жить по правилам, а воевать. Меньше всего должны быть заинтересованы в войне сами военнослужащие. Война сулит славу и героическую смерть в обмен на регламентированную жизнь без забот. На войне надо принимать волевые и рациональные решения, идти на риски, при которых шансы уцелеть порой ничтожны. Нужно брать на себя ответственность за других и порой (что главное!) действовать исходя из обстоятельств, а не по инструкции. Хуже того, приходится для достижения общего успеха идти под угрозой трибунала наперекор глупым приказам начальства.

Все преимущества «жизни по правилам» с началом боевых действий рассыпаются в пыль. Человек погружается в грубую, страш-

ную действительность, где от индивидуальной хватки, умения выжить и одновременно победить и не быть обвиненным в трусости зависит жизнь.

Другой вариант «жизни по правилам» — существование чиновника. Оно очень похоже на жизнь офицера, но без вероятности сложить голову по случаю или в бою. Жизненные преимущества меньше, но меньше и риски. Прохождение служебной лестницы также зависит от времени. Регламентированность отношений и поведения и обезличенность приветствуются: чиновник — это человек-функция. Бюрократ, как винтик в огромном механизме, заменим на своем месте и должен выполнять те действия, которые предусмотрены должностной инструкцией. Нежелающие вписываться в среду проявляют инициативу, занимаются реформами и реорганизациями, берут взятки и протезируют родственникам, любовницам и друзьям, т. е. превращают «жизнь по правилам» в «жизнь-временепроводение». Как итог — структура, созданная для реализации «жизни по правилам», рушится и хоронит под своими обломками людей, народы, страны и т. д.

Но самый ранний вариант «жизни по правилам» — обычная традиционная средняя школа, где ребенок оказывается в 6–7 лет от роду.

Пресловутая «готовность к школе» значит не более чем способность и склонность подчиняться авторитету, жить по регламенту и выполнять задания согласно предписаниям. К школьной системе привыкают и ее любят, естественно, далеко не все, а дети с определенным типом способностей и личностных черт, которые преобразуются в личностный тип.

Результаты исследований американских психологов Н. Когана и М. Воллаха позволяют охарактеризовать таких детей как интеллектуалов, лишенных креативности (общей способности к творчеству). Эти дети стремятся к высоким успехам. Они тяжело реагируют на неудачи, избегают риска, очень не любят публично высказывать свои мысли. Они очень сдержанны, скрытны и держатся на расстоянии от своих одноклассников. У них мало близких друзей. Они не любят проявлять инициативу и не могут жить, будучи представлены сами себе. Им постоянно нужна внешняя оценка поступков, результатов учебы или деятельности. Они боятся дать сами себе оценку и ориентируются на внешние нормы и стандарты поведения.

По данным петербургских психологов В. А. Самойловой и Л. А. Ясковой, такие ученики отличаются исполнительностью, дисциплиниро-

ванностью, развитым самоконтролем, отсутствием критичности, доверием к авторитетам. С годами у них снижается тревожность, к пятому классу формируются эмоциональная уравновешенность и практичность. Они становятся отличниками. Окончив школу, а затем и вуз, они предпочитают работу исполнителей среднего звена, администраторов, избегая должностей, требующих творческого подхода и принятия самостоятельных решений. Не любят руководить основными производственными коллективами, где требуется постоянный контакт с людьми, не выбирают работу конструкторов, дизайнеров и пр. Не привлекает их и предпринимательство, поскольку оно связано с конкуренцией, требует активности, инициативы, готовности идти на риск. Психологической цели у нашей жизни нет, и нет смысла, выходящего за пределы индивидуального человеческого существования. Биологическая цель — родить и воспитать детей, социокультурная — обеспечить им условия для развития и самостоятельной жизни. Человек, живущий по правилам, достигает целей и в этом реализует себя, не прикладывая особых усилий, просто по причине хода времени и исполнения соответствующих ритуалов.

«Жизнь по правилам» — это жизнь большинства. Это наиболее древняя и наиболее устойчивая форма бытия людей. И всегда большинство будет выбирать этот вариант, поскольку именно он гарантирует долгую и правильную жизнь: «Уже древние люди обратили внимание на социально значимый характер возрастных этапов жизни человека и выработали свою, особенную форму понимания стадий жизни на основании целостного образа мира, воплощенного в мифе, являющегося образцом для подражания и тем самым способом воспроизводства общественной жизни, ее своеобразным ритмом. Древние люди понимали, что у ребенка, входящего в жизнь, нет какой-либо программы жизнедеятельности, он не приспособлен к жизни, как животные, и в силу этого находится в первые годы своей жизни в пограничном положении (между жизнью и смертью), ибо еще действует естественный отбор и выживают сильные, отсеиваются слабые и «лишние». Положение ребенка регулируется всецело жизнью общины, ее потребностями, и ребенок является деталью социального организма. Он включается в него сначала как часть маски женщины, ибо ритуал предписывает женщине определенный набор обрядов, направленных на попечение и воспитание ребенка. Затем он приобщается к определенной возрастной когорте, в составе которой проходит определенное обучение и воспитание, после чего дол-

жен выдержать обряд инициации, чтобы получить право на родовое имя (без которого он всю жизнь остается ребенком), и т. п. Таким образом, все возрастные стадии жизни первобытного человека вплетены в ритуал и ему подчиняются. Ритуал же определен мифом, отсюда и мифологичность возрастного самосознания древних»¹.

Следует дополнить рассуждения А. В. Толстых: так люди относились к жизни всегда. Другое дело, что в ходе развития человечества были изобретены другие варианты жизни. Но всегда и повсюду родители учили детей выбирать «правильную» (она же — «праведная») жизнь.

И в строфе «Евгения Онегина» А. С. Пушкин не только иронизирует над «средним» человеком, я слышу в этих словах толику сочувствия и естественной человеческой зависти:

«Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек».

Цивилизованный мир (или, если угодно, — так называемый «цивилизованный мир»), пережив кризис конца 60-х — начала 70-х гг. XX в., вернулся к идеалу «жизни по правилам». Ценности личного здоровья, воспитания и образования детей стоят на первом месте. Выбор стиля жизни определяется безопасностью и удобством. Семья нужна для воспитания детей, и поэтому главное — выбрать хорошую школу, где они будут учиться. Жилье выбирается в безопасном районе и как можно ближе к школе. Работа выбирается, чтобы мож-

¹ Толстых А. В. Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб., 2000. С. 60–61.

но было обеспечить обучение детей. Место работы должно быть недалеко от дома. Здоровый образ жизни — главное условие процветания семьи и долголетия. Семья является высшей ценностью, она — основной способ организации человеческой жизни. Все остальные жизненные ценности подчинены ей. Важны карьера и деньги, занятия спортом и отдых, но они подчинены условиям процветания семьи, а не наоборот.

Идеал «правильной жизни» обеспечивает стабильность общества и процветание обывателя. Риск новаций и целедостижений берут на себя творцы и «люди действия».

«Жизнь — трата времени»

Ничего не происходит. Можно проснуться утром не по звонку будильника, а когда угодно, можно спать и до обеда. Нет забот и обязанностей. На личном счету или в отцовском (материнском) кошельке есть деньги.

Или — по-другому. Карьера завершена, дети повзрослели, подрастают внуки. Дом пуст — все разъехались: кто в Сочи, кто — в Лондон. Можно включить телевизор или спуститься вниз и посмотреть, может быть, принесли газеты. Хотя ты твердо знаешь, что еще рано — почтальон приходит в 9.00.

Или — иной вариант. Муж на работе — у него «бизнес», за два года так и не поняла, чем он занимается. По расписанию — спортзал и бассейн, а до вечера 12 часов пустого времени, и сотовый, как назло, молчит...

Время кажется бесконечным и неиссякаемым, будущее — продолжением настоящего. Может быть, что как такового будущего нет, и оно никогда не настанет, есть только неизменное, не заполненное ничем настоящее. Жизнь превращается в трату времени. Человек ощущает себя нищим, которому неизвестно кто, неизвестно почему и за что отдал огромную сумму денег, а он не знает, куда ее деть. Перед его мысленным взором десятки лет, и ему кажется, что карман будет всегда полон звонкой монетой или зелеными купюрами.

Не заполненное событиями время не запоминается — факт, уже давно установленный психологами. Но если время бесконечно, а событий не будет, ибо мир стабилен, единственный способ нарушить это равновесие — совершить действие. Для чего же действовать, если все под рукой и любое (почти любое) желание может быть удовлетворено? Нужно играть, развлекаться, имитировать жизнь, чтобы наполнить мир и время событиями и тем самым ощутить неощутимое время, зафиксировать собственную жизнь в памяти.

Главный порок «жизни-времяпрепровождения» — отсутствие прошлого и бесконечность настоящего. Чтобы прошлое возникло, содержание человеческой памяти должно быть загружено приключениями, событиями, происшествиями.

«Жизнь — трата времени» предоставляет полную свободу во внешней реальности для авантюры, проб, игр.

Работа или учеба выбираются из расчета, что они будут не слишком обременительны и предоставят достаточно возможностей для развлечений. Основной акцент активности человека переносится в сферу досуга и потребления. И тут его с нетерпением ожидают специалисты в области рекламы и маркетинга. Они-то знают, как опустошить личные счета и кошельки клиентов и заполнить их время.

Бесчисленные туристические фирмы предлагают отдых на курортах всего мира. Вас ждут Канарские острова, Кипр, Гавайи, Крым, Анталия и т. д., и т. п. Не хотите нежиться на пляжах Копакабана и Леблон? Тогда вас приглашают горнолыжные курорты Давос и Красная Поляна. Не умеете стоять на лыжах и равнодушны к горным красотам? Можете отправиться по местам «трудовой и боевой славы» человечества: в турпоездку по Италии и Франции, по Ближнему и Дальнему Востоку.

Экстремальные виды спорта и большой теннис, бильярд и ежедневная сауна, тайский массаж и ночная Тверская — все к вашим услугам и для вашего удовольствия!

Впрочем, если у вас нет банковского счета, отменного здоровья и фантазии, можете провести время в молодежной дискотеке (если молоды), на скамеечке в парке или за столиком в пивной.

Огромен и неописуем мир человеческих развлечений. Он призван наполнить нашу жизнь новыми необычными ощущениями и эмоциями, сознание и память загрузить слепками переживаний, обрести прошлое и потратить настоящее.

Однако развлечения могут превратиться в повседневную рутину. У человека возникает состояние истощенности возможностей:

«Их дети сходят сума от того,
Что им нечего больше хотеть».

Борис Гребенщиков

Надо играть. Надо придумывать для себя или для других все новые забавные или страшные игры, которые щекотали бы нервы и придавали бы вкус ежедневному существованию.

Варианты «жизни — траты времени» неисчислимы. Один из банальных: светская жизнь. Посещение премьер, презентаций и вернисажей, встречи и беседы, сплетни и интриги поглощают время миллионов неглупых и небесталанных людей.

«Кухонные» беседы долгими зимними вечерами и великосветские рауты ничем не отличимы по своей жизненной функции.

Субботний выезд за город на шашлыки включает в себя процесс согласования по телефону времени и состава компании, распределения обязанностей: кто будет покупать мясо, а кто — выпивку. Надо собраться в назначенное время и в назначенном месте. А впереди длительные беседы ни о чем в пригородной электричке или в салоне автомашины. Разжигание костра, приготовление пресловутого шашлыка, его поедание с красным вином и душевными тостами — эта процедура продумана и опробована стократно и разыгрывается снова и снова. Процесс завершается игрой в волейбол или футбол, купанием в речке и пением песен под гитару, реже — танцами под магнитофон.

Отдых может быть и более активным. Процедура «времяпрепровождения» растягивается на несколько недель, например, если вы собрались отправиться в поход на байдарках (вариант путешествия, описанного Дж. К. Джеромом в повести «Трое в лодке, не считая собаки») или же на банальную зимнюю рыбалку. Удочки, крючки, прикормка и зимние тулупы — атрибуты готовятся задолго.

Поймать что-либо в 15–20-градусный мороз удастся редко, но разговоры и вся процедура скрашивают отсутствие улова. Собственно, результат в этом случае не более чем символ с удовольствием проведенного времени.

Никто лучше не описал вариант жизни как траты времени, чем известный американский психолог Эрик Берн. Впрочем, и его главные книги, переведенные на русский язык и неоднократно изданные в нашей стране, имеют соответствующие названия: «Игры, в которые играют люди» и «Люди, которые играют в игры».

Клиентами американских психотерапевтов и психоаналитиков часто становятся представители среднего и высшего классов, томящиеся скукой, жаждущие перемен и потерявшие смысл жизни. Повседневная деятельность и общение не несут новой информации, порождая психический вакуум: ощущение сенсорного голода и незаполненности времени. Впрочем, вот как об этом пишет сам Э. Берн: «Хорошо известна проблема, часто возникающая у подростков после первой встречи: “Ну и о чем мы потом с ней (с ним) будем говорить?” Этот вопрос нередко возникает и у взрослых людей. Для этого достаточно вспомнить труднопереносимую ситуацию, когда вдруг возникает пауза в общении и появляется период времени, не заполненный

разговором, причем никто из присутствующих не в состоянии придумать ни одного уместного замечания, чтобы не дать разговору замереть. Люди постоянно озабочены тем, как структурировать свое время»¹.

Задумаясь, а что собой представляет ситуация общения, когда людям не о чем говорить, времени у них сколько угодно и при этом говорить друг с другом все-таки необходимо?

Перед нами типичное общение как трата времени, светская беседа, не имеющая никакой цели, кроме задачи заполнить некими «квазисобытиями» сегодняшний день.

Трудно себе представить объяснение влюбленных, научный диспут, политические дебаты, семейную ссору или, на худой конец, беседу того же психотерапевта с клиентом, во время которых вдруг стороны не знали бы о чем говорить друг с другом! Если есть для чего говорить, то всегда найдется о чем.

Эрик Берн блестяще интуитивно схватил проблему «вакуума» существования, описал в своих книгах игры как способы разнообразить существование и избежать скуки.

Он употребляет термин «времяпрепровождение» для обозначения формальных, полуритуальных бесед во время встреч, а «играми» называет обмен действиями, основанный на индивидуальном планировании времени.

Эрик Берн выделяет пять способов структурирования времени: 1) ритуалы; 2) времяпрепровождение; 3) игры; 4) близость; 5) деятельность. Деятельность, с его точки зрения, является основой всех остальных. Она — наиболее содержательный способ человеческого взаимодействия.

Но отправной точкой для его рассуждений все же является проблема скуки и, как он пишет, неструктурированности времени: «Структурный голод столь же важен для жизни, как и сенсорный голод. Ощущение сенсорного голода и потребность в признании связаны с необходимостью избегать острого дефицита сенсорных и эмоциональных стимулов, так как дефицит ведет к биологическому вырождению. Структурный голод связан с необходимостью избегать скуки. С. Кьеркегор описал различные бедствия, проистекающие от неумения или нежелания структурировать время.

¹ Берн Э. Игры, в которые играют люди. М.: Прогресс, 1988. С. 11.

Если скука, тоска длятся достаточно долго, то они становятся синонимом эмоционального голода и могут иметь те же последствия. Обособленный от общества человек может структурировать время двумя способами: с помощью деятельности (я сказал бы — творчества. — В. Д.) или фантазии»¹.

Однако удается ли избежать скуки человеку, пытающемуся «структурировать время»? Он прилагает усилия для организации своего времени с помощью игры как имитации жизни, но игра сама становится жизнью. Жизнь превращается в игру, которая развлекает человека, пока не надоест ему окончательно. Нужно придумывать новые игры, воспроизводящие учебу, труд или творчество, или выбирать их из того арсенала, который сохраняется с незапамятных времен человечества (охота, рыбалка, секс и т. д.). Структурируется только настоящее, будущее снова неопределенно и неопределимо. Память заполнена воспоминаниями о развлечениях, выигрышах и проигрышах, а также о случайных встречах со случайными людьми.

Как тут не вспомнить строки Александра Сергеевича Пушкина, который описал состояние Евгения Онегина, и по своей воле, и силою обстоятельств убивавшего время всеми доступными для представителя петербургского света способами: волокитство, карты, опера, балы, чтение книг, отдых в усадьбе, дуэль, любовь, путешествие и пр.

«Душевная болезнь» западноевропейской и русской аристократии — скука, так красочно и поэтично описанная Байроном и Пушкиным, в конце XX в. поразила «средний класс» США. Однако вернемся к работам Эрика Берна, которые содержат наиболее полное описание «жизни-времяпрепровождения». Он выделяет два основных способа борьбы со скукой: времяпрепровождение и игру. БERN называет игрой серию следующих друг за другом транзакций (взаимодействий) с определенным и предсказуемым исходом. Времяпрепровождение им рассматривается как серия простых полуритуальных транзакций, которые группируются вокруг одной темы и структурируют интервал времени. Начало и конец этого интервала БERN называет процедурами или ритуалами.

Он отличает процедуру от ритуала: процедура планируется Взрослым (2-е эго-состояние по БЕРНУ), а ритуал следует схеме, заданной Родителем (3-е эго-состояние). И ритуал, и процедура стереотипны, порядок взаимодействий в них известен заранее, предопределен так-

¹ БЕРН Э. Игры, в которые играют люди. М.: Прогресс, 1988. С. 13.

же и результат. «Времяпрепровождения, как правило, составляют основное содержание, например, различных вечеринок или время ожидания перед началом какого-нибудь официального собрания. Причем структура и динамика человеческих отношений в обоих случаях одинакова. Времяпрепровождения в эти периоды могут принимать форму “болтовни” или серьезного обсуждения какой-либо проблемы»¹.

Согласно Берну, времяпрепровождения способствуют подтверждению ролей, избранных человеком, и укреплению его жизненных позиций. В отличие от процедур, ритуалов и времяпрепровождений игры предполагают скрытые мотивы и выигрыш. И процедуры, и ритуалы, и времяпрепровождения чистосердечны (не содержат «задней мысли»), в них бывает элемент соревнования, но нет конфликта. Игры же могут (по Берну) быть нечестными.

Берн считает, что одной из главных функций игры является структурирование времени; кроме того, она необходима для поддержания психического здоровья, но не объясняет, почему эту функцию выполняет именно игра.

Он остается в пределах схемы транзактного анализа, а для выяснения сущности времяпрепровождения и игры надо перейти к анализу внутриличностному. Игра и времяпрепровождение должны спасти индивида от скуки настоящего, от кажущейся бесконечной бессмысленности будущего и пустоты прошлого.

Игра и времяпрепровождение являются тратами времени, а не только способами его структурировать, ибо, затрачивая минуты, часы и годы на игру или салонную болтовню, человек не раскрывает свои возможности, оставаясь по окончании игры тем, кем был до ее начала.

Завершив рассмотрение взглядов Эрика Берна на сей предмет. Это тем более необходимо, что в последние годы его книги издаются огромными тиражами, а пропагандируемый в них транзактный анализ приобрел популярность как среди психологов, так и среди всех, интересующихся психологией.

Если говорить упрощенно, концепция Берна идеальна для описания людей, предоставленных самим себе и тягостному повседневному безделью. «Для большинства людей бывают тягостные периоды, не структурированные во времени. Поэтому, например, вечеринка с коктейлем считается для многих людей времяпрепровождением менее скучным, чем пребывание наедине с собой.

¹ Берн Э. Игры, в которые играют люди. М.: Прогресс, 1988. С. 31.

Необходимость структурирования времени мы объясняем тремя видами влечений или побуждений. Первый — это стимулирование или жажда ощущений. Второй — это жажда признания, стремления к особому рода ощущениям, которые может дать другой человек. Третий — это жажда структурированности. Люди, умеющие постоянно структурировать время, — самые дефицитные и высокооплачиваемые специалисты в любом обществе»¹.

И далее: «Различные формы социального действия ... способствуют структурированию времени, помогают избежать скуки, а также дают возможность извлечь максимально возможное удовлетворение из каждой ситуации. Большинство людей, кроме того, подсознательно имеют свой жизненный план, или сценарий, согласно которому они структурируют более длительные периоды времени — месяцы, годы или даже всю жизнь, заполняя время ритуальной деятельностью, времяпрепровождением, развлечениями, играми»².

Специфичное понимание игры Берном затрудняет использование термина «игра» при анализе человеческой жизни: ассоциации постоянно цепляются за содержание этой весьма узкой трактовки.

Игра — всегда имитация, «модель» жизни. У нее есть правила и прогнозируемый результат. Содержание правил и награда за достижение результата, а также сумма проигрыша заранее известны всем участникам игры. «Игра — обман», а именно о ней говорит Берн, является скорее исключением из правил. Напротив, всякое жульничество преследуется участниками игры, либо специально назначенными судьями, жюри и т. д. Игра может быть не только вариантом групповой активности, но индивидуальной: решение головоломок, кроссвордов, компьютерных задач (типа игры «Тетрис»). Игра — всегда упрощенная модель жизни, с ясными способами поведения и «открытостью» процесса. Любые закулисные, скрытые действия разрушают игру: бессмысленно решать головоломку, сломав ее и собрав не по правилам, отгадывать кроссворд или ребус, заглядывая в ответ.

Игра может быть использована как средство обмана и получения выгоды. Игра может быть профессиональной сферой деятельности, пример: спортивные игры. Использование игры как способа «убить время», приема «времяпрепровождения» — одна из многих возможностей, хотя и не единственная.

¹ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Прогресс, 1988. С. 172.

² Там же. С. 174.

Вопреки Берну, следует считать времяпрепровождение способом использования игры, но к игре времяпрепровождение отнюдь не сводится. Игра, в смысле Берна, — шулерство, обман, но не взаимодействие по правилам. Можно, разумеется, интерпретировать содержание понятия игры как обмана или ложной имитации, но слишком далеко такое понимание от привычного и общепринятого.

Времяпрепровождение — это не способ взаимодействия людей («транзакция»), а способ существования человека, стремящегося преодолеть скуку и однообразие текущей повседневной жизни, которую надо заполнять хоть чем-нибудь. В ежедневном поединке со временем и его кажущейся бесконечностью человек все равно в проигрыше: каждый раз он должен придумывать для себя новое развлечение.

«Жизнь-ритуал» организует время за человека: о его настоящем, и будущем подумали те, кто жил в прошлом. «Жизнь-целедостижение» не дает человеку задуматься о смысле существования в постоянной гонке за ускользающим конечным успехом. «Жизнь-творчество» и «жизнь-уход» не связаны с «внешней жизнью» вообще или связаны эпизодически.

Человек, проводящий время, живет во внешней жизни. Он заполняет внешними впечатлениями свой внутренний мир, ибо лишен воображения и стремления воплотить его плоды в слово или в предмет.

Итак, постараемся реконструировать структуры «жизни-времяпрепровождения»: человек предоставлен сам себе, его не гнетут заботы, долг и ответственность, необходимость в поте лица добывать хлеб насущный. Позади, в прошлом вереница однообразных дней и лет, настоящее столь же похоже на прошлое, как и на будущее. Время ощущается как бесконечное настоящее, не заполненное ни действием, ни мыслью, ни случайными событиями. Основное переживание — скука. Человек существует во внешней жизни, которую надо организовать, структурировать время, чтобы заполнить событиями память и пережить, «потратить» настоящее, забыть о наступающем будущем: «День прошел — и слава богу!»

Структурировать время можно двумя путями: пуститься в активный поиск наслаждений, развлечений, приключений и т. д., или же отдать свою судьбу в руки «организаторов времени», которые, согласно Берну, особо ценятся в современном мире. «Организаторы времени» обеспечат человека множеством вариантов времяпрепровождения, чтобы он забыл о несуществующем смысле жизни и заполнил настоящее событиями, а прошлое — воспоминаниями. Фотографии, видеофильмы остаются и возбуждают приятные ощущения и эмоции.

Отсутствие желаний компенсируется новизной и остротой ощущений. Как писал Блез Паскаль: «Людям не наскучивает каждый день есть и спать, потому что желание есть и спать каждый день возобновляется, а не будь этого, без сомнения, наскучило бы»¹.

Апатико-абулический синдром, присущий многим людям, связанный с отсутствием желаний и воли к действию, происходит от образа жизни: когда нет реальных проблем, творческих устремлений и повседневных забот, жизнь кажется бесконечным однообразным потоком.

Скука сама по себе может быть приятна и даже возведена в культ. Английское слово «сплин» было весьма модным в начале 20-х гг. XIX в. в кругу молодых, но уже «разочарованных жизнью» русских дворян, принадлежавших к высшему обществу. Им подражали дворянские отпрыски в провинции, титулярные советники, начитавшиеся Баратынского и Бестужева-Марлинского, уездные дамы и прочие. «Скучно жить на этом свете, господа!» — так завершил одну из своих повестей Гоголь.

Может быть, люди, пережившие в XX в. ужасы мировых войн и революций, прошедшие сталинские «чистки» и концлагеря, видевшие ограбление и одичание миллионов, с радостью выбрали бы этот вариант жизни. Лермонтов, дитя начала XIX в., восклицал: «Как жизнь скучна, когда боренья нет!» Ах, юноша, юноша! Можно выбрать дуэль, в ту эпоху, когда не ведут скопом на расстрел.

¹ Паскаль Б. Мысли // Франсуа де Ларошфуко. Максимы / Блез Паскаль. Мысли / Жан де Лабрюйер. Характеры. М.: Художественная литература, 1974. С. 157.

Жизнь против жизни

«Смерть мы видели каждый день и воспринимали ее очень буднично. Многие из нас были доведены до такого состояния, что убивали как автоматы, не разбирая даже, кто это — женщины, старики или дети. Нас послали туда — убивать...

А ведь мы были мальчики, восемнадцатилетние, причем большинство — люди с несложившейся психикой. Теперь многие в нормальной жизни существовать уже не могут. Уже не могут не убивать. О том, что есть такая опасность, такие происходят сломы в психике, нас предупреждало командование (речь идет о посттравматическом стрессовом расстройстве. — В. Д.) Это очень сладкое ощущение, когда ты штык-нож вонзаешь в живое тело, это удивительное ощущение, я его не могу передать. Около 30 процентов тех, кто был со мной там, сейчас уже в тюрьмах. А сколько стали профессиональными убийцами, но еще не сидят, я не знаю...

Когда я вернулся, то первое время носил в кармане кастет и финку. Мне все время казалось, что кто-то может напасть сзади. Если кто-то рядом делал резкое движение, я автоматически бил. Я до сих пор, идя по улице, прикидываю, как и с какой позиции расстрелял бы людей, которые идут впереди... какая-то доля жестокости во мне сохранилась. Нас учили не испытывать жалости, все было направлено на это, иначе бы мы не выжили... Если ты передашь кому-нибудь эту информацию, я откажусь от своих слов»¹.

Это слова из интервью, которое дал социологу С. Мирзоеву молодой парень — студент МГУ, служивший в морской пехоте.

Прошрое представляется одной сплошной рекой, оно переходит в настоящее и определяет будущее.

Столкновение человека с миром всегда несет в себе опасность. Ново-рожденный, покинув лоно матери, попадает на лютый холод (разница температур — 15!), испытывает удушье, чувство голода и боли. Но тепло

¹ Дедовщина в армии (Сборник социологических документов.) М., 1991. С. 144–145.

материнского тела, молоко ее груди, струя воздуха в легких — и мир принимает младенца, а он принимает этот мир. Ранка на месте отрезанной пуповины заживает, и боль проходит. Не всегда роды проходят благополучно, без последствий для здоровья ребенка. Но мы не помним своего рождения. Зигмунд Фрейд и Станислав Грофф каждый по своему стремились убедить читателя в том, что память о родах навсегда фиксируется в нашем подсознании и определяет отношение к миру. Прямых экспериментальных доказательств этих теорий до сих пор нет.

Эрик Эриксон утверждал, что в первые месяцы после рождения у ребенка формируется глобальное отношение к миру: он решает для себя, заслуживает ли этот мир доверия или не надо верить ему. Главную роль при формировании доверия к миру играет мать, кормящая ребенка грудью.

Под базовым доверием к миру Эриксон подразумевал собственную открытость ребенка и ощущение постоянной расположенности к себе других людей. Если у ребенка формируется «базисное недоверие», то, став взрослым, он будет стремиться уходить в себя, отчуждаться от других людей, отказываться от еды, удовольств, забывать дружеские привязанности в тяжелые периоды жизни.

Потеря материнской любви и ласки, внезапное лишение кормления грудью и материнского присутствия могут привести к детской депрессии и хронической, длящейся всю жизнь печали.

Смутная тоска по утерянному раю будет преследовать человека всю жизнь. Но при каких условиях формируется раннее представление о мире как о враждебном и злом, как о постоянном источнике боли и страдания? Мир может быть чужим и холодным, неподатливым и неудобным, если мать не кормит и никто другой не проявляет заботы. И вместе с тем равнодушный мир — не всегда источник зла. Зло активно. И многие факты свидетельствуют о том, что причина восприятия мира как источника зла — в жестокости и насилии, которому в раннем детстве подвергается человек. «Ребенок, ставший жертвой насилия своих родителей, тем самым выбрасывается за борт нормального человеческого общения, не может впоследствии должным образом приспособиться к жизни, создать семью, начинает жестоко относиться к своим детям, вообще сравнительно легко решается на применение насилия к другим людям, он обычно не сострадает и не сочувствует им. Наши исследования показали, что подавляющее большинство преступников — это в прошлом отвергнутые семьей дети»¹.

¹ Антонян Ю. М. Жестокость в нашей жизни. М.: Инфра-М, 1995.

Детей лишают еды, бросают без присмотра, бьют, унижают, жестоко издеваются, убивают.

В благополучной Германии психологи выявляют до 20 000 случаев жестокого обращения с детьми, 700–900 из них погибают. В не менее экономически и социально благополучной Англии ежегодно родители убивают до 700 детей, а 4000–5000 превращают в калек. Что же говорить о России?

Малыш 2–5 лет (а то и совсем крошка) воспринимает окружающий мир в образе огромного, озверевшего пьяного чудовища, которое оказывается его матерью или отцом, т. е. порой единственно близким ему человеком. В этом страшном мире можно или погибнуть, или вступить с ним в неравную и жестокую борьбу на уничтожение.

Жизнь превращается в постоянную войну с источником страданий... самой жизнью. Страдание можно уничтожить двумя путями: разрушив внешний мир как источник страданий или умертвив самого себя. Болит только живое. Кроме того, можно отомстить людям (все они — враги, потенциальные палачи) и заставить их страдать дольше и сильнее, чем страдал сам. Но этот путь не решает проблемы, так как враждебный мир остается, и остается жизнь как постоянное страдание.

Глобальная психологическая травма (я предпочитаю этот термин) — это катастрофа внутри индивидуального мира, микрокосмоса. Ее результатом являются выжженные пространства. В отличие от локальной психологической травмы она вызывает не невроз, фобию или манию, содержанием которых могут быть отдельные стороны жизни, а видоизменяет само отношение к жизни, а точнее — вызывает ненависть к ней и ко всему живому.

Эрих Фромм, вводя понятие злокачественной агрессии, выделял разные уровни ее проявления. Первый уровень — садизм, ядром которого является жажда абсолютной и неограниченной власти над живыми существами, которая проявляется в угнетении, издевательствах над ними. Но садист не убивает, а лишь мучает свою жертву, ибо со смертью жертвы исчезает источник его радости.

Крайний вариант злокачественной агрессии, по Э. Фромму, — некрофилия. Это страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилому, разлагающемуся, и одновременно это желание превратить все живое в неживое, стремление к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому), страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей.

Некрофил стремится умертвить все живое: творчество загнать в рамки ритуала, инициативу — в пределы устава, человека превратить в робота, а если удастся — в труп, общение преобразовать в «переговорный процесс», весь мир — в коллекцию муляжей и открыток, которую будет разглядывать он один.

Возможно, некрофилы и садисты являются главными сценаристами, режиссерами и исполнителями того варианта человеческого существования, который я называю «жизнь — борьба против жизни», но, создав сценарий, они втягивают в число действующих лиц тех, на кого обращены их действия. Люди становятся жертвами, получают глобальные психические травмы, а травмированная, но выжившая жертва, может стать палачом.

Так, изобретенная и созданная когда-то (Э. Фромм утверждает — не ранее чем 5000 лет назад) модель жизни реализуется, и, как механизм комбайна скашивает колоски и забирает в свое нутро, злокачественная агрессия затягивает в свой водоворот сотни, тысячи и миллионы людей. Каждый из них получает рану, каждый видит мир как источник беды, зла и в стремлении защититься от этого мира готов нанести и наносит удары первым.

Каждый удар поражает еще одну жертву, и маховик всеобщей вражды раскручивается. «Око — за око, зуб — за зуб».

Человек, получивший глобальную психическую травму (классический посттравматический синдром — все же травма локальная), видит всегда враждебные взгляды и оскаленные зубы и никогда не ограничится «малой мстостью», а будет уничтожать мир до конца, насколько хватит его сил.

Возраст, когда человек может получить глобальную психическую травму, может быть любым. То же касается и обстоятельств: страшное событие может произойти при любом повороте судьбы.

Девочка или мальчик в 6 лет попадают в обычную российскую среднюю школу. Если он или она очень чувствительны, недостаточно гибки, чтобы адаптироваться к среде, да еще обладают каким-либо очевидным физическим недостатком, — ждите беды. Ребенок может стать изгоем, объектом травли со стороны порой милых и жизнерадостных одноклассников. Такое может произойти не только в подростковом возрасте, как поведали нам в фильме «Чучело», но в любом классе. Особенно тяжело приходится одаренным детям, которые, как правило, отстают в физическом развитии от сверстников и отличаются повышенной эмоциональной чувствительностью.

В подростковом школьном коллективе им не будет пощады. Они вынуждены маскировать свои способности, прислуживать одноклассникам (давать списывать и пр.). Но положение «обычных детей» несравнимо с повседневной жизнью детей-сирот. Те издевательства, которым они зачастую подвергаются в детских домах, выходят за пределы воображения нормального взрослого человека.

Предоставлю слово профессору, доктору юридических наук Юрию Мироновичу Антоняну: «Особенно распространенным явлением стало бесчеловечное отношение к детям-сиротам в детских домах и интернатах. В качестве наказания их лишают пищи, стригут наголо, обливают холодной водой, избивают. Прокуратура СССР сообщала о таких вопиющих фактах: во вспомогательной школе-интернате г. Атарска больных детей в порядке наказания помещали в изолированную комнату без дневного освещения, вентиляции, отопления, мебели, где они содержались от нескольких часов до трех недель. Без каких-либо медицинских показаний в целях усмирения делали детям болезненные уколы магнезии. В одном интернате г. Москвы создали карцер, куда в течение восьми лет помещали на несколько суток провинившихся ребят. В интернате Горьковской области выгоняли семиклассников в двадцатиградусный мороз босиком на улицу, заставляли ходить по снегу и стеклу. В спецшколе-интернате г. Ленинграда воспитатели систематически истязали воспитанников с умственной отсталостью. Один из воспитателей за баловство и ослушание душил детей, таскал их за волосы, лишал пищи, на несколько часов ставил босыми в ведро с холодной водой. В другой Ленинградской школе-интернате воспитатели жестоко избивали учеников, совершали с ними акты мужеложества, развратные действия, закрывали в обнаженном виде в кладовых на несколько суток без пищи... В московской спецшколе заставляли ходить на корточках по кругу, поднимали среди ночи и тут же давали отбой, а за невыполнение приказов применяли физическое насилие. В иркутской спецшколе детям принудительно, без назначения врача, делали инъекции лекарств...»¹

В таких условиях может сформироваться только глобальный страх перед жизнью и даже ненависть к ней, так как живое существо — человек — главный источник боли и страданий для другого человека. Этот страх не следует путать с «базальной» экзистенциальной тревогой.

¹ Антонян Ю. М. Жестокость в нашей жизни. М.: Инфра-М, 1995. С. 114.

Тревога не определена, источник угрозы не ясен. Здесь же нет места неопределенности: жизнь есть зло, а любой человек — злодей и враг.

«Жестокий век, жестокие сердца!» — восклицает Герцог в пушкинском «Скупом рыцаре». А какой век не жесток? Век XX, а теперь уже XXI гонятся по следу убегающего от времени человека. «Мне на плечи бросается век-волкодав», — это уже Осип Мандельштам. Имя этому веку — террор.

Однако вернемся к повседневной жизни, к нашему сегодня. О нем известно меньше всего, а о недавнем прошлом, которое прорастает в сегодняшний день своими ростками и метастазами, известно несколько больше, поскольку большинство из ныне живущих — его свидетели и участники.

Юноши и девушки, едва окончившие (или еще не окончившие) школу, те, которым по 17–18 лет, какие дары и угрозы приготовил для вас мир?

Девушек ждет любовь, замужество, учеба в вузе, работа, рождение и воспитание детей. И, вполне вероятно, что первым сексуальным опытом будет изнасилование, а семейная жизнь обернется пьяными драками и разводом.

Юношей ждут любовь, работа, учеба в вузе, женитьба, воспитание детей, забота о родителях и другие житейские заботы и радости. Но в первую очередь его ждут в свои ряды российские Вооруженные силы. Я не думаю, что к моменту выхода этой книги положение в них кардинально изменится. Чтобы не «дискредитировать» армию, переживающую не лучшие времена, и не оскорблять чувства солдат и офицеров, сражающихся в Чечне (в рядах этой армии), тем более — родных и близких погибших в боях, я буду обращаться к материалам из жизни Советской армии 1970–80-х гг.

Вершина армейской иерархии недоступна взорам нас, рядовых ученых, писателей, журналистов. Интересующихся отсылаю к замечательной книге В. Е. Пухова «Защитники».

Недействующая армия в нормальной стране ведет «жизнь по правилам», т. е. по уставу. Рутинная, ритуальная, чиновничья и карьерная совмещаются с боевой подготовкой к возможной войне: «Армия готовится к прошедшей, проигранной войне». В разлагающемся общественном организме армия становится концентратом, квинтэссенцией всех пороков и бед общества. Она превращается в страшную карикатуру на армию и жизнь страны в целом. Главное — «жизнь по правилам» превращается в армии в «жизнь против жизни», войну

всех против всех. И армия становится тем местом, где молодой человек с неустоявшимся характером может получить психическую травму.

В социологической литературе правила жизни солдат срочной службы называют «неуставными отношениями», «дедовщиной», «казарменным хулиганством». По своей сути, это система террора, подавления живой человеческой личности, механизм превращения личности во врага любого человека, который покажется ему врагом.

Издевательства над солдатами офицеры пытаются прикрыть рассуждениями о том, что солдат должен всегда быть на взводе, быть агрессивным, а в бою не рассуждая выполнять приказ, идти на верную смерть.

Но победа в бою достается не тому, кто погиб, а тому, кто, уничтожив противника, сам остался живым и невредимым. Современную войну не выиграть, завалив врага трупами. Да и зачем убивать человека еще до реального боя, до наступления войны, умертвляя его душу и калеча его физически? Армия, брошенная государством и обществом, предоставленная сама себе, обращает агрессию на себя и занимается самопоеданием.

Два года заключения без преступления и суда — так воспринимается армия большинством отслуживших в ней.

Первый год службы солдата — сплошная череда побоев, унижений, бессонницы, голода и т. д. и т. п. Второй год — либо служба «по уставу», либо «отыгрыш» на первогодках, когда есть возможность выместить накопившуюся злобу и унижения на доступном и беззащитном объекте — новобранце.

Все отслужившие в армии отмечают, что садизм по отношению к «молодым» солдатам проявляют те «деды», которым больше всего доставалось от старослужащих на первом году службы. Наиболее ясно картина армейской казарменной жизни представлена в результатах исследования, проведенного под руководством С. А. Белановского (Дедовщина в армии. М., 1991).

На вопрос «Ты изменился за время пребывания в армии?» военнослужащие, уволенные в запас, отвечают так:

«Научился шить. Пилить, гвозди вбивать. Внутренне же стал более раздражительным, стал хуже относиться к людям. Осталась колоссальная злость на офицеров...»

«Я считаю, что в жизни должно быть место сказке, мечте, так вот, армия меня полностью посадила на землю... Я теперь ненавижу офицеров».

«Армия не меняет, а ломает человека. Мне кажется, я смог сохранить себя, какой-то внутренний стержень. Это главное. Есть люди, которые, вернувшись, не могут приспособиться к жизни гражданской. Состояние войны становится нормальным состоянием».

«Быть смиренным — это плохо. Когда собака лает, а ты не отвечаешь — она кусает... В армии все отношения пахнут кровью. Волчьи законы».

«Мне кажется, я был слишком либеральным сержантом, сейчас об этом жалею. Стоило дать солдату почувствовать себя человеком, как он отказывался подчиняться приказам. Приходилось бить. После того, как дашь в морду, вопросов, как правило, не возникало. Вообще избивают и издеваются вовсе не каждый день. Просто служить в армии — это само по себе кошмар. На тебя надевают грязную одежду, тебя не кормят, заставляют делать работу, которая никому не нужна, тебе не дают читать книг (их просто нет), любой может тебя избить ...»

Большая часть российских мужчин прошла армейскую службу, а остальные — в той или иной мере знакомы с ней, хотя бы в «упрощенном варианте», пример: армейские сборы во время учебы в университете. Так почему наивно или деланно наивно удивляются люди сказанным и бытовым убийствам, аморальности и жестокости российской демократии?

Школой жестокости может стать работа в обычном российском учреждении или частной структуре, поскольку наемный персонал никак не защищен от произвола и самодурства начальника или хозяина.

И, наконец, «последний и решающий» удар наносит по человеку преступный мир и правоохранительная система, если, паче чаяния, его жизненная траектория пересекла эти две (а по сути — одну) столбовые дороги российской жизни.

Любой из нас может стать жертвой преступления. Ваш автомобиль могут остановить на ночной улице бандиты, переодетые под милиционеров.

В заплеванном и замусоренном подъезде группе подростков, накурившихся анаши или просто в подпитии, ничего не стоит напасть на вас, вытряхнуть из одежды, надругаться, избить.

Железные двери и сейфовые замки не защищают ни от воров, ни от грабителей. Стая бандитов может напасть на ваш ларек или офис, да и случайные пули находят случайные же мишени. Одной из мишеней может оказаться каждый.

Могучие правоохранительные органы могут задержать вас по подозрению. Один мой знакомый, кандидат наук, сотрудник академичес-

кого института с примечательной нордической внешностью, трижды в течение двух лет задерживался на улице московской милицией. Последний раз — по подозрению в изнасиловании несовершеннолетней. Благо — на опознании все закончилось адекватно.

Но от тюрьмы и от сумы зарекаться не стоит. И не исключено, что кого-то ждут места предварительного заключения (их посетили многие — от бомжей до олигархов) или собственно тюрьма и лагерь.

Если человека не добьет несправедливое обвинение и приговор, то лагерная система завершит дело. Заключенный может быть действительно виновен. Приговор может быть справедлив, а преступное деяние раскрыто, но жизнь за тюремными стенами от этого не становится иной. Она существует как система независимо от воли человека, вовлеченного в нее и, как щепку водоворот, затягивает личность в пучину.

«Этапник попадает в волчью стаю, в которой незаметно для себя становится волком. Ведь чего-то добиться, доказать, исправить здесь невозможно.

Вот заткнут мгновенно, и попадешь в немилость, наденешь клеймо нарушителя. Остается либо приспособливаться, либо нарушать. Людей приучают юлить, вилить, надевать шкуры то волчьи, то овечьи, то собачьи, прикрывая свою личную... Так и копится злость, ненависть ко всему. Никакого сочувствия друг к другу, никакой помощи, поддержки в трудную минуту. Все это наоборот пресекается администрацией ... Нам остается освободиться и находить себе друзей таких же или слабых душой, из которых можно лепить что угодно. В конце — возврат к прошлому и больше ничего.

Администрация обращается к нам на языке, ничуть не отличающемся от нашего. Разбрасывают маты, оскорбления, от которых места себе найти трудно, а ответить ничем нельзя. Только сорвать злость на другом или перескрипеть зубами. А злость все копится...»¹

Это письмо одного из многих заключенных. Даже читателю, не знакомому с техникой контент-анализа текстов, видно, насколько содержание письма соответствует описаниям психологического состояния личности, поневоле оказавшейся в системе, где жизнь направлена против самой жизни, взятым из других источников и полученным в результате психологической интерпретации.

¹ Уголовная Россия. Тюремь и лагеря. Выпуск второй. Письма из зоны-87. М., 1993. С. 155.

Человек-заключенный начинает ненавидеть всех людей и весь окружающий мир. Главная эмоция — злоба. Он стремится других («податливых») сделать такими же, как он, подчинять, чтобы срывать на них ненависть к миру. Будущее для него похоже на прошлое, и другой жизни не предвидится.

Исчезают два состояния времени: настоящее и будущее. Человек живет лишь в прошлом, такова отрицательная сила глобальной психологической травмы. В отличие от посттравматического стрессового расстройства, при котором «черная дыра» травмы связана с конкретным событием и существует в подсознании как бы автономно от сознательного субъекта и проявляет себя спонтанно в ситуации, похожей на травмировавшую, — эта травма охватывает всю личность. Человек чувствует ненависть, разрушительную злобу по отношению к людям и жизни вообще.

Поскольку мир не может измениться, прошлое все время воспроизводится в настоящем и будет воспроизводиться, единственный способ избавиться от травмы — уничтожить (сразу или постепенно — как удасться) этот мир. Жизнь становится борьбой. Человек объявляет войну окружающему миру, но при этом объявляет войну и себе, так как он часть этого мира и не может без него существовать.

«Антимиры» существуют на Земле, и не только в воображении поэтов или научных фантастов. «Антимиром» назвал уголовную среду Варлам Шаламов.

В войне против всего и всех не может быть победителя: объявивший эту войну всегда в проигрыше, поскольку ни всех людей, ни саму жизнь он уничтожить не может. Даже если он достигнет цели тотального разрушения, в его памяти зафиксировавшееся прошлое останется и будет воспроизводить в субъективной реальности человека страшный, ненавидимый им внешний мир. Остается единственный выход — лишить жизни себя или потерять память, совершив либо психологическое, либо физическое самоубийство.

Параноик подозрителен, он в каждом подозревает врага; он расставляет сети и ждет, пока человек попадет в ловушку; он жаждет подтверждения своих подозрений, чем создает улики и пользуется ими. Но патология в данном случае нам не подсказчик. Человек, выбравший путь борьбы против жизни, не сомневается, что мир жесток и враждебен, все люди — враги, которые не проявили свои звериные инстинкты лишь потому, что не сложилась ситуация. Жизнь — зло в прошлом, в настоящем и будущем. И не важно, ощущает ли он это до конца

и способен ли выразить словами свое негативное мироощущение, важно, что ощущение существует и определяет поведение и отношение к жизни в целом.

Какое бы дело человек себе ни выбрал, в какую бы группу ни вступил, он будет стремиться к разрушению и, явно или неявно, провоцировать вражду всех со всеми.

Варианты жизни являются социальными изобретениями. Их активно воспроизводят, им подражают, их выбирают, но зачастую они навязываются. Тем страшна «жизнь против жизни», что она распространяется, как чума, и у нас нет вакцины против «расширенного воспроизводства» насилия. Обиженный, озлобленный человек готов мстить за свои обиды всему миру. Молодого Наполеона преследовали и унижали сокурсники по военному училищу, за эти обиды заплатали жизнями на полях сражений миллионы европейских юношей.

Что изобрело человечество, чтобы руками своих представителей уничтожать самих себя! Какие версии «жизни против жизни» навязывает нам прошлое, чтобы разрушить настоящее и лишит будущего?

Первый, самый распространенный и самый чудовищный вариант — война. Арон Коупленд в книге «Солдат и война» анализирует поведение в бою, эмоции и чувства, которые испытывают люди по своей воле или поневоле оказавшиеся в окопах. По его оценкам, не более 15% солдат принимают активное участие в сражении, т. е. совершают хоть какие-то целенаправленные действия для достижения общего успеха и поражения врага. Большинство активных участников боевых действий признается, что убить врага, которого встречают лицом к лицу, даже если он может убить вас, крайне трудно. У нормального, «среднего» человека, что бы о том ни говорили специалисты-этологи, последователи К. Лоренца, существует пресловутый психологический барьер, который препятствует убийству представителя своего вида. Другое дело, что этот барьер может быть сломан. Глобальная травма — первая предпосылка к разрушению психологического барьера «не убий».

Сломать этот барьер может и страх смерти: если ты не убьешь, то убьют тебя. Решающую роль играет давление среды: товарищей по оружию, командиров. Не случайно опытные паханы приучают молодых уголовников не бояться убийства. При разборках приговор приводят в исполнение молодые, и каждый из них должен вонзить свой нож в жертву.

Люди, направленные на целедостижение, мобилизуют массы, вступают в конкуренцию с себе подобными, развязывают конфликты. Уча-

ствовать в них приходится всем. Но не все включаются в дело по убийству себе подобных со страстью и азартом. Массу эмоций порождает война, множество человеческих потребностей, участвуя в ней, может удовлетворить индивид. Он ощущает себя причастным к «великому делу», единицей огромного целого, видит заботу родины о себе. Он жаждет развеять скуку повседневности, поднять свою самооценку, получить признание окружающих и награды от командования. А после победы (никто в ней не сомневается!) наградой будет райская жизнь: развлечения, вино, женщины и т. д., и т. п. Те, кто практически не сможет увидеть победу — «камикадзе», — получают все вышеозначенное превентивно — перед подвигом.

И, однако, не эти наивные люди являются цементом, скрепляющим построенное «великими архитекторами цивилизации» здание войны, а такие, как английский король, персонаж трагедии Шекспира, Ричард III.

«Да не смутят пустые сны наш дух!
Ведь «совесть» — слово, созданное трусом,
Чтоб сильных напугать и остеречь.
Кулак нам совесть, и закон нам — меч».

По стопам Ричарда III идут легионы героев всех войн и межгосударственных, и гражданских, которые гордились тем, что могут разрубить человека от плеча до седла одним ударом (как маршал СССР Семен Михайлович Буденный). Наемные и добровольные армии дают возможность разгуляться убийцам и проявить себя во всей красе. Но не будем вступать на скользкую тропу политических оценок.

Злобные и агрессивные молодые люди, нарушители воинской дисциплины, не вылезавшие в мирное время с гауптвахты за неповиновение офицерам, самоволки, пьянство и казарменное хулиганство, зачастую становятся самыми активными бойцами, готовыми всегда идти на риск и рисковать жизнью подчиненных ради уничтожения врага. Командир одного из разведывательных подразделений, отличившихся на войне в Чечне, откровенно рассказывал, что набирал бойцов для пополнения среди десантников, сидевших на гарнизонной гауптвахте.

Особо широкое поле деятельности по уничтожению человеческой жизни и мести миру предоставляют гражданские войны, революции и сопровождающий их террор.

Психические особенности и поведение членов всяких комитетов общественного спасения, народных и революционных трибуналов, ЧК и НКВД подробно описано в отечественной и зарубежной науч-

ной и художественной литературе. Интересующихся отсылаю к работам С. Сигеле, Р. Фулье, Г. Лебона, опубликованным в книгах «Психология толпы», «Революционный невроз» и «Преступная толпа», выпущенных издательством КСП в 1998 г.

Война не происходит по заказу или по воле отдельной личности, но ненависть к жизни нужно реализовать. Возникло такое явление, как наемничество. Некий Хаттаб, восплававший исламской идеей, сеет смерть в России. Кондотьеры времен Данте или Цезаря Борджиа убивали, жгли и насиловали в прекрасной Италии. Сегоднешний день — не исключение. Еще раз обращаюсь к тексту Ю. М. Антоняна: «Подтверждение вечности преступного насилия можно найти в современных реалиях, прежде всего в действиях наемников. Все эти “дикие гуси”, “псы войны”, “солдаты удачи”, часто обряжающиеся в маскарадные одежды “добровольцев”, “борцов за идею” или “патриотов”, рвутся в районы боевых действий отнюдь не только ради наживы, иногда и немалой. Мощный стимул для них — возможность реализовать свою потребность в насилии, т. е. убивать, калечить, уничтожать. Наемничество — такое же древнее явление, как и война. Помимо натурального и денежного вознаграждения платой наемникам очень часто было право разграбления захваченных земель и городов противника. То, что в это же время они убивали, насиловали и жгли, считается неизбежным спутником их профессии, которая, кстати сказать, запрещается целым рядом международных соглашений и национальным законодательством отдельных стран.

В наши дни кровавые деяния наемников можно отметить в военных действиях в Приднестровье, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Абхазии, Чечне. К наемникам часто примыкают и те, кого никто не звал, т. е. разного рода сброд, и местные жители, которые тоже не прочь пострелять и пограбить, почувствовать себя хотя и ненадолго «полными хозяевами». Особенно опасны снайперы или мнящие себя таковыми (среди них и женщины), стреляющие по всему живому, и чье поведение определяется только потребностью в насилии. Характерно, что зачастую они продолжают убивать и тогда, когда объявляют прекращение войны, и это означает, что мир их совершенно не устраивает»¹.

Вторая возможность реализовать ненависть по отношению к жизни обычных людей — стать уголовником. «Преступный мир» блатарей описан Варламом Шаламовым, а за ним — сотнями журналистов, пи-

¹ Антонян Ю. М. Жестокость в нашей жизни. М.: Инфра-М, 1995. С. 51.

сателей, социологов и психологов (в меру их таланта). Я не сталкивался вплотную с уголовной средой, а знания, не оживленные личным опытом, не убеждают. Поэтому пропущу описание еще одного прибежища человеческой ненависти и отошлю заинтересованных читателей к соответствующей литературе.

Третий путь — революционные, главным образом террористические организации. Терроризм, несмотря на угрозу, которую он представляет для граждан всех цивилизованных государств, — слабо изученное явление. Главная декларируемая цель любой террористической организации — изменить существующий порядок вещей в государстве: добиться независимости этнического меньшинства, разрушить политический строй, достичь преимуществ для той социальной группы, от лица которой выступает террорист.

Террористы надеются запугать общество, посеять страх, неуверенность в будущем. Они пытаются внушить обществу, что государственные органы не контролируют ситуацию и не способны защитить людей от террора. Средства весьма разнообразны: от убийств политических лидеров и взрывов на вокзалах, рынках, кафе до взятия заложников и расстрела невинных.

Жертвой террористов может быть любой человек. Взрыв авиалайнера или крушение автобуса приводят к массовым жертвам. Гибнут не враги террористов — полицейские, военные или представители правящих кругов, а обычные граждане.

Террорист воистину сеятель смерти. Испытывающий чувство отверженности от повседневной жизни людей, социальный неудачник с комплексом неполноценности и манией величия, он мстит миру за свое обездоленное детство и отсутствие жизненной перспективы. Принадлежность к закрытой группе, выход из которой чреват смертью, дает ему ощущения единения с людьми и сопричастности «великому делу».

На смерть его ведет идея «освобождения родины», «счастья нации», «классовой борьбы» или только «борьбы с антинародным режимом».

Идея может быть любой. Внутренняя мотивация личности выявляется не в выборе целей, а в выборе средств, а средство всегда одно — убийство.

Власть над жизнью и смертью других людей и собственной жизнью и смертью — вот что движет террористом. Ненависть к «этой жизни» ничтожных обывателей, конформистов заставляет их вести борьбу, которая никогда не заканчивается победой.

Не вполне так — победа может быть на время, даже на десятилетия. Примером является захват власти большевиками, анархистами и левыми эсерами в России. Но маховик террора раскручивается и сметает всех и вся, в том числе — «победителей». Они ложатся под нож гильотины по приговору своих же товарищей. Их отправляют в колымские и мордовские лагеря. Их уничтожают в «ночь длинных ножей» или среди бела дня — во время «культурной революции».

Террор не может победить, ибо там, где есть сопротивление, где остается хотя бы клочок нормальной человеческой жизни, оттуда идет наступление на террор.

Террорист может победить, только уничтожив все человечество. Этот сюжет реализуется в десятках голливудских фильмов о маньяках, создавших сверхоружие или пытающихся захватить ракеты с ядерным зарядом и угрожающих всему миру.

Чаще всего, в соответствии с бредовым сценарием террористов побеждает герой-одиночка, при скромном участии и поддержке немногочисленных друзей и добропорядочных граждан. Так в массы внедряется иллюзия о помощи богов и героев, которая всегда подоспеет вовремя.

Немногочисленные психологические исследования личности террористов выявили присутствие в их рядах личностей двух типов. Среди лидеров преобладают жестокие, эмоционально холодные люди, стремящиеся к абсолютному господству над окружающими с завышенной самооценкой и развитым интеллектом. Среди рядовых членов групп чаще встречаются личности зависимые, внушаемые, обиженные на весь мир, эмоционально неуравновешенные.

Объединяют и тех и других ненависть к окружающему миру, отчужденность от него, восприятие мира как постоянного источника угрозы, агрессивность и жажда власти, точнее — стремление навязать свою волю людям.

Такой психологический портрет чрезвычайно похож на выявленный криминологами и юридическими психологами тип личности преступников, совершавших насильственные преступления: садистов, серийных убийц, насильников и т. п. Эти данные получены отечественными и зарубежными учеными в результате многочисленных исследований сотен осужденных.

Главные черты, характеризующие убийц, — эмоциональная холодность, отсутствие эмпатии и сопереживания людям, неумение поставить себя на место другого. Они чрезвычайно эмоционально ранимы

и самолюбивы. Любое слово, которое задевает их «Я», оценивается как смертельная обида. Они не умеют контролировать поступки и сдерживать эмоции. Крайняя агрессивность и жестокость сочетаются в их характере с неуверенностью, ограниченными возможностями адаптации в ситуациях межличностного общения.

Злопамятность является следствием повышенной эмоциональной чувствительности и, главным образом, тугоподвижности (ригидности) эмоций. Эти люди застревают на отрицательных переживаниях, постоянно возвращаясь к травмировавшим их поступкам и словам других людей, вынашивая различные сценарии мести. Иногда травмирующая ситуация уходит в подсознание, вытесняется. Но старые обиды не стираются из памяти. Эмоциональные раны, полученные в раннем детстве, не рубцуются, сохраняясь всю жизнь.

У преступников затруднена правильная оценка внешних событий и при этом чрезвычайно развита подозрительность и мнительность. Любое препятствие в их жизни рассматривается как следствие злых козней, которые строят другие люди. Они обвиняют в своих неудачах и бедах только других и практически никогда — себя. У них часто встречаются параноидные черты, а как известно, у параноидных личностей главным механизмом психологической защиты является проекция.

Они наделяют своими мыслями, чувствами других людей, приписывая им планы, намерения, которые те не имели. Своей агрессией, ненавистью к миру в целом и к отдельным людям в частности уголовник психологически наделяет других.

Совершенное убийство насильник расценивает как самозащиту, акт справедливого возмездия, борьбу со злом. Иногда он не может объяснить причины убийства или жестокости. Это объясняется глубоко вытесненными в подсознание психологическими травмами. Убивая маленького ребенка, преступник совершает акт расплаты со своим прошлым и с собой в лице ребенка как с источником боли.

Насильственные преступники (этот факт отмечают многие криминологи) способны действовать только на физическом уровне, во «внешнем плане действия», и я бы добавил — «во внешней жизни». Они не способны психологически компенсировать нанесенную обиду, поскольку внутренний духовный мир у них обеднен. Духовная жизнь упрощена, «одномерна», бледна и невыразительна. Там присутствуют лишь темные и серые тона, огромное место занимает раздувшееся от психической боли, как нагноившаяся конечность, личное «Я», кото-

рое захватывает в свою орбиту все, чего касаются интересы личности: собственность, группы, женщины (с которыми он может быть едва знаком) и т. д. Все это защищается от угроз со стороны страшного мира, где живут злые мерзкие люди. Этот мир занимает очень небольшое место в психическом пространстве личности насильника и убийцы, но и оно должно принадлежать «Я».

Ввиду слабо развитых внутриспсихических механизмов психологической защиты и переработки эмоциональных травм победить страшный и ненавидимый мир можно только внешним действием. Насильственный преступник живет только «внешней жизнью», «жизнь внутренняя» для него недоступна. Даже предметы, мастерски изготовленные заключенными, подтверждают этот вывод: это искусно воспроизведенные образцы, но среди них практически не встречаются оригинальные поделки. Тем более нет высокохудожественных текстов, изобретений, открытий.

Некрофилия, описанная Э. Фроммом, — характерная черта особо жестоких убийц. Их характеризует страсть к смерти, трупам, тлену, стремление все живое превратить в мертвое.

Очевидно, некрофилия — крайняя степень вражды к жизни, когда ненависть к ней перерастает в любовь к смерти.

Человек, движимый жадой убивать, желанием уничтожить живое и жить среди трупов, наслаждаясь их видом, запахом и пр., — апофеоз варианта борьбы против мира людей. Патологически обостренная и увеличенная защита своего «Я», своего бытия, тревожность и ожидание нападения со всех сторон, страх быть оскорбленным и униженным в любой момент, который некоторые исследователи почему-то принимают за страх перед физической смертью, побуждает человека на борьбу с людьми. И в заключение, о результатах исследования преступников, проведенных В. П. Голубевым и Ю. Н. Кудрявцевым с помощью методики ММРІ (многофакторного личностного опросника).

У преступников наблюдались повышенная импульсивность, ригидность, застреванность на отрицательных эмоциях, подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность в межличностных отношениях, они склонны к уходу в себя и дистанцированию от окружающего мира. Преступник ощущает хрупкость и ненадежность своего бытия и видит единственное средство спасись самому в уничтожении других.

Сложнее всего ответить на вопрос: какие черты являются predisposing к выбору человеком «борьбы против жизни», а какие —

следствием этого выбора (или следствием включения личности в борьбу с миром помимо его воли)? На мой взгляд, первичным является крайняя эмоциональная чувствительность и ригидность эмоций в сочетании с неразвитостью душевного мира. Травма, нанесенная личности в любой (подчеркиваю!) период ее жизни, толкает человека на путь борьбы против зла, и все остальное есть результат изменений личности, которая подчинила себя законам борьбы с жизнью.

Наиболее талантливые и компетентные ученые, в частности — Ю. М. Антонян, неоднократно отмечали, что искать причины крайней жестокости, насилия следует не на поверхностном уровне (социальном, биологическом и даже личностно-психологическом), а на бытийном уровне, рассматривая основные отношения личности с жизнью и смертью, с другими людьми, миром в целом и самим собой. Экзистенциальная психология должна подобрать ключи к сейфу, где скрыта тайна человеческого бытия.

Как это ни парадоксально, ряд особенностей «жизни против жизни» сближает ее с «жизнью как целедостижением». И в том, и в другом случае настоящее расценивается как некоторый переход к будущему, а люди и мир — как требующие преобразования. И человек, направленный на целедостижение, и человек, направленный на уничтожение, стремятся подчинить себе других и продлить жизнь за их счет, одни — путем эксплуатации, а другие — путем издевательств и уничтожения. Но человек целедостигающий убежден, что ему, да и всем другим, предстоит светлое будущее, он подсознательно уверен в бессмертии. Между тем как насильник, террорист и убийца не верят в рай на земле ни в настоящем, ни в будущем. Подсознательно или сознательно они не хотят достичь внешних целей, их внешняя цель — уничтожить мир и себя вместе с ним. Они не рассматривают людей как средство. Сравните — у Пушкина:

«Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно».

Для борца с жизнью любой человек — «предмет» его «труда», объект, который следует превратить в труп.

«Жизнь-целедостижение» при всей бессмысленности и нереальности целей, к которым стремятся люди, воспроизводясь, оставляет не только руины городов и останки побежденных, но и заводы, произве-

дения искусства, тексты и храмы. Люди, ненавидящие жизнь, оставляют после себя лишь пепел и ненависть.

Банды подростков и юношей, терроризирующие окрестности и устраивающие бесконечные разборки между собой, культивируют жестокость по отношению к своим членам. Не принадлежать к какой-либо группировке в Казани 1980-х гг. — значит обречь себя на постоянное преследование и беззащитность. Поэтому юноши и девушки поневоле втягиваются в мир насилия и жестокости.

Произвольный выбор демонстрируют группы футбольных фанатов. Английские дети и подростки, которых жестоко унижали и преследовали в семье или в школе, нашли выход злобе к окружающему миру, став взрослыми и объединившись в банды фанатов «Ливерпуля», «Манчестер Юнайтед» или «Арсенала». Полиция благополучных западноевропейских стран в ужасе и беспомощности от бесчинств взрослых парней и мужчин на улицах городов и на стадионах. Болезнь оказалась заразной, и по улицам российских городов идут полувойенные отряды фанатов «Спартака» и «ЦСКА». Футбол для них, по большому счету, безразличен, результаты игры — тем более. Им важно выплеснуть агрессию, злобу на окружающий мир: избить болельщиков клуба соперников, напасть на «ментов», разгромить ларьки по дороге и сжечь машины «богачей», попавшиеся под горячие руки и дурные мысли.

Игрушечная война объявлена, но появились отнюдь не «виртуальные», а реальные жертвы — раненые, убитые...

Информационная цивилизация открывает новые возможности для проявлений человеческой деструктивности. «Передовой отряд» борцов против человечества — авторы и активные распространители компьютерных вирусов. Они, как правило, действуют в одиночку. Деструктивный результат их деятельности — вышедшие из строя системы, миллиардные убытки, потраченное время и деньги миллионов людей. Отрицательные эмоции, сеятелями которых они стали, захлестывают Интернет.

Скудные сведения о них, попадающие в научную и научно-популярную печать, рисуют уже знакомый портрет аутичной, тревожной, неконтактной, ненавидящей мир личности (юноши, реже девушки в возрасте от 15 до 25 лет, жаждущие величия и власти над миром, хотя бы и виртуальным).

Нам еще предстоит увидеть в скором будущем информационные войны, торжество насилия и жестокости в «виртуальном мире». Высокий

интеллект хакеров не стал препятствием для проявления кипящей внутри их психического мира злобы по отношению к миру внешнему.

Продуктами, точнее отходами «жизни против жизни» являются фильмы Тарантино, Верховена, а также — их российских «подражателей». Компьютерные игры с осмысленными сценариями, в которых игроку каждое мгновение угрожают «виртуальным убийством», а единственный способ спастись — уничтожить все движущееся и живое, формируют представление детей и подростков о жизни как вражде, о времени как зле, которое надо проскочить, дабы избежать смерти от врагов.

Но в конце личного виртуального времени — все равно смерть.

«Жизнь против жизни» — «антимир», вторгшийся и пожирающий наше повседневное человеческое бытие. Воистину, люди, примкнувшие к этому варианту человеческого существования или выбравшие его, являются послами смерти и ее рассадниками, воображая себя борцами со злом.

«Антимир», как ему и положено, пожирает наш привычный, не столь уж уютный, но единственный мир, лишая нас времени.

Лишение времени — самое страшное наказание. Неслучайно в приговоре для преступника главное — срок заключения, а особенности заключения (одиночное, в лагере и пр.) — нечто второстепенное. Ограничение в пространстве — ничто по сравнению с насильственным изъятием времени из человеческой жизни. Бог — дал, бог — взял. Новоявленные «боги», точнее посланцы и подданные сатаны, пытаются играть роль всеобщего судьи, роль самой смерти.

Избавиться от боли, от угрозы, причиняемой жизнью, можно еще одним способом — уничтожить самого себя. Однако психологическая подоплека самоубийства противоположна психологическим личностным причинам убийства и насилия.

Мир потенциального самоубийцы трагичен: печально настоящее и таким же будет будущее (а может быть, его вообще не будет), прошлое было прекрасным. Психологическая экзистенциальная травма не в прошлом, а в настоящем. Это — одиночество. В психологическом пространстве «Я» человека становится крохотным, отрицательным, ничтожным, а мир — огромный, красивый, хороший, но чужой и недоступный.

Причиной своих неудач потенциальный самоубийца считает себя — маленького, ничтожного и отверженного окружающими, а не внешний

мир. Поэтому он готов уничтожить себя, и все в мире будет хорошо, если его не будет. Острое одиночество он не может преодолеть, потому что люди, принадлежащие этому огромному и прекрасному миру, где цветут и благоухают цветы, ходят красивые женщины, летают птицы и «Бонинги-747» — эти люди считают его ничтожным и ни на что не годным. Да он и сам знает о своей непригодности для этой жизни... Добровольное прекращение бытия — психологическая загадка и предмет отдельного большого исследования.

В этом мире борются не добро и зло, а жизнь и смерть. Великий русский ученый Лев Николаевич Гумилев объяснял тенденцию борьбы с жизнью и живым принадлежностью человека к «антисистеме».

Внутренним условием выбора варианта «жизни против жизни» я считаю чрезвычайно эмоциональную чувствительность и ригидность психики некоторых людей с бедной душевной жизнью и экстравертным (направленным к внешнему миру) сознанием. Главная причина — глобальная, лучше ее назвать «экзистенциальной», психическая травма, результат пережитого насилия и жестокости. «Внешние условия» — само существование «жизни против жизни» как некоторого процесса, переходящего из прошлого в будущее и увлекающего в свое течение все новых и новых людей. Процесс этот подобен лавине, сметающей нас с лица Земли. И непонятно, как эту лавину остановить.

Что является главным «врагом»: насилие как способ действия, группирование людей, воспроизводящих насилие, или их сверхвысокая чувствительность и аффективность? По поводу последнего приведу слова Мигеля де Унамуну: «Говорят, что человек это разумное животное. Но почему бы не сказать, что человек есть животное аффективное, или чувствующее? И, может быть, от всех остальных животных его отличает чувство, нежели разум. Я часто видел своего кота думающим, но никогда не видел его смеющимся или плачущим. Не исключено, конечно, что внутренне он плачет или смеется, но точно так же можно предположить, что и рак в глубине души решает уравнения второй степени»¹.

Ближе всех подошел к разгадке Эрих Фромм: ответ — нарциссизм. Раздутое до невероятных размеров «Эго» некоторых людей, самовлюбленность до страстного самообожания и равнодушие ко всему, что находится за пределами «Я», — эгоцентризм и эгоизм, являются главной

¹ Унамуно М. де. О трагическом чувстве в жизни людей и народов. М.: Символ, 1997.

почвой, на которой произрастают ядовитые растения — человеческая ненависть и жестокость. Но, вопреки Фромму, не современная цивилизация породила злокачественную агрессию. Она всего лишь самоподдерживающийся и катастрофически усиливающийся процесс «жизни против жизни», развивающийся по механизму положительной обратной связи и захватывающий в себя все новые и новые поколения, народы, страны.

Могут ли жертвы непротивлением злу насилием остановить лавину взаимоуничтожения? 2000 лет христианской эры показали, что люди не способны следовать словам Нагорной проповеди.

И все же еще раз (я не оригинален!), как и тысячи авторов до меня, процитирую Евангелие от Матфея:

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобой, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся. Вы слышали, что сказано: люби ближнего своего, и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

«Экзистенциальный конструктор», или Жизнь как предмет творчества

Как искатели изумрудов, перебирающие руками тонны песка и гравия, мы надеемся найти счастье здесь и сейчас.

«Сознание, разум и воображение нарушили гармонию животного существования. Их появление превратило человека в аномалию, в каприз универсума. Человек — часть природы, он подчинен физическим законам и не способен изменить их; и все же он выходит за пределы природы... Брошенный в этот мир в определенное место и время, он так же случайным образом изгоняется из него. Осознавая себя, он понимает свою беспомощность и ограниченность собственного существования. Он предвидит конец — смерть. Он никогда не освободится от дихотомии своего существования; он не может избавиться от тела, пока жив, и тело заставляет его желать жизни»¹.

Нам отпущен миг времени и частица свободы для того, чтобы распорядиться своим мгновением, искрой сознания, осветившей мир. Ощущение времени как ресурса, «шагреневой кожи», убывающей независимо от удовлетворения или неудовлетворения наших желаний (вопреки О. Бальзаку), — это ощущение присуще лишь взрослым людям, имеющим возможность и желание размышлять о жизни.

Человек, погруженный в повседневность, защищен от страха смерти. Это самый надежный механизм защиты — возможность погрузиться в заботы и обязанности, не думая о смысле жизни.

Собственно, не каждому предоставляется возможность размышлять на тему «быть или не быть». Подавляющее число людей на Земле до сих пор погружено в тяготы повседневного существования: нужно лечить своих детей и заботиться о стареющих родителях, в поте лица добывать хлеб и картофель насущный, учиться или ежедневно восемь, а иногда и больше часов посвящать службе.

Люди вырываются из объятий «жизни-выживания», устраивая себе праздники: дни рождения, «золотые» и «серебряные» свадьбы, ново-

¹ Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989. С. 158.

годние праздники и карнавалы. Но социальные условия вновь погружают их в борьбу с обстоятельствами. Ничтожные зарплаты и пенсии вынуждают людей предпринимать сверхусилия для поддержания своего существования на минимально приемлемом уровне. Но опять отключают электроэнергию, газ или горячую воду, и нужно доставать русскую «буржуйку» или керосиновую японскую печку. Человек не может привыкнуть к холоду, голоду и боли, а на лекарства нет денег...

По отношению к миллионам людей психологические рассуждения об активном выборе жизненного пути и самоактуализации звучат по меньшей мере нелепо.

Люди хотят «иметь» и не хотят «быть» не потому, что это результат их выбора (сознательного или бессознательного), а потому что необходимость биологического, психологического и социального выживания требует усилий для приобретения колбасы, одежды, обуви, мебели, машины.

Давление на личность, оказываемое социальным окружением, кастой, классом, настолько велико, что личность не может не приобретать атрибуты, вновь и вновь символизирующие принадлежность к определенному слою, иначе она будет вышвырнута за пределы социальной группы, что равнозначно порой психологической и даже физической гибели. Так гибли люди, покинутые сородичами, в эпоху палеолита.

Если десятки миллионов жителей России в начале XXI в. ведут «жизнь-выживание», то какие экзистенциальные проблемы мы — психологи — должны решать?

Проблемы существования возникают у человека, имеющего возможность выбрать, а затем пересмотреть свое решение, имеющего возможность думать о смысле своего и всеобщего бытия. Обратимость жизненного выбора — идея нереализуемая. Время необратимо — в одну реку не войти дважды, однако размышлять о смысле своей жизни может каждый.

Человек, осознавший время своей жизни как невосполнимый и ограниченный ресурс, может сделать попытку реконструировать свою жизнь. Но для этого необходимы уникальные условия. Во-первых, никакие внешние события, воздействие других людей, природные и психические катастрофы и прочее не должны браться в расчет.

Во-вторых, у человека должна быть минимальная внешняя гарантия его долговременного физиологического существования: крыша над головой, сумма на счете или долговременная работа, обеспечение

под старость, возможность лечения на случай болезни и т. д. — все, что мы называем «социальной защищенностью».

Неслучайно на Западе люди активно конструируют свою жизнь и распоряжаются временем как ресурсом после ухода на пенсию. Они выбирают себе хобби, активно путешествуют, общаются, участвуют в социальной жизни. Как правило, все это вписывается в рамки «жизни как времяпрепровождения». Для всех прочих, стремящихся полноценно использовать время, существуют гедонистический и альтруистический варианты. Вариация на тему последнего — «благоговение перед жизнью» Альберта Швейцера, служение людям, спасение их жизни. Напомню, что А. Швейцер посвятил себя врачебной деятельности, а именно — уходу за прокаженными в далеком от европейской цивилизации Габоне. Но основной путь — творческий подход к самой индивидуальной жизни, реализуемый как своеобразный рефлексивный вариант «жизни как творчества» (см. соответствующую главу).

Предметом конструирования становится сама жизнь, либо своя, либо чужая. Но «творческое» сознание присуще далеко не всем. Трудно самостоятельно изобрести вариант жизни. Поэтому в конце XX в. возник рынок «стилей жизни». Множество интеллектуальных течений, школ, сект, религиозных общин, общественных организаций предлагают на выбор разнообразие «стилей жизни», будь то «путь воина» или участие в психотерапевтической «группе встреч», которое для многих действительно превращается в образ жизни.

Свобода выбирать или конструировать собственный стиль жизни — достижение постиндустриального, информационного общества. Жизнь превращается в творческий процесс пересоздания самой жизни. И, разумеется, многие «кустарные» попытки создания собственных вариантов бытия не сравнимы с легкой возможностью выбора этих вариантов, как не сопоставимы по качеству автомобиль-самоделка и «мерседес» класса SL.

Индустрии «вариантов жизни» противостоит не только индивидуальное, но и групповое конструирование. Две среды его реализации — молодежная субкультура и субкультура людей пожилого возраста. И те и другие находятся за пределами «настоящей жизни»: одни — еще, другие — уже. На мой взгляд, до сих пор попытки создания новых «вариантов жизни» были малоуспешными.

Движения «битников», «хиппи», «панков» характеризуются не только внешней атрибутикой, действиями и некоторой «идеологией», но и психологическим подходом к жизни.

Но выходят ли эти подходы за пределы уже выделенных здесь, в этой книге вариантов? Субкультура «хиппи», связанная с культом наркотиков и измененных состояний сознания, секса, творчества и пассивного неприятия жизни как борьбы, несомненно, является вариантом «жизни-ухода» («жизнь есть сон»). «Панки», агрессивные и не скрывающие свою деструктивность, воплощают своим поведением «жизнь-борьбу» (см. главу «Жизнь против жизни»).

Артемий Троицкий вспоминает в своей книге «Рок в СССР» (в английском варианте «Back in USSR»), что секретарь ЦК Егор Лигачев так возразил на инициативу организации концерта «Рок против наркотиков»: «Бороться роком против наркотиков — это все равно, что проституцией — против венерических заболеваний». Осмелюсь сказать, что Е. Лигачев был компетентен, об этом свидетельствуют судьбы рок-музыкантов Джимми Хендрикса, Курта Кобейна, Джима Моррисона и многих, и многих других.

Неудачи не останавливают изобретателей. Хотя стили жизни древнеафинских киников, китайских последователей Лао Цзы или египетских монахов-столпников очень близки к некоторым пропагандируемым сегодня.

И все же конец XX в. предоставил невероятные доселе возможности хотя бы некоторым людям избавиться от необходимости выживания, от диктата социума, не выходя за пределы сообщества, не отказываясь от благ цивилизации и достижений культуры, как это должны были делать те же киники, чтобы обрести свободу выбора.

Не является ли этот выход из «царства необходимости» в «царство свободы», о котором мечтал Карл Маркс, очередной иллюзией? Может быть, идея о выработке каждым человеком индивидуального стиля жизни — идея, которая принадлежит Альфреду Адлеру, скоро перестанет быть пожеланием, теоретическим построением и воплотится в реальность?

Но способен ли человек этой возможностью воспользоваться? Главная проблема — в преодолении давления массового производства «стилей жизни» на человека-потребителя.

Что же предлагают на рынке? Естественно, основной предмет спекуляций — человеческое бессмертие или хотя бы продление жизни. Здесь победитель хит-парада — «Дианетика», произведенная на свет божий Р. Хаббардом.

Бесчисленные «системы оздоровления» рекомендуют бег трусцой и диеты, занятия бодибилдингом и аэробикой: хороший внешний вид

и внутреннее здоровье создают иллюзию бессмертия и продлевают молодость. Но с системами, пропагандирующими здоровый образ жизни, конкурируют системы, предлагающие различные способы «ухода» или «улета». Информационная цивилизация породила компьютерную виртуальную реальность. Компьютерные игры — изобретение, преобразовавшее жизнь сотен миллионов людей. Они, как и любая игра, — являются упрощенной моделью «подлинной жизни». Компьютерная графика позволяет создать «эффект присутствия», чтобы человек мог уйти от жизненных проблем: «Сегодня уход из реального мира при помощи систематических и натуральных веществ считается серьезным нарушением законов в большинстве развитых государств. Возможно, компьютерные игры существуют только потому, что никто не ждал угрозы дереализации сознания именно со стороны компьютеров. Компьютерная иллюзия меньше разрушает человеческий организм. Она более управляема — игрок в любой момент может отвернуться от монитора или просто закрыть глаза»¹.

Революцией в создании эффекта присутствия стало изобретение системы, включающей «перчатку», «шлем виртуальной реальности» и программное обеспечение, которая подает управляемое синтезированное телеизображение на каждый глаз человека. Датчики отслеживают положение головы игрока, и компьютер порождает картину мира, видимого из данной точки виртуального пространства под необходимым углом зрения. По мнению психологов, пребывание в виртуальной реальности, в мире компьютерной игры является вариантом «сна наяву». Человек находится в измененном состоянии сознания и получает от этого удовольствие: «Сознание для игры не нужно: эффект присутствия... создан из инвариантов, мир игры — из архетипов. Наиболее яркий признак бессознательной направленности Дум-образных игр — отношение к категории времени. В сознании оно есть: волевым решением человек может отложить свои плотские потребности “на потом” или привести их исполнение в соответствие с прошлым опытом. В бессознательном и в Дум-образных играх времени нет. Прошлое в игре сложно отличается от будущего: трупы исчезают, следов перестрелки не остается»². Возникает иллюзия обратимости действий, отсутствия в мире «стрелы времени» и ощущения вечности, возобновляемости су-

¹ Бурлаков Игорь. Номо Gamer. Психология компьютерных игр. М.: Класс, 2000.

² Там же. С. 42.

ществования. Поток переживания жизни становится абсолютно контролируемым. Итак, компьютерная виртуальная реальность есть еще одна версия «жизни-грез», «жизни-сна», современный заменитель алкоголя, наркотиков и психотехник, погружающих человека в «нирвану». Это одна из многочисленных попыток дать человеку возможность забыться, уйти от сложности реальной жизни и ощутить себя вне времени.

Но не является ли погружение с головой в заботы повседневности таким же способом уйти от проблемы жизни и смерти, как компьютерная игра или отдых на Канарских островах? Вспомним слова Блеза Паскаля:

«Человек с самого детства только и слышит, что он должен печься о собственном благополучии и добром имени и о своих друзьях, и вдобавок о благополучии и добром имени этих друзей. Его обременяют занятиями, изучением языков, телесными упражнениями, неустанно внушая, что не быть ему счастливым, если он и его друзья не сумеют сохранить в должном порядке здоровье, доброе имя, имущество, и что малейшая нужда в чем-нибудь сделает его несчастным. И на него обрушивают столько дел и обязанностей, что от зари до зари он в суете и заботах. “Что за диковинный способ вести человека к счастью, — скажете вы. — Вернейший, чтобы сделать его несчастным!” — Как, вернейший? Есть куда вернее: отнимите у него эти заботы, и он начнет думать, что он такое, откуда пришел, куда идет, — вот почему его необходимо с головой окунуть в дела, отвратив от мыслей. И потому же, придумав для него множество важных занятий, ему советуют каждый свободный час посвящать играм, забавам, не давая себе ни минуты передышки».

Крайние, «чистые» варианты жизни являются идеальными типами и редко реализуются в реальности. Жизнь каждого «среднего» человека мозаична: в ней представлены ритуалы и «подготовка к жизни», выпивка и любовь на лоне природы, рабочие обязанности и хобби. Как из деталей конструктора, собирается из разноцветных кусочков времени наша единственная и неповторимая жизнь.

И, слава Богу, если в ней находится место творчеству — реализации нашего небольшого внутреннего богатства, которое и дорого потому, что пропадает вместе с нами.

Потому возмущают попытки лишить нас той малой толики свободы распоряжаться собой и своей жизнью, которая отпущена нам по милости природы или господ Бога. Нет ничего более трагичного, чем

видеть прочерк, пустоту между двумя датами — рождения и смерти. Благо свой прочерк мы не увидим.

И все же человек, бессильный перед смертью, не бессилен перед страхом смерти. Психологические кудесники дают рекомендации, как не бояться смерти, и не заслуживают ничего, кроме иронии. Человек боится, но он не должен сдаваться врагу, который неизбежно победит. Духовная устойчивость, воля сопротивления продлевают человеку жизнь, и продлевают жизнь человечеству. Перед лицом явного врага — деструктивной агрессии («антижизни») и перед врагом неуловимым — смертью он не сдается, отбивая секунды, минуты, дни, а порой и годы в безнадежном, по сути, поединке. Не надеясь на кудесников от науки — медиков, физиологов, генетиков, он решает проблему доступными средствами: мобилизует себя и лишь изредка прибегает к помощи врачей и психологов.

Он изобретает, конструирует себе смысл жизни, вопреки тому, что жизнь и мир в целом лишены какого-то ни было смысла. Но иллюзия «смысла жизни», выходящего за пределы индивидуального человеческого существования, — единственная иллюзия, которая заслуживает доброго слова. И тогда жизнь человека превращается в «жизнь-служение» другим людям, делу, миру в целом, Богу и т. д. Христос — Спаситель человечества пришел в мир, принеся себя в жертву. Спасатель — самая, может быть, уважаемая сегодня профессия, он не совершает саможертвоприношения, но, разгребая завалы бытия, дает нам шанс еще раз взглянуть на красоту мира и ощутить кожей трагедию собственной жизни.

Три роли достойны человека: роли спасателя, защитника и созидателя. Созидатель, конструктор, рабочий, художник, ученый, ученик и учитель, мать и отец, друг и подруга — они воспроизводят и обновляют жизнь. Защитник, полицейский, солдат, пожарный и сторож защищают жизнь от внешних угроз. Спасатель, врач, психолог, священник продлевают физическую и духовную жизнь. В поединке с деструктивной агрессией и бессмысленностью существования единственный смысл индивидуального бытия не является иллюзорным: продолжение жизни человечества. Только продолжение нашей духовной жизни в других: в детях, учениках, друзьях, любимых — дает шанс, что память о нас уцелеет. Ибо нельзя после смерти заставить людей вспоминать о себе добрым словом. Если «гении», уничтожившие миллионы, живут в памяти новых поколений усилиями поклонников смерти, то и нам предоставляется маленький шанс сохранить память о себе еще

несколько десятков лет благодаря любви к людям. Это единственный шанс, так как наша память, что бы там ни писал Франкл, умрет вместе с нами.

Поэтому поблагодарим судьбу и случай, который забросил нас в этот крохотный участок «пространства — времени», в эпоху, когда можно — я надеюсь — думать, говорить и действовать в соответствии со своими желаниями и способностями, не рискуя многим, когда можно созидать свою уникальную жизнь. Иногда позволяют жить только по канону, полностью воспроизводя написанный кем-то сценарий. Бывают времена, когда допустимы вариации жизненного пути в пределах заданной темы.

В самые лучшие эпохи допускается и приветствуется импровизация, вольность мыслей и поступков в рамках правил. Творчество царит тогда, когда людям нужны новые правила жизни. Но, когда жажда перемен сочетается с отсутствием ответственности и на авансцену выходит своевольное «Я», творчество перерастает в абсурд.

Канон — вариация — импровизация — творчество — абсурд: есть выбор!

Заключение, оно же — эпитафия

«Независимо от того, является человек писателем или читателем, задача его состоит, прежде всего, в том, чтобы прожить свою собственную, а не навязанную или предписанную извне, даже самым благородным образом выглядящую жизнь.

Ибо она у каждого из нас только одна, и мы хорошо знаем, чем все это кончается. Было бы досадно израсходовать этот единственный шанс на повторение чужой внешности, чужого опыта, на тавтологию — тем более обидно, что глашатаи исторической необходимости, по чьему наущению человек на тавтологию эту готов согласиться, в гроб с ним вместе не лягут и спасибо не скажут».

Иосиф Бродский. Нобелевская лекция

Дружинин Владимир Николаевич

Варианты жизни

Заведующий редакцией
Ведущий редактор
Выпускающий редактор
Художественный редактор
Корректор
Верстка

*П. Алесов
О. Кувакина
Е. Егерев
С. Маликова
Н. Сулейманова
Е. Егерев*

Подписано в печать 16.02.10. Формат 60 × 90/16. Усл. п. л. 10. Тираж 1200. Заказ
ООО «Лидер», 194044, Санкт-Петербург, пр. Б. Сампсониевский, д. 29а.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 — литература учебная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906».
195299, Санкт-Петербург, Киришская ул., д. 2.

Тел.: (812) 531-20-00, (812) 531-25-55

КНИГА-ПОЧТОЙ

Серия «МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ»

В. Н. Дружинин

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩИХ СПОСОБНОСТЕЙ. 3-е изд.

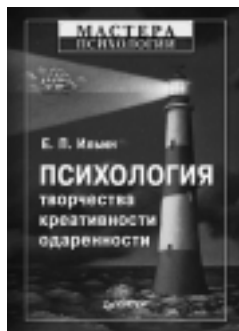
Цель данной книги — изложение теоретических оснований психологии общих способностей человека (интеллекта, обучаемости, креативности). В ней анализируются наиболее известные и влиятельные модели интеллекта (Р. Кэттелла, Ч. Спирмена, Л. Терстоуна, Д. Векслера, Дж. Гилфорда, Г. Айзенка, Э. П. Торренса и др.), а также данные новейших и классических экспериментов в области исследования общих способностей, описывается современный инструментарий психодиагностики интеллекта и креативности. В приложении помещены оригинальные методические разработки руководимой автором лаборатории в Институте психологии РАН. Информативная насыщенность, корректность изложения, цельность научной позиции автора безусловно привлекут к этой книге внимание всех, кто интересуется психологией, педагогикой, социологией.

368 с., 17×24, перепл

Предисловие к третьему изданию • От автора • Глава 1. Проблемы психологии способностей • Глава 2. Общие интеллектуальные способности • Глава 3. Диагностика интеллекта • Глава 4. Развитие интеллекта • Глава 5. Интеллект в структуре психики • Глава 6. Субъективная парадигма в исследовании способностей. ИмPLICITНЫЕ теории способностей • Глава 7. Общие творческие способности • Глава 8. Развитие творческих способностей • Глава 9. Структура общих способностей • Послесловие • Приложения • Основные термины

КНИГА-ПОЧТОЙ

448 с., 17×24, перепл

Серия «МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ»

Е. П. Ильин

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА, КРЕАТИВНОСТИ, ОДАРЕННОСТИ

Каковы особенности мотивации и пути управления творчеством? Существует ли связь между творчеством и продолжительностью жизни? Что такое способности и склонности? Каковы виды и методы оценки одаренности? В чем возрастные и гендерные особенности креативности? Как сделать личность креативной? Ответы на многие интересующие вас вопросы вы найдете в новом пособии профессора Е. П. Ильина.

Глубочайшая проработка темы, удачный симбиоз теории и практики, большое количество полезных методик делают эту книгу необходимой для психологов, педагогов, руководителей всех уровней, а также студентов профильных вузовских факультетов.

Глава 1. Психология творческой деятельности • Глава 2. Психологическая характеристика творческого процесса • Глава 3. Бессознательное и творчество. Интуиция • Глава 4. Воображение (фантазия) как творческий процесс • Глава 5. Творчество и эмоции. Творческие состояния • Глава 6. Способности и одаренность как отражение творческого потенциала • Глава 7. Креативность как интегральная творческая способность • Глава 8. От творческих способностей и одаренности к творческим личностям (креативам) • Глава 9. Генезис способностей и одаренности (таланта) • Глава 10. Психологическая характеристика различных видов одаренности • Глава 11. Естественное и целенаправленное развитие творческого потенциала • Словарь научных терминов • Приложение. Методики изучения креативности • Список литературы

КНИГА-ПОЧТОЙ

Серия «МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ»

Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис

ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ СЕМЬИ. 4-е изд.

Четвертое издание монографии (предыдущие вышли в 1990, 1999, 2001 гг.) переработано и дополнено. В книге освещены основные психологические механизмы функционирования семьи — действие вертикальных и горизонтальных стрессоров, динамика семьи, структура семейных ролей, коммуникации в семье. Приведен обзор основных направлений и школ семейной психотерапии — психоаналитической, системной, конструктивной и других. Впервые авторами изложена оригинальная концепция «патологизирующего семейного наследования». Особый интерес представляют психологические методы исследования семьи, многие из которых разработаны авторами. Издание предназначено для психологов, психотерапевтов и представителей смежных специальностей.

672 с., 17×24, перепл

От авторов • Предисловие к четвертому изданию • Предисловие к первому изданию • Введение • Глава 1. Семья как источник психической травматизации личности • Глава 2. Нарушение основных сфер жизнедеятельности семьи как источник психической травматизации личности • Глава 3. Методы семейной диагностики. Техники семейной психотерапии и их теоретическое обоснование • Глава 4. История развития семейной психотерапии: основные направления и методы • Глава 5. Особенности семейной психотерапии в системе лечения и профилактики некоторых нервно-психических и психосоматических расстройств • Заключение • Приложение. Методики изучения семьи в ходе семейной психотерапии • Список основной литературы • Предметный указатель

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «ПИТЕР»
предлагают эксклюзивный ассортимент компьютерной, медицинской,
психологической, экономической и популярной литературы**

РОССИЯ

Санкт-Петербург м. «Выборгская», Б. Сампсониевский пр., д. 29а
тел./факс: (812) 703-73-73, 703-73-72; e-mail: sales@piter.com

Москва м. «Электrozаводская», Семеновская наб., д. 2/1, корп. 1, 6-й этаж
тел./факс: (495) 234-38-15, 974-34-50; e-mail: sales@msk.piter.com

Воронеж Ленинский пр., д. 169; тел./факс: (4732) 39-61-70
e-mail: piterctr@comch.ru

Екатеринбург ул. Бебеля, д. 11а; тел./факс: (343) 378-98-41, 378-98-42
e-mail: office@ekat.piter.com

Нижний Новгород ул. Совхозная, д. 13; тел.: (8312) 41-27-31
e-mail: office@nnov.piter.com

Новосибирск ул. Станционная, д. 36; тел.: (383) 363-01-14
факс: (383) 350-19-79; e-mail: sib@nsk.piter.com

Ростов-на-Дону ул. Ульяновская, д. 26; тел.: (863) 269-91-22, 269-91-30
e-mail: piter-ug@rostov.piter.com

Самара ул. Молодогвардейская, д. 33а; офис 223; тел.: (846) 277-89-79
e-mail: pitvolga@samtel.ru

УКРАИНА

Харьков ул. Суздальские ряды, д. 12, офис 10; тел.: (1038057) 751-10-02
758-41-45; факс: (1038057) 712-27-05; e-mail: piter@kharkov.piter.com

Киев Московский пр., д. 6, корп. 1, офис 33; тел.: (1038044) 490-35-69
факс: (1038044) 490-35-68; e-mail: office@kiev.piter.com

БЕЛАРУСЬ

Минск ул. Притыцкого, д. 34, офис 2; тел./факс: (1037517) 201-48-77
e-mail: gv@minsk.piter.com

 Ищем зарубежных партнеров или посредников, имеющих выход на зарубежный рынок.
Телефон для связи: **(812) 703-73-73. E-mail: fuganov@piter.com**

 Издательский дом «Питер» приглашает к сотрудничеству авторов. Обращайтесь
по телефонам: **Санкт-Петербург – (812) 703-73-72, Москва – (495) 974-34-50**

 Заказ книг для вузов и библиотек по тел.: (812) 703-73-73.
Специальное предложение – e-mail: kozin@piter.com

 Заказ книг по почте: на сайте **www.piter.com**; по тел.: (812) 703-73-74
по ICQ 413763617
